

Х. ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

УДК 60.5 + 66.75

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ МОЛОДЕЖИ: 1990-1999 гг.

Т.В. Гуляева, Дальрыбвтуз, Владивосток

Рассмотрены основные социальные изменения в облике молодежи, которой выпало стать связующим звеном между эпохами.

Россия вступила в XXI век в состоянии затянувшегося системного кризиса. Это не может не отразиться на механизме общественного воспроизводства, в котором молодежи принадлежит главная роль. Современная российская молодежь включается в новые для себя условия и социальные отношения, опираясь на опыт предшествующих поколений. Специфика ее социального облика во многом определяется тем, как она реализует свои основные сущностные функции – воспроизводственную, инновационную, трансляционную. Это зависит как от способностей самой молодежи, так и от тех возможностей, которые ей предоставляются обществом.

Восемь лет, прошедших с начала реформ, – время не малое для того, чтобы, оценив тенденции изменения социального облика молодежи, представить контуры будущего российского общества. *Благодаря преемственности, обновлению и передаче социального опыта именно нынешнему поколению молодежи суждено стать своеобразной социальной результирующей уходящего века и одновременно стартовым поколением века грядущего.*

Опираясь на данные представительных социологических исследований, проводимых Центром социологии молодежи ИСПИ РАН с 1990 по 1997 гг., рассмотрим основные изменения в облике поколения, которому выпало стать связующим звеном между эпохами.

Фундаментальные макроэкономические и социально-политические изменения в обществе отразились, прежде всего, в социальном составе и в положении молодежи в социальной структуре. *Произошло перераспределение занятости молодежи между государственным и негосударственным секторами экономики.* После неконформистского бума оттока молодежи из госсектора почти на 40 %, наблюдавшегося после 1991 г., ее занятость на государственных предприятиях несколько стабилизировалась на уровне 52 % в 1997 г. Однако *кредит доверия со стороны молодежи государственному сектору сокращается заметно быстрее, чем реальная занятость в нем.* Лишь каждый четвертый молодой респондент предпочитает работу на госпредприятии. Вынужденные простои, нищенская зарплата, которая к тому же систематиче-

ски задерживается, постоянная угроза банкротства предприятий подорвали у молодых людей надежду на работу в госсекторе как на гарантию стабильности.

Развал колхозов и невозможность заняться фермерством маргинализировали значительную часть сельской молодежи. Растет ее отток из села в город. После 1991 г. в 2,5 раза возросла доля молодых людей, стремящихся любыми способами перебраться на постоянное место жительства в город, где их никто не ждет, кроме криминальных структур.

Молодежная безработица – явление новое не только для молодых россиян, но и для их отцов и даже дедов. Хотя уровень занятости молодежи постепенно стабилизируется, безработица в ее среде остается высокой. Каждый третий из числа зарегистрированных на бирже труда молодой человек в возрасте до 30 лет. Причем, значительный удельный вес среди них составляют лица, только что окончившие среднюю школу, ПТУ, техникумы и вузы.

Неуклонно сокращается доля учащейся молодежи. Сегодня отсеивается из средней школы исчисляется миллионами. Еще больше молодых людей не имеют возможности продолжать свое образование в средней и высшей школе. *Наметилась крайне негативная тенденция роста численности молодежи призывного возраста, не имеющей даже начального образования.*

Изменение социального состава нынешнего поколения молодежи проявилось и в возрождении таких групп, как нищие, бомжи, безпризорники, беженцы, упоминание о которых можно встретить разве что в статистических справочниках 20-х гг. Нельзя не отметить и появление сравнительно немногочисленной (2-3 %), но быстро растущей группы богатых молодых людей, способных, по их собственному признанию, не отказывать себе, ни в чем. Однако процветание большинства из них имеет весьма сомнительное, а часто криминальное происхождение.

Ухудшение по многим позициям социального положения молодого поколения существенно расширяет базу социального исключения отдельных его слоев и сферу их конфликта с обществом.

Вторая группа изменений связана с социальной дифференциацией и расслоением молодежи. Все более заметными становятся различия между группами внутри молодежи. К традиционным социально-дифференцирующим признакам (по формам занятости, по характеру и содержанию труда) добавляются новые – более значимые. Это социокультурные, этнонациональные, социально-пространственные, регионально-поселенческие, материально-имущественные. Усиление социальной дифференциации молодежи в условиях развивающегося общества имеет свои положительные особенности, так как появляются структурные возможности для реализации многоплановых групповых интересов, что, в конечном итоге, предполагает интеграцию.

Принципиально другая ситуация складывается в кризисном российском обществе. Здесь социально-дифференцирующие признаки часто приобретает статусное значение, что усиливает социальное расслоение и ведет к дезинтеграции общества. Изменяются и основания социальной стратификации молодежи. Ушли в прошлое такие стратификационные признаки, как принадлежность к партийной номенклатуре или доступ к распределению дефицита. Исследования показывают, что заметно ослабло стратифицирующее влияние уровня образования и степени интеллектуального содержания труда. *Сегодня расслоение происходит преимущественно по формам собственности, по доступности источников жизнеобеспечения (работы, зарплаты), по материальному и имущественному основаниям, по возможностям реализации своих прав, по принадлежности к силовым структурам.* То есть происходит возврат к доиндустриальной модели стратификации. Изменения, отмеченные в социальном положении молодежи, не могли не отразиться в ее сознании. Особенно заметные подвижки произошли в мотивационной структуре. *В результате перестройки уже к 1990 г. произошла коренная переориентация молодежи в направлении от предпочтению нематериальных ценностей к материальным.* Это стало проявляться сначала в труде, а затем распространилось на другие сферы. Зарплата прочно утвердилась в мотивах труда, оттеснив с ведущих позиций такие ценности, как содержание труда, самоопределение в труде, возможность самореализации через труд и т.д. Дальнейшая деформация этических ориентаций продолжилась под влиянием резкого обострения трудовых конфликтов, связанных с переделом собственности. Молодежь осталась в стороне от этого процесса.

Самоценное отношение к труду, с точки зрения его содержания, вытесняется в молодежном сознании оценкой смысла труда как средства достижения других целей. Удельный вес инструментальных ценностей в структуре трудовой мотивации увеличился с 47 % в 1990 г. до 58 % в 1997 г. Эту тенденцию можно было бы считать положительной, если бы в ней определенно проявлялся процесс рационализации труда. Тогда доминировал бы достигновенческий комплекс ценностей, таких, как мастерство, добросовестность, ответственность, бережливость, предприимчивость, во многом характерных для западной трудовой этики.

У нашей же молодежи мастерство и профессионализм как факторы личностного самоопределения передвинулись по сравнению с 1990 г. со второго на шестое место, а высокие показатели в работе с пятого на девятое место. Ясно, что продолжение подобной тенденции приведет к разрушению трудовой мотивации, без которой немислимо дальнейшее воспроизводство рыночных отношений.

Таким образом, происходит обесценивание норм (аномия) в сознании молодежи, когда общественно значимые цели девальвированы, а новая мораль рационализма, адекватная современному обще-

ству, еще не сформировалась. Причем, если для молодежи, занятой в госсекторе экономики, anomия характеризуется состоянием «безнормности», вызванным отрицанием устаревших норм и отсутствием новых, то для занятых в негосударственном секторе – в основном невозможностью их реализации при полном или относительном согласии с ними.

Отсюда и разные способы выхода из состояния anomии. В одних случаях, это конформизм, попытки приспособиться к сложившимся условиям, стремление продлить существование устаревшего порядка, в других – различные формы девиантного поведения, выражающиеся как в социальных инновациях, так и в социальном протесте. *Все больше приобретают распространение в молодежной среде крайние формы протеста – в виде делинквентного поведения.* Этому во многом способствует бездумная политика целенаправленного разрушения якобы социалистических норм, которые, кстати, базировались в значительной мере на православных ценностях, а также оголтелый антикоммунизм, разрываемый каждый раз средствами массовой информации в период предвыборных кампаний. Разрушая нормативное сознание, утверждая в качестве социальной нормы корысть и вседозволенность, российское государство оказалось пока неспособным сформировать новую систему ценностей, лишая тем самым многих молодых людей твердых социальных ориентиров.

Все более заметным фактором социализации значительной части молодежи становится церковь. Исследования свидетельствуют, что около 40 % молодых респондентов считают себя верующими. Церковь занимает первое место в ряду социальных институтов, пользующихся наибольшим доверием молодежи. Однако реально верующих молодых людей значительно меньше. Регулярно посещают церковь, постоянно совершают религиозные обряды, общаются с друзьями на религиозной основе, а самое главное – руководствуются в обыденной жизни принципами православной этики от 5 до 11 % молодых людей.

В кажущемся противоречии этих цифр, скорее всего, отражается процесс смены стереотипов сознания. Несмотря на усилия современных идеологов, удалось разрушить лишь поверхностный, стереотипный слой молодежного сознания, отражающий многие идеологические догмы недавнего прошлого. Глубинные пласты сознания подверглись деформации в меньшей степени. *Ведущие позиции в структуре сознания большинства молодежи по-прежнему занимают такие ценности, как доброта, душевность, отзывчивость, коллективизм.* Место же дискредитированных пропагандой социалистических стереотипов заняли религиозные. Поэтому они не стали социальной нормой и не оказывают регулирующего влияния на повседневное поведение большинства молодых людей.

Рассмотренные изменения социального состава, положения в социальной структуре и сознания молодежи не могли не повлиять на ме-

ханизм общественного воспроизводства, субъектом которого является каждое новое молодое поколение. На рубеже веков это приобретает принципиальное значение для прогнозирования направленности развития российского общества.

Во-первых, отмечаются крайне негативные тенденции воспроизводства средств производства и материальных условий жизни. *Продолжается отток молодежи из сферы материального производства. В разных отраслях численность молодежи в составе рабочей силы сократилась от 2 до 6 раз.* Многие из оставшихся на производстве лишь числятся в штате, зарабатывая на стороне.

Крайне низкий уровень межпоколенной профессиональной мобильности (от 3 до 7 % в разных профессиональных группах) свидетельствует, что современная молодежь не желает повторять профессиональный путь своих родителей. Учитывая, что речь идет о наиболее массовых профессиях, можно предвидеть печальную перспективу воспроизводства профессиональной структуры в российском обществе.

Во-вторых, происходит неоправданно интенсивное перераспределение молодежной занятости в сферу распределения и обмена. Сегодня посреднической деятельностью, оказанием разного рода услуг и финансовыми операциями занимаются в 12 раз больше молодых людей, чем 7 лет назад. В принципе, для развитых рыночных отношений подобный процесс может считаться оправданным, скажем, как перераспределение занятости в случае временного перепроизводства. В условиях же нецивилизованного в правовом отношении российского рынка, тем более развала производства, это *ведет к формированию у молодежи извращенной мотивации труда, к распространению в ее среде неэкономических форм распределения (рэкет, вымогательство, мошенничество).* Кроме того, усиливается обособление распределительных отношений, превращение их из кратковременного этапа в ходе общественного воспроизводства в нечто самостоятельное, автономное.

В-третьих, резкое снижение жизненного уровня молодежи негативно сказывается на развитии потребления. Две трети молодежи находятся за чертой бедности, что не может не сказываться на структуре их потребления. Вместе с тем, через средства массовой информации активно формируется стереотип легких заработков, усиливается реклама досуговой индустрии. Разбалансированность уровня доходов и уровня потребления, вызванная этим, приводит к деформации интересов, как в сфере труда, так и потребления, к конфликту мотивов в этих сферах. Высокая неудовлетворенность материальным положением конфликтует в сознании молодежи с низким уровнем потребности в труде.

В-четвертых, невнимание со стороны руководства страны к вопросам науки, образования и культуры приводит к опасным деформациям в сфере духовного производства. *Впервые за многие десятилетия в нашей стране законодательно созданы предпосылки для ограничения*

возможностей в получении образования отдельными слоями молодежи. Россия ежегодно теряет тысячи молодых ученых, вынужденных искать работу за границей. Сотни молодых талантов из числа творческой интеллигенции не могут реализовать себя из-за отсутствия денег, необходимых для оплаты огромной армии менеджеров от искусства. Поэтому духовное производство не справляется в нынешних условиях с присущей ему социально-интегрирующей функцией, что усиливает поляризацию интересов молодежи и ведет к социальной нестабильности.

Особую тревогу вызывает рост заболеваемости среди молодежи и беспрецедентный для мирного времени рост смертности в молодежных когортах.

Отмеченные тенденции свидетельствуют о наличии признаков разрыва во всех звеньях социального воспроизводства в целом, как системы, что неизбежно отразится уже в начале следующего столетия на развитии, как молодежи, так и общества.

Библиографический список

1. Молодежь и общество на рубеже веков / Науч. ред., предисл. И.М. Ильинского. М., 1999. 332 с.
2. Ручкин Б. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 94.
3. Ручкин Б. Что такое «российская молодежь»? // Методологические проблемы исследования молодежи (материалы к дискуссии). М., 1998. С. 17.
4. Свиридов И.А. Адаптационные процессы в сфере молодежи // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 90-95.
5. Сергейчук С.И. Факторы гражданской социализации учащейся молодежи // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 107.
6. Таранцов М.А. Исторический опыт реализации молодежной политики государства и общества в условиях смены общественно-политической системы и социально-экономических реформ. Конец 1980-1990-е годы: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук / Ин-т. молодежи. М., 1998. 47 с.
7. Ткаченко В.В. Социально-демографический портрет российского студенчества на рубеже XX-XXI веков / Научные проблемы образования: Межвуз. сб. тр. молодых ученых. Самара, 2002. С. 174.
8. Ткаченко В.В. Ценностные ориентации российской студенческой молодежи в условиях становления рыночных отношений // Российская молодежь и глобализация. Кострома, 2002. С. 56.
9. Хлебовская Е.А. Ориентация молодежи в сфере образования // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения: Инф. бюлл. М., 1995. Вып. № 5.
10. Лисовский В.Т., Козлов А.А. Захарова Е.М. Социальные проблемы обучения и воспитания // Российское студенчество на рубеже веков. М., 2001. С. 66.

К ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ XXI ВЕКА

И.И. Золотухина, Дальрыбвтуз, Владивосток

Образование – это непрерывный процесс так же, как движение материи, разума и пространственно-временного континуума, что отражает эволюцию сознания. В статье рассмотрены процессы интернационализации и интеграции в образовании и построение новой мировой системы образования. Глобализацию образования упорядочивает Болонский процесс, а Россия призвана дать человечеству новое мировоззрение и новое образование – ноосферное. Россия – не Восток и не Запад, у России особая миссия.

Образование является и должно являться, по существу, непрерывным процессом от рождения до смерти, назначение которого состоит не столько в накоплении знания, сколько в расширении сознания. Знание само по себе мертво, если не влияет на взаимоотношения человека со своим окружением, социальную ответственность, исторические тенденции, частные и мировые условия, а главным образом на эволюцию сознания, вводя безграничные просторы неведомой Вселенной в сферу ограниченного человеческого ума. Можно сказать, что образование – это непрерывный процесс обучения тому, как согласовывать между собой человеческие и природные элементы в составе человека, налаживая правильные отношения между Космосом и человеком, духом и материей, целым и частью.

Эта статья о философии образования актуальна потому, что все критическое мышление в области теории образования характеризуется в наши дни глубокой озабоченностью в отношении, как сохранения, так и обогащения человеческих ценностей. В такой философии должны сочетаться три основных подхода:

- 1) психологическая теория человеческой личности, которой следует «давать образование»;
- 2) социальная теория об обществе, которое мы пытаемся создать или сохранить, как подходящем вместилище распространяемых идеолов культуры;
- 3) мировоззрение, или космогония, теория о месте человека во вселенной.

В самом широком смысле, такое мировоззрение сделает возможной всепланетную цивилизацию, впитав в себя все то истинное о человеке и вселенной, что можно извлечь из всех региональных культур всех времен. Такие-то универсальные принципы и обеспечат нормы образования в новом веке. Современный мир страдает культурным провинциализмом, основанным на дуализме, направленном на внешнее (с объективной точки зрения западного мира) и устремленности

вовнутрь, или субъективизма восточных народов. Каждая из этих цивилизаций, в своей крайней форме, закоснела в собственном равновесии. В своей гармоничной жизни человек должен объединить оба идеала, чтобы достигнуть целостности самому и сделать цельным окружающий мир. В будущем средство для устранения социальных расколов и психологической разобщенности, которые мешают, препятствуют нашим нынешним усилиям преодолеть разделение человечества, будет заключаться в восстановлении единства принципов, на которых может быть предпринято объединение человеческих ценностей и достижений. Причастность образования к этому процессу очевидна. На субъективных уровнях мы обязаны принять меры к воссоединению человеческой личности и преодолеть двойственность сознания, возникшую из культурной разобщенности в результате отрицания личного «Я», как преобладающего принципа культуры мирной цивилизации Востока, и агрессивного «индивидуализма» Запада, как идеала западного человека. Таким образом, мы нуждаемся не только в политическом синтезе мировой федерации, в которой восточное и западное полушария действовали бы подобно правому и левому полушариям человеческого мозга, а мировой мозг служил узлом, где перекрещиваются планетарные нервы, но нуждаемся и во всепланетном образе жизни, всепланетной этике и всепланетном способе чувствования, чтобы накопить могучую движущую силу, которая потребуется для выполнения стоящих перед нами великих задач.

Нынешний экономический кризис – это показатель несостоятельности прежних принципов и вечной борьбы в философии между «материализмом» и «идеализмом». Наука XXI века, благодаря квантовой парадигме, доказала, что нет ни материализма, ни идеализма, а есть единство. Время восстановить единство объективного и субъективного, экстравертивных и интровертивных цивилизаций, добиться высокого оркестрового звучания культуры, – это время наступило. Деятельность в области мирового воссоединения должна включать призыв к странам Востока сохранять и развивать основные ценности своих региональных культур. Если Запад занят поиском принципов мирной плодотворной жизнедеятельности, то Восток может составить противовес нашему агрессивному материализму. Если новый синтез призван восстановить культурное и духовное единство человечества, то западному миру придется проявлять смирение при обращении к Востоку. Мы можем, если захотим, воспользоваться огромным наследием восточной культуры, доступным для нас хотя бы благодаря Интернету.

Наша главная надежда на выживание в этом в высшей степени поляризованном мире базируется на всемерных попытках синтезировать обе культуры, пока еще есть время. Если Восток откажет нам в этом времени и решит просто встретить нас на наших собственных условиях, это может оказаться концом истории для всех нас, как на Востоке, так и на Западе.

В нынешний век промышленности и экспансии налицо все больше свидетельств могущества восточной мысли, проникающей в науку, философию и искусства Запада. Психосоматическая медицина, парапсихология, аналитическая психология Юнга были первыми признаками появления современных исследований, обращенных к внутреннему миру. Новый учет духовного фактора в жизни и образовании – это нечто большее, чем возвращение некоторых ранних форм христианской идеологии. В системе образования, предназначенной для нового века, Россия может предложить модель восточно-западной философии и займет свое надлежащее место. К элементам теории образования можно отнести следующие принципы:

1. Субъективное планирование – теория творческого саморазвития индивидуума.

2. Объективное планирование – теория общества, в котором люди могли бы достойно жить.

Следующий шаг состоит в том, чтобы проверить справедливость этих принципов на практике. Испытание должно проводиться скорее в русле оперативных техник, присущих индийской психологии, нежели западными позитивистскими методами. И пока эта программа не пройдет требуемой проверки, было бы напрасной тратой времени предрешать ее результат. Однако не стоит рассматривать подходы древнего Востока и современного Запада, как взаимоисключающие и альтернативные. В некоторых случаях эти подходы – просто два «языка» для констатации универсальных истин о человеческой природе. Перевод с одного языка на другой может уменьшить странность терминологии. То, что в данной статье кратко набросанный проект исследований не туманная философская фантазия, а насущная и неотложная потребность, подтверждается документом, выпущенным «Отделом культурной работы» ЮНЕСКО, в котором тема обсуждения сформулирована в следующих словах: «Концепция человека и философия образования на Востоке и Западе». В нем говорится: «ЮНЕСКО не может оставаться безразличным к этой проблеме (Востока и Запада); оно обязано встретить ее лицом к лицу в нынешних мировых условиях, вызванных все более ускоряющимся процессом унификации, сокращения расстояний, возрастающим значением технологии, постепенным достижением всеми народами политической независимости и взятием на себя международной ответственности, но больше всего тревогой и растерянностью, терзающими обе великие цивилизации прошлого, которые готовы дать рождение единой цивилизации будущего, но трусят под угрозой мирового кризиса, который они далеко не способны контролировать».

Средство от «болезни современного человека» имеется, и многие его компоненты описаны в русском космизме, посвященном образованию в будущем. Осуществление упомянутых принципов – дело самого человечества. То, что ее теории не остаются безразличными и непонятными для современных педагогов, подтверждает тот факт, что в отдельных местах уже предпринимаются эксперименты в области об-

разования, которые должны выразить потребность в синтезе. Речь идет о ноосферном образовании. Главной его целью является развить привычку к синтетическому мышлению и сформулировать или наработать объем мудрости, потребный для человеческой эволюции и личного развития. До настоящего времени в таком дополнении к нашим высшим учебным заведениям не было необходимости. Но с возрастанием числа специальных отраслей знания, когда нас буквально заваливает лавина информации и сведений, настало время серьезно взяться за выяснение того, что же все это знание означает. Если университет будет не в состоянии синтезировать универсальные основы современного обучения, он не сможет исполнять свою историческую роль и преподносить универсальные принципы просвещенным индивидуумам (с пеленок знакомых с Интернетом), тянущимся к благу достойной жизни. Эта безотлагательная нужда требует точной констатации и признания, если мы хотим сознательно найти решение проблемы.

Главной целью «успеха в учении» (по выражению Бэкона) является пролить свет на четыре главных вопроса человеческого существования:

1. Что такое человек?
2. Что представляет собой физическая вселенная (космос), в которой человек живет?
3. В ходе каких эволюционных процессов род человеческий оформился в матрице природы, так что человек смог стать тем самосознательным и творческим индивидуумом, какой он сейчас?
4. Зная о космосе и о человеческой природе, какой наилучший вид общества можно предложить для прогрессивной самозволюции человека?

В поиске ответов на эти вопросы и давая студентам стимулы и данные, необходимые для формулировки собственных ответов, преподаватели не будут строить из себя экспертов по интеграции. Вместе с заинтересованными студентами преподавательский состав будет искателем синтеза.

Вернемся к началу нашей статьи. Парадокс в том, что Россия – это ни Европа и ни Азия, она соединяет в себе и ту и другую и является всепланетной цивилизацией. Поясним это утверждение, рассматривая следующие вопросы:

1. Процессы глобализации.
2. Центр глобализации – образование.
3. Процессы интернационализации и интеграции в образовании – построение новой мировой системы образования.

Глобализацию образования ныне желает упорядочить Болонский процесс, набирающий подходящее число полномочных стран. Россия тоже подхвачена единым международным образовательным пространством через Интернет-обучение и E-learning. Обратимся к истории. Современный этап развития академической мобильности начался после окончания Второй мировой войны. В первые годы «холодной войны» аналитики президента Гарри Трумэна, просчитывая стратегию своей

страны, пришли к выводу, что наиболее экономичный способ распространения влияния США в мире – это обучение иностранных студентов. Знаменитая доктрина под названием «Америка – 2000: стратегия образования», была опубликована в России «Учительской Газетой» в 1992 году: «Эта национальная программа США есть попытка подвигнуть общество к осознанию двух вроде бы простых истин. Во-первых, что сложность проблем, с которыми Соединенные Штаты входят в XXI век, требуют смены типов образования, создания новой генерации школ. И, во-вторых, что средством развития страны является не экономика, не политическое устройство, рынок, частная собственность, право, военная мощь или еще что-то, а только нового качества образование. Как следовало из комментариев к «стратегии», к ее реализации привлекается весь «творческий педагогический гений Америки» («УГ». № 17.1992).

Эту идею в Европе восприняли только в 1999 г. 18-19 июня 1999 г. в Болонье ряд европейских министров образования подписали совместное заявление, которое впоследствии послужило началом «Болонского процесса» в европейской системе образования. Министры приняли во внимание возможности для мобильности, предлагаемые в соответствии с программами Европейского сообщества, и прогресс, достигнутый в этой области, например, запуском Плана действий по мобильности, поддержанном Советом Европы в Найсе в 2000 г. Не нужно быть особенным провидцем, чтобы предсказать, к каким грандиозным социальным последствиям должен, в конце концов, привести заявленный «Болонский процесс» – через 20-30 лет вчерашние «мобильные» студенты займут ушедших по возрасту представителей европейского менеджмента, и тогда последние барьеры внутри ЕС будут естественным образом сняты. Образуется, как сказал бы Лев Гумилев, совершенно новый общеевропейский этнос. Собственно, все это очевидные плюсы, и в реализации этих плюсов как бы и заключается план социальных инженеров Единой Европы. В ситуации начала очень сложного и очень масштабного, не только образовательного, но в еще большей степени социального процесса в Европе, Россия, как всегда, оказывается перед выбором. Как ей относиться к «болонской декларации»: настаивать на своем особом евразийском пути, то есть поддерживать и развивать свою национальную систему образования, или активно включаться? На самом деле, у России просто нет другого выхода, как включиться в любой «процесс», начатый в Европе, «болонский» или какой-либо другой. Ведь это – инициатива, подкрепленная финансовой мощью ЕС, в отсутствие других инициатив и нормального бюджетного финансирования. Но, кроме того, все прекрасно понимают, что подоплекой европейской реформы является установление международного стандарта для дипломов, который рано или поздно станет непреодолимым препятствием для выпускников российских вузов на все более интернационализируемом рынке труда.

В статье, напечатанной в «Русском журнале» под заголовком: «О российских перспективах в Болонском процессе», говорилось о том, что

министр образования РФ Владимир Филиппов заявил, что у российской высшей школы нет иного выхода, как интеграция в общеевропейскую зону высшего образования. Россия обязана подписать декларацию еще и потому, чтобы диктовать правила игры с точки зрения национальных интересов. Юрий Николаевич Афанасьев добавляет: «Дело в том, что болонская модель предполагает модульный подход. Модульная система – это отказ от предметного преподавания и введение целенаправленно расширенных образовательных программ, в которых дисциплинарные границы расширены и рассматриваются совсем иначе, чем в архаичных традиционных формах. Здесь-то и возникают опасные ножницы. Если вдуматься, переход на модульный принцип организации учебного процесса оказывается невозможен, так как он противоречит СТАНДАРТАМ, утвержденным в России. Российские стандарты составлены попредметно. Прежде всего, потребуется перекройка всей системы довузовского образования. Также мы должны говорить о ключевой, фундаментальной проблеме – необходимости обновления высшего образования. В его основе независимо от географической принадлежности – универсальные принципы. Какие? В любой стране высшее образование, в основе которого лежит научное знание, является специальным: его цель подготовка добротного специалиста. Недостаточность такого образования для жизни в современном обществе (а не только в профессии) была ясна очень давно, но лишь относительно недавно и поначалу лишь немногие стали осознавать ее как реальную опасность для цивилизации. Сегодня она обретает черты общепризнанной социальной проблемы: остро необходимой стала способность к быстрой социальной адаптации. Решение этой последней задачи требует абсолютно новой информационно-образовательной среды» (см. «Русский журнал» / Вне рубрик / Сумерки просвещения). www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20030407_mitr.html

Таким образом, можно сделать вывод, что включение в болонский процесс позволит нам продвинуться в самой образовательной культуре от традиций века девятнадцатого к системе, я надеюсь, века двадцать первого, в которой каждый человек имеет право распоряжаться собой, своим временем и нести за это ответственность. Это очень важно. Что касается формирования новой информационно-образовательной среды вуза, Лобанова Е.В., кандидат педагогических наук, декан факультета «Психологии и педагогики» Российского нового университета говорит о том, что новая парадигма образования, принятая в современной России, ориентирует педагогическое сообщество на обеспечение вариативности и альтернативности образовательных систем и учебных заведений, гибкости и динамичности учебного процесса в вузах, его адаптивности к социальным условиям и запросам населения и работодателей, широкое и повсеместное внедрение в учебный процесс вузов современных образовательных технологий, что будет и далее изменять характер развития, приобретения и распространения знаний. Это означает, что перед каждым высшим учебным заведением стоит сложная, многофакторная задача – сформировать новую информационно-образовательную среду под-

готовки специалистов с учетом не только сегодняшних требований, но и социальной перспективы, стремительного распространения новых информационных и коммуникационных технологий. Так, в последнее время наметилась явная тенденция к переходу от квалификационной модели специалиста к компетентностной. Акцент в его подготовке смещается на социально-личностные и общепрофессиональные компетенции [1].

Абстрагируясь от сферы причин явлений, меняющихся условия жизни человечества сегодня, можно констатировать, что мы вступили в новые условия бытия, когда окружающая среда уже не пассивна, как прежде, но проявляет возрастающую активность, вступая во все более активное взаимодействие с человеком и человечеством. Эти условия толкают нас на пересмотр собственной концепции бытия и самих себя, решительно открывая путь для саморазвития. России есть что предложить мировому сообществу – это **ноосферное образование**. Коноплев Н.С., доктор философских наук, профессор Иркутского госуниверситета, предлагает ноосферный расклад образования. Образование здесь определяется становящейся ноосферой:

- 1) возрастание инфомассива,
- 2) глобализация «текущего момента»,
- 3) формирование «виртуала» (т.е. строительного материала для субъектно-организованной предметности).
- 4) INTERNET как торжество «мировой паутины».

Согласно Болонскому процессу, договаривающиеся стороны участники нового начинания обеспечивают, используя интернет-технологии, применение *ценностных* критериев к лавинообразно наплывающему инфомассиву. Отслеживая космичность единого информационно-образовательного пространства, они (т.е. ценностные критерии) достигают этого конструктивным проигрыванием «виртуала» – незримого сподвижника ноосферы. Ноосфера – достаточно хрупкое творение человеческого разума: она нуждается в прочном образовательном пространстве. Становящаяся ноосфера – это ноосферная форма движения материи, которая преодолевает «социальность», не выдерживающую испытания накатом НТР, предлагаемого человечеству. Цель «Болонского процесса» – объединение разноаспектных человеческих ценностей, придание им «общечеловеческой стоимости» на единой образовательной реальности – по «горизонтали» и «вертикали». «*Горизонталью*» является «обучающе-воспитательный задел», влияющий на аутистичный прогон инфомассива. Инфомассив должен быть предметно-ценностно обработан в обучающе-воспитательном заведении – под руководством наставника. Речь идет об обычной школе, где закладываются основы построения ноосферы. Информация в сознании школьника ценностно прорастает как что-то жизненно актуальное, чему подросток искренне сочувствует. Завершая школьное обучение, молодой человек – если только он лично настроен, производит жизненный выбор: приступает к творчеству – выбору профессии. «*Вертикаль*» единого образовательного пространства выстраивается чередой сменяющих друг друга диалогов, когда все лично репрезентируемые

индивиды возвышаются до раскрытия своих сущностных интенций. «...Мы обустроиваемся куда-то стремительно забегающей Вселенной; и наше самоузнавание проецируется межличностными связями (чему порукой «вертикаль» образовательного пространства)» [3, с. 275-276].

К.С. Пигров предлагает новую технологию образования – *монадность*. Образование как, по сути, перемещение в духовном пространстве, находит свой существенный эквивалент как непосредственное перемещение в физическом и, в конечном счете, в культурном пространстве. Роль путешествия для образования хорошо понимали в XIX в., но сегодня путешествия отошло в социальный институт туризма, а из сферы внимания педагогов, по существу, выпало. Видение русского космизма особенно подчеркивает смысл образования как путешествия [4, с. 3-6].

Идея К.С. Пигрова, как мы видим, согласуется с академической мобильностью Болонского процесса. Таким образом, Болонский процесс призван откорректировать повсеместные образовательные чаяния социума с его мучительными поисками **смысла** жизни. А Россия призвана дать человечеству новое мировоззрение – ноосферное, которое даст человечеству, а не кучке олигархов, свободу. Поможет обрести смысл жизни и построить всепланетную цивилизацию.

Понятие ноосферы сегодня имеет множество толкований – это и сфера накопленного опыта человечества, это и сфера всех мыслей, когда-либо посещавших сознание людей. Все они происходят из определения, широко введенного В.И. Вернадским – сфера разума. Можно дать следующее определение ноосферы – это информационное поле Земли как части космоса. Это сфера того, что доступно разуму. Новизна предлагаемого определения ноосферы заключается в понимании разума как открытой, неограниченно развивающейся системы, поскольку разум не имеет смысла без сознания, как раз и обуславливающего его открытость. Поскольку сфера доступного для него в этом случае ограничивается лишь биологическими потребностями организма, а неохватная свобода духа, в которой существуют лишь возможности, оказывается недоступной. Поэтому ноосферу можно еще определить и как сферу **смысла**. Ноосферное мировоззрение – это когда осознаешь себя не в качестве собственного тела, но в качестве всего человечества и космоса. Ноосферная природа смысла – дать понятию нравственности абсолютную опору в виде конкретного знания, отражающего самоценность человека, человечества, Земли, Вселенной. Наследия В.И. Вернадского, Н.В. Тимофеева-Ресовского, А.Л. Яншина, Н.Н. Моисеева и других корифеев науки, заложивших начало новых представлений о жизни на Земле – это научный фундамент ноосферного образования, основа долговременных и стабильных отношений человеческих социумов и природы. «Задача заключается в том, чтобы попытаться осуществить конверсию в сфере приложения интеллекта, направить его на созидание нового безопасного будущего всего человечества, способности к выживанию и развитию» [5, с. 24].

Л.С. Гордина, кандидат технических наук, доктор философии, профессор, президент Ноосферной Духовно-Экологической Ассамблеи Мира, эксперт Высшего экологического совета Государственной думы РФ

говорит о том, что сейчас из уст ученых звучит много разумных идей, но они не доходят до власти преобладающих. В частности, весьма важным представляется появление новой науки – «Глобалистики». Автор этой концепции профессор Аркадий Павлович Федотов рассматривает нашу планету как космический корабль с человечеством на борту. И чтобы этот корабль не потерял управление, Российские ученые разработали Ноосферную конституцию человечества и предлагают к рассмотрению ряд проектов этического характера. Среди инициатив отечественных экспертов – нормы, регулирующие проблемы энергоинформационного благополучия населения и культуры управления информацией. Ученые стали приближаться к созданию Единой научной картины мира в последние десятилетия XX века, и эта работа продолжается в наши дни. Высший смысл жизни человека – стремиться к познанию и попытаться осознать эту самую Единую картину мира и то, что мы встраиваемся во вмещающий нас мир и эволюционируем вместе с ним. В основу своего мировоззрения мы ставим экологию человека, его сознания. Переломить сознание человечества можно через образование, просвещение, информацию (см. симпозиум «Ноосферные инновации в культуре, образовании, науке, технике, здравоохранении» Санкт-Петербург, 8, 9 апреля 2005 года).

И.А. Ильин в работах «Русская идея III», «Спасение в качестве» рассматривал качество как категорию, выражающую сущность национальной идеи России, в которой бы отразилась самобытность русского народа, направленная на выращивание «вторичных сил русской культуры (воли, мысли, формы и организации)». Качество в трактовке И.А. Ильина есть русское качество жизни, закодированное в культуре, философии русского народа, в его идеалах. И готовить восстановление России – значит, прежде всего, готовить себя к качественному служению Родине, готовить свой характер, свой разум, свое чувство, свою волевою идею. Имя этой волевой идеи – «русское качество». Он выделил первичные и вторичные «силы». К первичным «силам» он отнес «духовность», «правдолюбие». На их основе формируются «вторичные силы» – «воля, мысль, форма и организация». Их объединяет «искание» и «нахождение» «новой справедливости и настоящего русского братства» [6, с. 24-27].

Сейчас можно достаточно уверенно сказать, что причины наступившего кризиса глубоко экзистенциальны и лежат в самой природе человека разумного, в принципах его отношений с окружающим миром. Н.А. Козырев говорил, что человек – точка силы (точка сингулярности) – вечной энергии природы, но не просто пассивно отражающая ее, а преобразующая в энергию воли, любви и понимания, т. е. взаимодействия человека и природы... Не понимая причины жизни, человечество живет в «мире следствий» и борется против самой жизни [7]. Более того, кризис является необходимым и важнейшим этапом в дальнейшей эволюции человечества. Попытки его избежать или оттянуть вряд ли приведут к чему-либо хорошему. Только изменение нашего сознания, образа мышления, переход на космическое, «ноосферное» мировоззрение, где сила разума играет решающую роль, даст новый импульс развитию современной цивилизации. А.И. Субетто заявляет, что **ноосферизм** – это

новая научно-мировоззренческая система и одновременно модель такого бытия человечества и России в XXI веке, которая обеспечивает их выход из кризиса, в котором мы оказались. Этот исторический тупик обозначился в форме первой фазы глобальной экологической катастрофы. Природа (биосфера, Земля-Гая как суперорганизмы) уже подписала смертельный приговор рыночно-капиталистическому человечеству. Выход у человечества и у России в его составе – один. Он состоит в переходе к управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества. Качество реформ в образовании приобретает истинные основания, если они будут исходить не из подражания, из западнопоклонства, а из собственных оснований бытия и выживания. Россия должна стать ноосферным, образовательным обществом [8].

Таким образом, идеал образовательного общества составляют основы «образовательной России» в XXI в., без которой нельзя вести речь о ее социально-экономическом прогрессе, о ее вкладе в прогресс развития человечества, в устойчивое развитие человечества на Земле в XXI в. Ведущим становится духовное воспроизводство, восходящее воспроизводство качества человека и качества общественного интеллекта. Преодоление противоречия в системе взаимосвязей качества жизни и качества человека исторически решает образование. Образование как социальный институт становится базовой отраслью воспроизводства жизни и экономики, охватывая собой процессы передачи знаний, обучения и воспитания, становясь непрерывным, охватывающим всю жизнь человека. Образование – основа национальной безопасности России, глобального здоровья российской нации, экономической конкурентоспособности российского государства в XXI в.

По какому пути должна двигаться Россия – в сторону христианского и мусульманского Востока или в сторону «просвещенного» Запада. Спор, начатый славянофилами и западниками в XIX в., снова волнует русское общество. Н.А. Бердяев писал: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. Всякая народная индивидуальность, как и индивидуальность человека, есть микроскоп и потому заключает в себе противоречия, но это бывает в разной степени. Противоречивость и сложность русской души, может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное. У русского народа была огромная сила стихий и сравнительная слабость формы... Особенное значение XIX в. определяется тем, что, после долгого безмыслия, русский народ, наконец, высказал себя в слове и мысли и сделал это в очень тяжелой атмосфере отсутствия свободы. Я говорю о внешней свободе, потому что внутренняя свобода была у нас велика» [9, с. 8].

Магнитов С.Н. в статье «Восток и Запад сойдутся в зените» пишет: «Пресловутое бинарное деление мира на Восток и Запад давно столкнулось с противоречиями, лежащими на поверхности. Сами координа-

ты, замкнутые на Европу устарели. Сама координатная роль Европы устарела. Более полноценное троичное деление пространства выделяет логичную категорию оси, центра, разделяющую Запад и Восток, на входящую ни в то, ни в другое. Осевое пространство Земли дает осевую цивилизационную категорию. Это может быть пространство **Зенита**, центр Земли. Древние знали одну ось и один нулевой меридиан – проходящий по Уралу. Если посмотреть на карту мира, можно увидеть две громадные силы крайних полюсов, которые без центрального управления расколуют мир надвое с непредсказуемыми последствиями. Из этого следует, что миссии России не просто быть буфером для Европы от Востока, а центром мирового равновесия, а затем и управления. Бесконечные дискуссии о месте России в мире сводятся, как правило, к трюизмам: мол, находится где-то между Западом и Востоком. Этим подчеркивается некая вторичность России. Это заметно по глубокомысленным расчетам разнообразных деятелей: чего больше в России – западности или восточности, что больше впитала Россия – Запада или Востока? Однако, если следовать логике положения солнца, то Россия ни восточная, ни западная цивилизация, Россия – **цивилизация Зенита**. Россия видит в Зените то, что никогда не увидит Восток и Запад. Это значит, что у России своя – зенитная миссия. Комплекс, в который нас вгоняют и западники, и восточники, нужно забыть, поняв, какая у нас миссия – стать носителем мирового ока, мирового зрения – того, на что не способны будут ни первые, ни вторые. Ибо и Восток, и Запад сходятся в Зените» [10]. Его концепция отражает своеобразную философскую «аксиому Пифагора» о троичности всего сущего: «Никто не может стать воистину мудрым, пока не будет уметь представить любую проблему в виде треугольной диаграммы... Узрите треугольник, и проблема на две трети решена. Все вещи состоят из трех... » [11, с. 457]. Но как описать новый целостный мир будущего бинарным языком и мышлением настоящего? В статье Сергиенко П.Я. «Триалектика. Новое понимание мира» представлена научная гипотеза, в основу которой положен **триалектический**[∇] принцип всеобщей связи иерархии движения пространственно-временных систем (явлений действительности) Вселенной [12]. Рекомендуем с ней ознакомиться.

Сухонос С.И. на основании статистического анализа полной хронологии всех научных событий, начиная с Древнего Египта и заканчивая нашими днями, построил графики темпов развития науки в зависимости

[∇] **Триалектика** – это новая, по отношению к материалистической диалектике, теория познания Истины о началах бытия и творения (эволюции) действительности в согласии с принципами бытия Троицы. Началом начал всего сущего в триалектике постулируется не «движущаяся материя», а – «движущееся пространство». Из постулата «движущегося пространства» выводятся понятия движения плоти и духа, вещественного числа и времени, движения пространства-времени и формируется новое видение Мира: от движения пространства-времени электрона до движения пространства-времени Вселенной включительно.

от географического места и исторического периода. Была выявлена цикличность в развитии науки (и общества) за 2000 лет. Попеременно активность научных событий перемещается с Запада на Восток через Среднюю культуру. В России сформировалась к 2000 году пятая научная цивилизация, которая идет на смену четвертой – западноевропейской [13].

В заключении, мы можем сказать, что у России в XXI в. особая миссия. Россия – родина удивительной духовной культуры, создавшей такие феномены, как «русский космизм» и «русская философия». Россия – не Запад, не Европа, не Восток, не Азия. Она есть уникальная, евразийская, общинная, с большим «пространством-временем», цивилизация, имеющая свои законы социально-экономического развития. Качество реформ в образовании приобретает истинные основания, если они будут исходить не из подражания, из западнопоклонства, а из собственных оснований бытия и выживания. Россия должна стать ноосферным, образовательным обществом. «Знание, информация – это та сфера, которая наиболее легко преодолевает национальные границы... Знания, в отличие от сырья, не являются исчерпаемым ресурсом» [14, с. 287]. В.И. Моисеев выражает надежду на то, что близится к концу эпоха анализа, отмеченная противостоянием культур и, в первую очередь, культур Востока и Запада, исчерпывает себя аналитический логос. По его мнению, на данном этапе вместе с разного рода тенденциями исторического синтеза все более ощущается потребность в синтезе **ментальном** [15]. Движение научной мысли, не стесненное искусственными преградами, пути сообщения, переносащие миллионы людей из конца в конец планеты, средства связи, позволяющие людям обмениваться мыслями в фантастически короткое время – все это важнейшие направления энергетического обмена нашего века, продвинувшего человечество к новому эволюционному витку космической спирали – к ноосфере по Вернадскому. В любом историческом процессе звучит ритм эволюции. Динамичное развитие земных цивилизаций и, как следствие, необходимость постоянного самообразования человека в процессе всей жизни, новые удивительные возможности информатизации стали причинами явного несоответствия традиционной педагогической парадигмы реалиям XXI в. и заставили задуматься о новой парадигме образования. Но об этом читайте в другой статье этого сборника под названием: «Новая образовательная парадигма».

Библиографический список

1. *Шадриков В.Д.* Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход // Высшее образование сегодня. 2004. № 8. С. 26-31.

2. *Коноплев Н.С.* «Страсти по диалектике...» // Некоторые актуальные вопросы философии и социальных наук: Матер. межвузовской науч.-практ. конф. /Отв. ред. Н.Н. Штыков. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. С. 11-45.

3. Коноплев Н.С. Виртуальная реальность: ее природа и возможности // XXI век: будущее России в философском измерении: Матер. Второго Российского философского конгресса (7-11 июня 1999 г.): В 4 т. Т.1: Онтология, гносеология и методология науки, логика. Ч. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

4. Пиэров К.С. Дом – Остров – Океан: к исследованию динамики человеческого пространства // Дом человека (экология социально-антропологических процессов). В надзаг. Институт биологии и психологии человека, и др. СПб., 1998.

5. Мельникова Е.Н. Час X. Россия 21 век. М., 1996.

6. Антология русского качества / Под ред. В.В. Бойцова, Ю.В. Крынова. М.: РИО «Стандарты и качество», 2000.

7. Казначеев В.П. Учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Новосибирск, 1989.

8. Субетто А.И. Качество реформ образования и ноосферная модель будущего бытия человечества и России // «Академия Тринитаризма». М., Эл № 77-6567, публ.10917, 02.01.2004.

9. Бердяев Н.А. Русская идея. М., 1992.

10. Магнитов С.Н. Восток и Запад сойдутся в зените // «Академия Тринитаризма». – М., Эл № 43-0226. 2003.

11. Платон. Собр. соч.: В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.

12. Сергиенко П.Я. Триалектика. Новое понимание мира. Пущино, 1995. С.56.

13. Сухонос С.И. Российский ренессанс в XXI веке. М.: Планета, МОСТОК, 2001.

14. Лебедева М.М. Мировая политика: Учеб. для вузов. М., 2003.

15. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 1998. 450 с.

УДК 87.6

НОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА

И.И. Золотухина, Дальрыбвтуз, Владивосток

Новая образовательная парадигма призвана из homo-sapiens через развитие в нем творческого потенциала сделать homo-spiritus. Творчество – результат интуитивного мышления и при чисто логическом подходе творчество отсутствует. Как идеальное бытие в целом, творчество является не только обеспечивающим моментом по отношению к деятельности в целом, но и обладает самоценным значением. Необходимо помочь студентам развить творческий потенциал для повышения качества жизни, а это можно сделать только, если мы повысим качество образования. Русская культура, породившая философию русского космизма и учение о ноосфере В.И. Вернадского, создала свою аксиологию качества, опираясь на которую можно создать новую образовательную парадигму.

Необходимость перехода в принципиально новую для большинства людей планеты мировоззренческую парадигму очевидна. Старая парадигма, смысловым ядром которой была идея покорения человеком природы с сопутствующими идеями подчинения враждебных человеку сил, породила из себя тенденции, угрожающие сейчас самому существованию человечества как особого вида жизни во Вселенной. Поэтому вузы могут и должны прививать своим воспитанникам идею о том, что человек – это не хозяин природы, не только ее составная, разумная часть, но, более того – часть Вселенной. В этом ключ к выживанию человечества, которое вступило в новую фазу развития планетарной цивилизации – в фазу становления ноосферы (по В.И. Вернадскому), что подразумевает глобальный процесс установления гармонического взаимодействия в системе Природа – Общество – Человек – Космос. Человечеству уже известны законы мира, но для их внедрения в практику требуется время и перестройка мировоззренческого образования [1]. Отсутствие знаний о законах мира породило комплекс глобальных социальных, экологических кризисов. На этапе ноосферного развития человечества вопросы образования и воспитания имеют глобально-космическое значение, ибо именно сопряженность образовательного и воспитательного процессов определяют будущее нашей цивилизации [2]. В этом смысле вузы можно рассматривать как очаги цивилизации будущего.

Развитие системы университетского образования начала XXI века характеризуется философскими, теоретико-педагогическими и практическими поисками новой образовательной парадигмы; осмыслением ценностных императивов образования, уточнением его значимости для человека, культуры, общества. Признание неповторимой ценности человека, его роли в развитии социума, усиление ответственности личности за построение своего жизненного и профессионального пути являются смыслообразующими характеристиками современного университетского образования. Современная ситуация характеризуется выбором вариантов достижения образовательных результатов и построения на их основе жизненных и профессиональных перспектив. Концепция «качества жизни» – это современное продолжение интеллектуальных поисков, в частности ориентация на новое образование. Задача образования состоит в создании условий обретения студентом личностных смыслов, ценностей и целей своего развития. Реальным результатом образования в этих условиях является развитие способности студента (будущего профессионала) чувствовать образ меняющегося мира и себя как части этого мира, готовность к встрече с неожиданностями и умение ответить на эти встречи позитивной инновационной деятельностью. Мы живем в XXI веке. Наше будущее – это духовный мир и теперешние студенты будут строить его по «образу и подобию» своему. Необходимым и достаточным условием непрерывного развития общества являются люди, способные выдвигать и воплощать в жизнь идеи. Познавая себя, человек может измениться, развивать и созидать свою личность. Психическое развитие связано с физиологическим разви-

ем, проявляется в социальном развитии, но оно невозможно без духовного развития – осмысления человеком своего предназначения в жизни, появления ответственности перед будущим, понимания сложной природы мироздания и стремления к совершенствованию. Современные исследования сознания показывают, что духовное начало является исконным и естественным измерением человеческой психики и мироустройства. Формирование духовных потребностей личности, является важнейшей задачей воспитания и образования. А кого формирует наше образование? Образование у нас почти целиком построено на развитии формально-логического мышления, способности формировать однозначный контекст, т.е. доминированию левого полушария. А где же творчество?

Мозг человека состоит из двух полушарий, т.е. является двойственным. Следовательно, мозг также характеризуется и двойственными отношениями. Правое полушарие – образное, левое полушарие – словесное. Современный человек использует преимущественно словесный способ мышления. Образный способ мышления доступен ему только в детстве, а потом он его забывает. Вся современная цивилизация преимущественно левополушарная. Увы, люди в большинстве своем игнорируют неисчислимые возможности, тающиеся в правой половине мозга. До сих пор еще существует недооценка значения интуиции и интуитивного познания. Правополушарные вынуждены приспосабливаться к левополушарной цивилизации. Интеллект имеет большие заслуги в деле развития цивилизации, науки и всех областей человеческого знания. Но интеллект не есть мудрость. Чувствознание есть мудрость, интеллект есть рассудок. Пришла пора заняться реанимацией древнего способа мышления – переходить от словесной, количественной оценки информации к ее качественным оценкам, которые дают мыслеобразы, свидетельствующие о другом способе мышления человека – о мышлении образами.

Наступивший век информатизации, глобального всеединства, накопление новых знаний в каждой из отраслей науки, кризисные явления цивилизационного масштаба приводят к изменению методологических подходов в науке. Соответственно требуются новые подходы в таком отработанном инструменте передачи знаний, как учебник, где логическая систематизация информации уже не является оптимальной, а любой предмет или явление требуют рассмотрения их с точки зрения общей теории систем как подсистем, сохраняющих свойства целого. Синтез современных подходов в естественных и гуманитарных науках – та научно-методическая база, которая была положена в основу при разработке курса «Физическая психология». Автор статьи предлагает дополнительно к общеобразовательным курсам, таким, как «Психология и педагогика», «Педагогика высшей школы», читаемым в университете для студентов и преподавателей, ввести в университете спецкурс «Физическая психология», изучение которого развивает:

- чувственное восприятие в знание,
- знание в мудрость,
- а мудрость во всеведение.

Вопрос всеведения волновал человечество с античных времен. Тем не менее проблема в том, как перейти от чувственного восприятия к знанию, от знания к мудрости, а от мудрости к всеведению, в чем состоит этот процесс и как он протекает, до сих пор остается дискуссионным. Это естественно, поскольку суть явления выяснена далеко не до конца. Мы полагаем, что этот процесс связан с творчеством. Но сам термин «творчество» употребляется в разных смыслах. По той же причине четкое и общепринятое определение феномена творчества сейчас отсутствует. Традиционно проблема творчества относится к гуманитарным наукам: философии и психологии. В этих науках было предложено несколько разных определений творчества. Среди них наиболее конструктивным, на наш взгляд, является определение творчества как генерации (непредсказуемого, т.е. *вероятностного* возникновения с точки зрения квантовой теории) новой ценной информации. Было показано, что творчество – результат интуитивного мышления и при чисто логическом подходе творчество отсутствует. Наше образование и наши преподаватели – это, конечно, высокий профессионализм. Но профессионализм и способность к творчеству – свойства разные и даже противоречивые. В науке и жизни необходимо и то и другое, но в определенном соотношении. Узкий профессионализм сковывает творчество и тем ему препятствует. С другой стороны, творчество раздвигает и разрушает рамки узкого профессионала и тем ему опасен. Можно сказать, что профессионализм и творчество находятся в *дополнительном* (Н. Бора) отношении. В гуманитарных науках творчество описывается как акт озарения, который не подвластен исследованию и анализу в рамках естественных и точных наук. Принято думать также, что озарения приходят редко и каждое из них – событие, о котором слагаются легенды. Пример тому – яблоко, упавшее на голову Ньютона. Однако в последнее время в точных и естественных науках произошли существенные изменения.

Во-первых, в теории динамических систем возникло новое направление – динамический хаос. Появилась возможность с помощью математических моделей исследовать механизм непредсказуемых (случайных) явлений. Особую роль здесь играет хаос, который возникает, длится конечное время и затем исчезает. Именно на стадии хаоса (точнее, при выходе из него) возникает новая ценная информация [3]. В этой стадии существует момент, когда генерация ценной информации наиболее эффективна. Этот момент, по существу, и является «моментом озарения», или, что то же, «моментом истины». Предложено несколько названий промежуточной хаотической стадии: например, ее называют «перемешивающий слой» [3, 4], в работах Г.Г. Малинецкого используются более образные термины: «джокер» – хаотическая стадия и «русло» – динамическая [5]. Чередование стадий: *порядок > хаос > новый порядок* (или *«русло» > «джокер» > «новое русло»*) является характерной особенностью всех развивающихся систем. Это не удивительно, поскольку во всех развивающихся системах происходит рождение новой информации. Такое чередование стадий соответствует из-

вестной триаде Гегеля: «тезис» > «антитезис» > «синтез», которая, кстати, была предложена почти двести лет тому назад (в 1803 г.). В точных науках (т.е. в теории динамических систем), по существу, то же было сформулировано лишь недавно.

Во-вторых, в последнее время успешно развивалась нейрофизиология. Это важно, поскольку процесс творчества, как частный случай мышления, протекает в реальных нейросетях человека. Поэтому, исследуя явление творчества в рамках естественных наук, необходимо представлять себе, какие именно процессы протекают в головном мозге на биохимическом, клеточном и нейросетевом уровнях. В настоящее время эти процессы на всех упомянутых уровнях достаточно хорошо изучены [6].

В-третьих, в последние десятилетия возникли новые направления: теория распознавания [7] и нейрокомпьютинг [8]. Конечной целью этих теорий (так же как и любой другой теории) является прогноз поведения окружающих объектов (как живых, так и не живых). Тем не менее они сильно отличаются от теорий в обычном понимании слова. Главное отличие в том, что прогноз делается не на основе аксиом и логических выводов из них, а на основании *прецедентов*. Набор прецедентов носит название «обучающее множество». Требование доказательства верности прогноза в теории распознавания отсутствует. Вместо него используются критерии схожести. Основной задачей теории является ответ на вопрос: на что (или на кого) похож данный объект (или субъект). Для этого необходимо знать признаки объекта и сравнить их с признаками объектов из обучающего множества. В основе прогноза лежит положение: поведение объекта будет похоже на поведение его прототипа из известных прецедентов. Напомним, что именно так совершается творчество в повседневной жизни.

Во всех упомянутых теориях большую роль играет интеграция *информаций* – это процесс **объединения** в теории распознавания. В обществе он же называется интеграцией *наук*. Часто стимулом для выхода к интеграции служит какое-либо внешнее воздействие, порою даже банальная встряска. Пример – создание квантовой механики. Методологические аспекты этого вопроса подробно обсуждаются в книге [9]. По существу, этот спор – проявление контрадикции между логическим и интуитивным мышлением. Проблема до сих пор остается дискуссионной и известна в науке как **парадокс измерения**. Таким образом, в данном случае интеграция информации еще не завершена, и это еще предстоит сделать. То же самое мы наблюдаем сейчас в образовании.

Для создания новой образовательной парадигмы должно принципиально измениться наше мировоззрение, наше сознание. Оно должно стать иным не только для небольшого представительства человеческого сообщества, которое уже существует, но оно должно войти в массовое сознание людей. Только тогда оно станет элементом культуры мира и будет способно изменить сегодняшний мир. А это возможно, когда новое мировоззрение станет плотью и духом общественного сознания,

в том числе системы воспитания и образования, как матрицы, воспроизводящей нового человека.

Образование должно переместить свое внимание с функции передачи знаний, культа знаний на воспитание доминирующих общечеловеческих ценностей: уважения к жизни во всем ее многообразии; сотрудничества, ценности семьи и ответственности людей друг за друга, за природу, за мир в целом, гармонии отношений. Данный образ требует пересмотра космологической картины мира, места человека в природе и цели жизни как человека, так и человечества в целом. Для этого необходимы новый взгляд на человека как не только земного, но и космического существа, и, следовательно, новая теория человека, которому следует давать образование. Социальные науки нужно наполнять новым содержанием. Они должны изменить вектор своих исследований и поставить на повестку дня изучение любви как науки, в том числе ее воспитание, накопление и распределение. Такая задача ставит перед человечеством новую проблему – воспитания *человека-творца* (*homo-spiritus*), тогда творцы станут массовым явлением в обществе, его главным ресурсом и опорой. Это опять-таки требует изменения методов воспитания и образования, ухода от классической системы образования с ее установкой на преемственность и передачу знаний. Необходим принципиальный переход на раскрытие внутреннего творческого потенциала каждого человека, на его гармоничное развитие и функционирование левого и правого полушарий головного мозга. Чтобы воспитать творческого человека, необходимо самому быть творцом. Можно указать условия, необходимые для развития творчества педагога.

Во-первых, необходимо знать не только одну область науки (или искусства), но и смежные с ней. Однако быть профессионалом сразу в нескольких областях очень трудно (практически невозможно). Как правило, такой человек в каждой отдельной области уступает узкому специалисту и считается дилетантом. Отсюда вывод, звучащий несколько парадоксально: к творчеству способны, скорее, дилетанты, нежели узкие профессионалы.

Во-вторых, видеть противоречия, возникающие при сопоставлении аксиом (или правил) разных областей. Иными словами, надо уметь видеть парадоксы. Это дано не каждому. Большинство людей склонны не замечать их и не думать о них – так жить спокойнее.

К.С. Пигров в статье «Образование как космическое событие» смотрит на человеческое образование как на космическое событие или как на *событие* макрокосма и микрокосма. По его мнению, образование предстает как растущий во времени *агрегат инноваций* (агрегат в кантовском смысле как противоположность системы). Образование человечества (антропо- и социогенез), как и образование индивидуальности – процессы существенно единые. Именно в этом качестве образование есть перманентный социогенез и антропогенез, т.е. постоянный эксцесс творения обществом и человечеством самого себя. Чтобы понять образование в предлагаемом аспекте, его следует включить в контекст тех-

но- и ноогенеза. Идея техногенеза была разработана Александром Евгеньевичем Ферсманом, вклад которого вполне сравним с вкладом В.И. Вернадского. Образование в этом плане есть не сам техногенез, а, так сказать, *технгенез*, т.е. формирование технэ, проинтегрированное по всему человечеству, – формирование навыков, умений, знаний, необходимых для участия в техногенезе. Но, конечно, образование это не только технгенез, т.е., если говорить в кантовской терминологии, не только формирование способностей рассудка, но и формирование разума, т.е. – ноогенез. В этом смысле можно сказать, что образование как целое есть *генезис ноосферы* [9, с. 27-35]. Итак, на образование можно посмотреть, во-первых, в античном плане, как на формирование, как на превращение хаоса в космос, как на внесение парадигмы в хаос. Во-вторых, в библейском плане, образование предстает как радикальное возникновение нового, генезис чего-то такого, чего никогда еще не было, как на становление нечто из ничто. Вопрос не только в том, как форма *образует* материю, но как образуется сама форма (под воздействием материи). Дело в том, что неизбывный порыв к образованию, в той или иной форме присущий всякой человеческой индивидуальности, есть обнаружение порыва к целому в направлениях того, что К. Ясперс называл *фундаментальной вертикалью*, – порыва от имманентного к трансцендентному. Вертикаль, организующая отношение индивида с трансцендентным, – это, по сути, есть центрация космического пространства [10].

Группа «Стоик» (аббревиатура «Сетевые технологии образования и коммуникации»), говоря о модернизации образования и о парадигме образования XXI века, отмечает, что, к сожалению, идеи ноосферного образования, основываемого на новых ценностях, не совместимых с ценностями общества неограниченного потребления, не находят законодательного отражения в Федеральной и региональных программах образования и заметного смыслового, содержательного отражения в учебных программах. «Может ли наше видение «глобального ноосферного образования» найти понимание и реализоваться в современных системах образования? Для ответа на этот вопрос мы и объединяем свои усилия. Главным требованием к образованию, по нашему мнению, должно стать *сотворчество*, направленное на единение сознания субъектов в целях создания ноосферных ценностей, на оптимальное использование мыслительных, рефлексивных и коммуникативных способностей личности и социумов, учителя и учащегося, учащихся в отношениях между собой, ученых, проектировщиков, работников, занятых в сфере эксплуатации, представителей разных сфер знаний как участников «общего дела». Важно обратить внимание и на этику ноосферного образования, на права и обязанности людей и социумов разных уровней организации – от семьи до цивилизации в эпоху ноосферы. Это пятое условие создания новой парадигмы» [11, с. 346-348].

За последние 35 лет произошли настолько глобальные изменения, как в технике коммуникаций, так и в объеме знаний, что стали говорить

об обществе, основанном на **знаниях** («обществе знаний») и об **информационном веке**. Вопрос «Не отодвинут ли информатика и знания на задний план проблему человеческих качеств?» Аурелио Печчеи, создатель Римского клуба и Института системных исследований пишет: «... исключительную важность приобретают сейчас присущие всем ... людям планеты **внутренние человеческие качества** Ведь, в сущности, именно эти качества являются самым важным ресурсом человечества, сравнимым разве что с ... той энергией, которую так щедро посылает нам солнце» [12, с. 28-38]. Категория качества – ведущая категория в череде образовательных реформ российского образования. Качество жизни и образование взаимосвязаны. Образование становится одним из важнейших механизмов воспроизводства всей системы качества жизни. Образование в новом веке должно: удовлетворять нуждам человеческого духа; вырабатывать соответствующую личную философию и чувство ценностей; воспитывать информационно-культурную личность, способную противостоять разрушительной информации во всех ее формах. Как отмечалось в работах Субетто А.И., качество жизни и качество образования – главные акценты национальной идеи России XXI века. Обеспечение устойчивого развития связано с удовлетворением требований закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе [13]. Русская культура, породившая философию русского космизма и учение о ноосфере В.И. Вернадского, создала русско-культурную аксиологию качества, в которую входят ценности «христианского коммунизма», онтологии любви, общинности, социальной справедливости, взаимопомощи, общей работы, труда и т.д. По А.П. Карсавину качество человека и личность синонимы. «Качествование, – отмечает русский философ, – есть момент личности и сама личность, но в связи с иным. И понятно, что какой бы из моментов – личностей – всеединства мы не взяли, во всяком могут индивидуализироваться все эти качествования» [14, с.24]. В подходе В.С. Соловьева к проблеме качества человека на передний план выдвигается духовность. Примат духовности, а также любви, долженствования, доброты-любви во взгляде на качество человека – личность определяется православной традицией в русской культуре. Владимир Соловьев отмечал: «... добродетель есть нормальное или должное отношение человека ко всему» [14, с. 33]. Дальнейшее развитие модели качества человека в XX веке в русской и советской культуре нашло отражение в работах В.И. Вернадского, Н.Г. Холодного, В.П. Казначеева, В.Н. Сагатовского и др. Их отличие от «американской модели качества человека» состоит в том, что они формируются на основании философии «общего дела», на «соборности», на кооперативных началах организации жизни, на принципах солидарности, кооперации, взаимопомощи, любви (Н.Ф. Федоров, П.А. Кропоткин, Ф.М. Достоевский, А.В. Чайанов, С.Г. Кара-Мурза и др.), а не на принципе конкуренции. Таким образом, *генетический подход* требует осознания качества человека в России, как оно отражено куль-

турой и философией в России и как оно реально воплощается в качестве человека как некоего «зеркала» особенностей существования и развития «российской цивилизации» и ее общества. Субетто А.И. в философских этюдах пишет: «Философия России в XXI веке создается всем предшествующим развитием «русской философии» и «русского космизма», «русской истории» и русской культуры, учением евразийцев начала XX века и теорией этногенеза Л.Н. Гумилева, опытом «русского коммунизма» в XX веке и учением о ноосфере В.И. Вернадского. Философия России в XXI веке вырастает из «философии истории России» не только в последнем тысячелетии, но и всей «предыстории России» на протяжении 8-10 тыс. лет. Философия России есть антикапиталистическая, устремленная к духовным высотам бытия человека. Она предстает как своеобразная рефлексия, рефлексия над историей России, над ее императивами... Время оставляет нам одну функцию управления им – **творчество**. Творчество концентрирует будущее время в настоящем, сжимает спираль развития. Настало время творчества и созидания в России, но такого, которое бы гармонизировалось с ее императивами. Дух России способен принять на себя эту великую историческую миссию и достойно ответить на этот вызов исторического времени. Сейчас в России много пишется о воспитании и судьбах российского образования. Чтобы правильно дать ответы на вопросы «Что нам делать?» и «Какие программы и стратегии претворить в жизнь, чтобы решить проблемы XXI века?», необходимо духовное и интеллектуальное наследие, оставленное нам русскими мыслителями, перевести в фундамент мировоззрения поколений русских людей и всех народов России в XXI веке» [15, с. 127].

Главное условие, в котором приходится существовать современным образовательным системам, связано с основным противоречием современного мира. Оно заключается в провозглашении высоких гуманистических целей, на достижение которых должно быть нацелено образование, и невозможностью системы образования эффективно работать в этом направлении. Сама природа **ментализации** общества добавляет следующие факторы, обуславливающие кризис образования в целом. Это, во-первых, неинформированность педагогической общественности о современных достижениях науки, во-вторых, несоответствие энергетических уровней цели образования (они находится в **духовных** планах) и средств (механизмов, инструментов), используемых для достижения этой цели (они находятся в **ментальном** плане). Как ментальный план сознания является высшим уровнем развития личности, а также связующим звеном между личностью и душой человека (через взаимодействие низшего ума с высшим (абстрактным) умом), так и современное образование, направленное на развитие интеллекта (но не более того!), является переходной формой к образованию духовному и сочетает в себе как формы сугубо интеллектуального развития, так и элементы высшего подхода к образованию вообще. Задача современного образования состоит в том, чтобы пролить свет на культурное рас-

крытие человека и обсудить следующий шаг, который должен быть предпринят в **ментальном** развитии человечества. Обучение, если оно правильное, должно отталкиваться от методов прошлого и обеспечивать сферу для приложения усилий в настоящем, а также нести дальнейшее просвещение. Должно быть обозначено **духовное** будущее. Вот что сейчас требуется. Слово «**духовный**» не имеет отношения к так называемым религиозным делам. Всякая активность, которая ведет человеческое существо вперед к каким-либо формам развития – физического, эмоционального, ментального, интуитивного или общественного, – если она его продвигает по сравнению с его теперешним состоянием, по существу, духовна и указывает на жизнеспособность внутренней *сущности*. Дух человека бессмертен; он вечно пребывает, прогрессируя от точки к точке и от ступени к ступени по пути эволюции.

XXI век – Эпоха Водолея – Эра духа. Еще вчера мы были умными, и пытались перестроить мир, подгоняя его под себя. Настало время стать мудрыми, и начать перестраивать себя, приспособивая к миру. Уходящая Эпоха Рыб была эпохой Веры, а Эпоха Водолея, в которую мы переходим – это эпоха **Знаний**. Философия прежнего периода развивалась от действительно знающих сакральное до «думающих», что они знают сакральное. Знать и думать, что ты знаешь далеко не одно и то же. Объем накопленных и несвязанных в систему представлений знаний, попеременно с заблуждениями не может быть платформой для концепции будущего. Вначале нужно очистить разум от догм и не соответствующих истине представлений. Новое мировосприятие не может возникнуть на основе синтеза прежних догм и заблуждений, сформированных в человечестве на протяжении веков. Прежние представления человечества о мире невидимом, о жизни личности, души и духа представляют собой «смесь» отдельных крупиц истинных знаний (как проявленной мудрости). Чтобы постичь эти знания необходимо развить в себе интуицию.

Наша поглощенность физическим миром привела к материально ориентированному образованию. Соответственно, усилия экономики, науки и культуры, в том числе, направлены на поддержку и воспроизводство человека-разрушителя с его неограниченными материальными потребностями. Каждое поколение все больше принадлежит этому физическому миру – и все с меньшим уважением относится ко всему, что можно увидеть только путем интуиции, воображения или визуализации. Правое полушарие мозга является нашим «проводником» в мир, лежащий за пределами физического; это наша связь с миром **созидания**. По мере того, как мы все более и более вовлекаемся в физический мир, роль правого полушария отходит на задний план, и мы в мышлении полагаемся только на логическое левое полушарие. Сейчас правое полушарие головного мозга у нас является почти рудиментарным органом. В этом логическом мире нас никогда не учили пользоваться правым полушарием. Оно не нужно нам для выживания в физическом мире, но в информационном без него не обойтись. Наш контакт с творче-

ским миром правого полушария дает нам возможность восстановить связь с интуицией, т.е. с мудростью, стать человеком-созидателем – Творцом. Информационные общества будущего смогут успешно развиваться лишь в том случае, если управлять ими и участвовать в их развитии «иными способами» будут люди нового типа, обладающие вселенским сознанием, которые создадут духовно-нравственную цивилизацию. Именно вузовское образование должно стать базовым источником информации для развития духовной сферы (вселенского сознания) студентов, причем информации не столько о том, что надо познавать, а, прежде всего, о том, как надо познавать. Для этого необходима цель и новая образовательная парадигма, которая давала бы смысл бытия каждому человеку, человечеству и через нас – бесконечному миру. И она есть! Эта цель названа. Это не некоторое пассивное мироощущение созерцателя и свидетеля, а непрекращающееся создание человека-созидателя.

XXI век – век синтеза, который соединит мудрость нашего прошлого с наукой нашего будущего, а сделают это нынешние студенты, но только при условии, что прежде мы научим их познавать самих себя и объясним структуру строения Мироздания. Решая творческую задачу, человек создает новую информацию, которой прежде не существовало ни в его индивидуальном, ни в социальном опыте. Она осознается уже после того, как добыта. В этом случае работа мысли совершается на надсознательном уровне. На пути к успеху, только сочетание надсознательного и сознательного играет ключевую роль в формировании реальности, внутренней и внешней. Надсознательное находится в правом полушарии головного мозга, сознательное – в левом. И именно в творческой основе человека его гигантский потенциал для развития в будущем и корень всех проблем в настоящем. Сила внутри нас. Все меняется. Открываются новые горизонты, и спецкурс «Физическая психология» поможет в обучении студентов практическим навыкам тренировки правого полушария, что даст им возможность усовершенствовать свое обучение, ставить цели и находить пути их достижения, формировать представление о жизненной позиции и жизненной перспективе для достижения личностной успешности.

Библиографический список

1. *Астафьев Б.А.* Основы мироздания: творение, Геном и Законы Мира. М., 2002.
2. *Маслова Н.В.* Ноосферное образование. М., 2002.
3. *Чернавский Д.С.* Проблема происхождения жизни и мышления с точки зрения современной физики // Успехи физических наук. 2000. Т. 170. № 2. С. 157-183.
4. *Колупаев А.Г., Чернавский Д.С.* Перемешивающий слой // Краткие сообщения по физике. 1997. № 1-2. С. 12-18.
5. *Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б.* Джокеры, русла или поиски третьей парадигмы // Синергетическая парадигма. М., 2000.

6. Борисюк Г.Н., Борисюк Р.М., Казанович Я.Б., Иваницкий Г.Р. Модель динамики нейронной активности при обработке информации мозгом – итоги десятилетия // Успехи физических наук. 2002. Т. 172. № 10. С. 1189-1214.

7. Синергетика мышления. Распознавание, аутодиагностика, мышление / Д.С. Чернавский, В.П. Карп, И.В. Родштат и др. М.: Радиофизика, 2004.

8. Галушкин А.И. Нейрокомпьютеры. М.: ИПРЖР, 2000. 528 с.

9. Сборник материалов конференции. Сер. «Symposium». Вып. 23. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.

10. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и перспективы техногенной цивилизации // Синергетическая парадигма. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

11. Ноосферное развитие личности: практика в группе «Стоик». Реалии ноосферного развития / В.В. Анненков, В.Г. Барский, С.В. Нилова и др. М., 2003.

12. Взятых В., Романкова Л. Социальные технологии в образовании // Высшее образование в России. № 1. 1998.

13. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. СПб.; М.: Исследоват. центр, проблем кач-ва под-ки спец-ов, 1994. 168 с.

14. Антология русского качества / Под ред. В.В. Бойцова, Ю.В. Крынова. М.: РИО «Стандарты и качество», 2000.

15. Субетто А.И. Россия и человечество на «перевале» Истории. СПб.: ПАНИ, 1999. 827с.

16. Чернавский Д.С. Синергетика и информация. М.: Знание, 1990. 117 с.

УДК 1(09)

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЭТНОСА И ЕГО МЕНТАЛИТЕТА

Е.В. Кулебякин; А.В. Ким, Дальрыбвтуз, Владивосток

Освещаются вопросы детерминации становления этноса и его ментальности. Анализируя основные позиции, в которых делается акцент на социальных или природно-географических факторах, авторы подчеркивают необходимость синтезного подхода, представленного, в частности, в работах современного российского исследователя Г.А. Югая. Значительное внимание уделено активно обсуждаемой в последние годы оригинальной концепции этногенеза Л.Н. Гумилева.

Становление этноса и его менталитета (ментальности) представляет собой двуединый процесс, основные детерминанты которого оп-

ределяют возникновение важнейших черт психического склада народа, его национального характера, «психологии его души». В трудах русских философов XIX – нач. XX вв., а также в работах современных исследователей подчеркивается, что российский этнос, как и его менталитет, формировались под определяющим воздействием двух основных факторов – социального в широком смысле (включая сюда все надприродные процессы – от хозяйственно-экономических до политики, культуры и духовности)¹ и природно-географического (начиная от особенностей климата, почвы, ландшафта, влияния рек и морей, гор и пустынь до солнечных и других космических процессов)². Как известно, до недавнего времени в связи с господством в российской этнологии социологического, преимущественно марксистского подхода приоритет в решении этнических проблем отдавался социально-экономической парадигме. Серьезную в этом догматизированном в советской этнологии подходе впервые пробил выдающийся отечественный географ, историк, философ (сын известных поэтов Серебряного века Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой) Л.Н. Гумилев, выдвинувший в 1979 году теорию пассионарности. В данной концепции возникновения этноса (в том числе и его культуры) обусловлено энергетическими процессами («толчками») биосферы. Этногенез изначально связан с местообитанием, с ландшафтом. Акцент в детерминации этноса перенесен, таким образом, на природно-географические условия формирования народа³. Основные положения данной концепции в кратком изложении выглядят следующим образом.

Этногенез является результатом мутационных процессов под воздействием космических излучений, которые происходят на Земле несколько раз за тысячелетия. За последние три тысячи лет таких мутаций – толчков было девять: четыре до нашей эры и пять за последние два тысячелетия. Каждый подобный космический энергетический толчок вызывает в людях прилив энергии, что ведет человека к «перегреву», «перенапряжению», т.е. биохимической (в конечном счете, психической) энергии становится больше, чем индивиду нужно для стабильного устойчивого, «спокойного» развития. Эта избыточная пассионарная (от лат. *Passio* – страсть) энергия, действующая на иррациональном, подсознательном уровне побуждает людей к активным действиям

¹ См.: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

² В отечественной философии и социологии особая роль последнего фактора представлена географическом детерминизме. См.: Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. М., 1924. Природно-биологический подход развивается в трудах С.М. Широкогорова. См.: Широкогоров С.М. Этнографические исследования. Книга вторая. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002.

³ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001; Он же. Конец и вновь начало. Популярные лекции по народоведению. М., 2001. Обосновывая свою концепцию Л.Н. Гумилев пытался увязать ее с общими законами материалистической диалектики.

как позитивным, созидательным, так и негативным, разрушительным (вплоть до выхода за границы инстинкта самосохранения).

Пассионарность проявляется в соответствующих максимально развитых чертах характера людей – чистолюбии, гордости, целеустремленности и т.п., в развитии тех или иных идей и непреодолимом стремлении к их реализации. В своем основном труде «Этногенез и биосфера Земли», написанном в своеобразном почти историко-журналистическом стиле, Л.Н. Гумилев приводит примеры пассионарных личностей в истории – Наполеон, Александр Македонский, Сулла, Ян Гус, Жанна д'Арк, протопоп Аввакум. Таким образом, пассионарность является отклонением от обычных стереотипов поведения, но не патологией⁴.

Пассионарность, возникающая у отдельных индивидов в этносе в процессе взаимоотношений и взаимодействия на основе социально-психологических механизмов внушения, заражения, подражания (у Л.Н. Гумилева по принципу индукции), передается другим его членам. В итоге совокупная пассионарность этноса побуждает его к определенным целенаправленным действиям – например, к освоению новых мест обитания, завоевания и т.д., т.е. «не отдельные пассионарии делают великие дела, а тот общий настрой, который можно назвать уровнем пассионарного напряжения»⁵. Определяя новое понятие, Л.Н. Гумилев писал: «Пассионарность – это способность и стремление к изменению окружения, или, переводя на язык физики, – к нарушению инерции агрегатного состояния среды. Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака – пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков... пассионарность – атрибут не сознания, а подсознания, важный признак, выражающийся в специфичности конституции нервной деятельности. Степени пассионарности различны, но для того, чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, необходимо, чтобы пассионариев было много, т.е. это признак не только индивидуальной, но и популяционной»⁶.

Итак, этнос как дискретная система природно-биологического мира возникает под влиянием космических излучений (толчков), ведущих к рождению мутантов – пассионариев, т.е. индивидов с повышенным запасом энергии и соответственно стремлением к активной деятельности. Однако полученный запас природной (геобиохимической) энергии постепенно истощается в этносе, что происходит на следующих кризисных (после подъема активности) этапах эволюции этноса. В целом Л.Н. Гумилев выделяет следующие этапы возникновения и развития этноса: подъем активности (примерно 200-300 лет), результатом которой является возникновение нового этноса, все члены которого объединены общими целями (отсюда экспансия во внешнем мире: создание сильного государства, освоение новых территорий, покорение других народов и т.д.); ак-

⁴ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001. С. 268-277.

⁵ Там же. С. 276.

⁶ Там же. С. 271.

матический этап (300 лет) – пассионарное напряжение направлено не вовне, а внутрь этноса, отсюда рост эгоизма, индивидуализма, развитие внутренних конфликтов (раскол общества, революционные катаклизмы, гражданские войны и т.д.); этап надлома – кризис этноса (200 лет), пассионарное напряжение падает, люди, уставшие от прошлых потрясений, стремятся не к активности, а к покою, который наступает на следующем инерционном этапе. В этот период укрепляется государство, развивается производство и культура, преобразуется окружающая среда, наблюдается внешнее совершенство и гармония в обществе. С дальнейшим падением пассионарной энергии наступает период старости этноса (фаза обскурации, по Л.Н. Гумилеву, которой может иногда предшествовать стадия регенерации – кратковременного всплеска повышения активности этнической системы). Этнос в этом состоянии живет в основном на традициях, памяти о героических делах предков, которые сохраняются в культуре, фольклоре народа. В конечном счете, этнос переходит в состояние этнического гомеостаза без проявления какой-либо активной деятельности. В этот период в этносе преобладают так называемые «гармоничные люди» (у которых отсутствует избыток пассионарной энергии и которые действуют в рамках инстинкта самосохранения). Эти люди могут достаточно долго обеспечивать самопроизводство этноса, но лишены потребности что-то радикально менять в своей жизни. Этнос в этой конечной стадии может существовать много лет, если будет завоеван другими народами и не будет ассимилирован. Раскрывая диалектику связи данных этапов и типов людей в процессе эволюции этноса Л.Н. Гумилев писал: «Пусковой механизм этногенеза – это внезапное появление в популяции некоторого числа пассионариев и субпассионариев (это посредственности, у которых пассионарный импульс ниже инстинкта самосохранения – Е.К.); фаза приема – быстрое увеличение числа пассионарных особей в результате либо размножения, либо инкорпорации; акматическая фаза – максимум числа пассионариев; фаза надлома – это резкое уменьшение их числа и вытеснение их субпассионариями; инерционная фаза – медленное уменьшение числа пассионарных особей; фаза обскурации – почти полная замена пассионариев субпассионариями, которые в силу особенностей своего склада либо губят этнос целиком, либо не успевают погубить его до вторжения иноплеменников извне. Во втором случае остается реликт, состоящий из гармоничных особей и входящий в биоценоз населяемого им региона как верхнее, завершающее звено».⁷ Л.Н. Гумилев полагал, что эту внутриэтническую эволюцию проходят все народы, в том числе и первобытные. Перипетии этой эволюции Л.Н. Гумилев прослеживает на истории сибирских казаков (потомки обрусевших хазар, сменивших русское название «бродники» на тюрское «казаки»), которые в XIV-XVIII вв., поддержанные московскими царями, с боями, покоряя местные племена и народы, прошли путь от ногайских

⁷ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001. С. 296.

степей через Сибирь до Тихого и Северного Ледовитого океанов, но, утратив пассионарность в XIX в., потерпели поражение от чукчей и стали обычными государственными крепостными в России⁸.

Итак, этнос как реальная единица исторического процесса, как развивающаяся дискретная система имеет начало и конец (по Л.Н. Гумилеву длительность эволюции этноса составляет примерно 1,5 тыс. лет). Главная особенность этносов – специфический стереотип поведения, которым этносы отличаются друг от друга и который передается от поколения к поколению не генетически, а через механизм условно-рефлекторных связей: новое поколение на основе подражания перенимает от родителей и окружающих поведенческие стереотипы. Ядром формирующегося этнического сознания и самосознания является ощущение членами этноса своего отличия (своих поведенческих форм, языка и т.п.) от других этносов («мы – они»).

Таким образом, концепция Л.Н. Гумилева, акцентирующая на одной стороне детерминации этногенеза – именно на природно-географических факторах, полностью не снимает другие факторы его развития – социально-исторические и культурно-духовные (общность всех членов этноса и единство целей их поведения). Представляется, что исключительное значение природных геобиохимических процессов с учетом вполне возможных и реальных космических излучений (явившихся причиной мутации) могло иметь место только в самый ранний период становления *homo sapiens* и одновременно первобытной общины. С тех пор как возникло человечество этносы, цивилизация и государства, этногенез новых этносов не мог происходить без влияния социокультурных процессов со стороны других существующих этносов. Об этом свидетельствует история бывших варварских племен эпохи античного Рима, татаро-монгольских кочевников или тех же сибирских казаков.

В современной литературе нет недостатка в критике, как именуют некоторые оппоненты «биологизаторского» подхода Л.Н. Гумилева. Вместе с тем, критики отмечают и наличие ряда сильных сторон в его теории этногенеза. Факты мировой истории однозначно подтверждают появление в более или менее крупных этносах особого типа личностей, нарушителей спокойного течения истории этноса, называемых Л.Н. Гумилевым пассионариями, которые в силу личных качеств оказывает заметное воздействие на развитие как данного этноса, так и формирование новых. Вместе с тем, как справедливо отмечается в одном из критических анализов концепции Л.Н. Гумилева, в частности, у Ю.В. Тихонравова «как появляются эти люди – в результате космического излучения, изменения уровня радиации, генетической мутации, божественного откровения или естественной эволюции – неизвестно»⁹.

⁸ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001. С. 296-297.

⁹ Тихонравов Ю.В. Философия. М., 1998. С. 288.

Ю.В. Тихонравов, считающий теорию Л.Н. Гумилева «на сегодняшний день сильнейшей философско-исторической концепцией, с которой не могут сравниться спекуляции» Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойби, К.Ясперса, Фукуямы, в весьма пространным для учебного пособия рассуждении обосновывает позицию, согласно которой «главными субъектами исторического процесса» являются «экзистенциальные типы людей», выдвигающие определенные идеи – цели (религиозные, моральные, социально-политические и т.п.), которые в силу созвучия с мироощущением и настроением других членов этноса (например, идея социальной справедливости) становятся его общественным императивом, побуждающим к активной реализации этой идеи – цели¹⁰. Данная позиция, отрицающая доминирующую роль природно-географических факторов этногенеза, по существу, акцентирует внимание на другом важном аспекте гумилевской концепции – на роли самых пассионарных (экзистенциальных, по Ю.В. Тихонравову) типов людей, выдвигающих и реализующих общие для этноса идеи – цели.

Теория Л.Н. Гумилева получила значительное развитие в концепции суперэтноса известного современного российского философа (корейца по национальности) Г.А. Югая¹¹. Считая заслугой Л.Н. Гумилева преодоление разрыва между этнической и социальной историей этносов, поскольку этногенез не определяется только социально-экономическими или политическими процессами, но представляет собой неразрывное единство с развитием природы, местообитанием, ландшафтом. Г.А. Югай вносит в теорию Л.Н. Гумилева ряд уточнений. По мнению Г.А. Югая, устойчивое равновесие этносистемы лучше обеспечивается «конвергенцией, сближением между собой и гармонизацией отношений», а не борьбой ее подсистем (что подчеркивалось в теории Л.Н. Гумилева). Поэтому этнос, как и суперэтнос (национальная система, объединяющая в себе разные этносы в единый социум), базируется не только на природно-географических, но и социально-экономических и информационных процессах, взятых в их единстве и взаимодействии. Конвергентный подход, развиваемый Г.А. Югаем, исходит из необходимости выявления тесной связи между этнической и социальной сторонами в единой истории суперэтноса¹². Концепция суперэтноса рассматривается автором как общенациональная идея объединения народов России и национальная идея объединения севера и юга Кореи.

Концепция этногенеза Л.Н. Гумилева, Г. Югая и других исследователей, анализирующих процессы становления этноса прямо или косвенно касаются проблем формирования его менталитета. По существу, эта связь видна уже в понимании сущности этноса. Так, Л.Н. Гумилев

¹⁰ Тихонравов Ю.В. Философия. М., 1998. С. 282, 291, 292.

¹¹ См.: Югай Г.А. Теория суперэтноса и межнациональных отношений // Ли Г.Н., Цой А.Д., Цой Б., Чен В.С., Югай Г.А. Энциклопедия корейцев в России. М., 2003. Глава 1.

¹² Там же. С. 27.

главный признак этноса видит в специфике его поведенческих стереотипов. Напомним, что психологическое ядро менталитета составляют стереотипы мышления и поведения¹³. Проблемы сущности и специфики менталитета, в частности, российского, активно обсуждаются в современной литературе¹⁴. Определенное внимание при этом обращается и на вопросы детерминации менталитета, хотя данная проблема в силу ее большей сложности не получила пока достаточно глубокого философско-психологического и историко-социального анализа. Среди условий и факторов, сыгравших существенную (если не главную) роль в формировании менталитета россиян, таких, как максимализм и большая, чем у других народов, поляризованность в характере (Н.А. Бердяев), иррациональность, интуитивно-чувственный тип мышления, всечеловечность, богоискательство и приоритет веры перед разумом (славянофилы, Ф.М. Достоевский), пассивность и знаменитая «русская лень» и, вместе с тем, «огромная жизнеспособность, замечательное упорство, способность к выживанию и самосохранению как нации в целом» (П.А. Сорокин), широта русской души (как отражение русских просторов) и др., многие исследователи выделяют природно-географические и культурно-исторические. Своео внимание уделяется евразийскому характеру становления и развития России, который обусловил многие из указанных выше черт. Несомненно, евразийский характер формирования и последующей эволюции Древней Руси – России на основе смешения внутри восточно-славянских племен «различных индоевропейских арийских расовых линий с добавлением урало-алтайских ветвей, монгольских, тюркских и финских народов»¹⁵ не могло повлиять на российскую ментальность (как русских, так и не русских представителей, проживающих в России), что кристаллизировалось в течение многих веков в соответствующие стереотипы мышления и поведения россиян в общих особенностях их психического склада (при наличии особых черт у каждой внутророссийской нации и народности), национального (точнее общенационального, суперэтнического) характера.

Н.А. Бердяев, один из наиболее глубоких исследователей «психологии русской души», подчеркивал, что этнические черты психологии россиян, в частности, антиномичность объясняются столкновением в России как Евразии («Востока – Запада», по его выражению) двух ос-

¹³ См.: Кулебякин Е.В. К вопросу о структуре этнического менталитета (в контексте психологии россиян) // Актуальные проблемы клинической и прикладной психологии. Владивосток, 2008. С. 22-25.

¹⁴ См.: Душков Б.А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Екатеринбург, 2002: Российская ментальность (материалы круглого стола)//Вопросы философии. 1994. № 1; Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Бушминского, М.И. Волокиной. М., 1997; Еромасова А.А. Ментальность россиян в контексте этнокультурных особенностей. СПб., 2006 и др.

¹⁵ Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двенадцатом столетии // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 472, 479.

новых потоков мировой истории – Востока и Запада, в силу чего в природе характера россиян борются два противоположных начала – восточное и западное. При этом мыслитель полагал, что первое, выражающее, по Н.А. Бердяеву, женское начало (для которого характерны пассивность, инертность, примат общего, коллективного над личным, индивидуальным) довлеет над вторым¹⁶.

Таким образом, краткий анализ освещаемой проблемы показывает, что становление этноса и его менталитета (например, российского) существенную роль играют не только социокультурные, но и природно-географические факторы. В этом смысле более обоснованной (при всей значимости тех и других условий и факторов) представляется интегральная, синтезная позиция (в частности, «конвергентный подход» Г.А. Югая) тех исследователей, которые подчеркивают их единство и взаимосвязь.

УДК 316

ЖЕНСКОЕ ЛИДЕРСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

О.Ф. Лейченко, Дальрыбвтуз, Владивосток

Рассматриваются проблемы женского лидерства в России и за рубежом. Анализируются роли женщин в деловой сфере. Рассматривается конфликт между гендерной и лидерской ролью.

Проблемами женского лидерства занимались такие зарубежные ученые, как К. Бартол и Д. Мартин, Я. Джорстад, Э. Игли и К. Джонсон, Т.В. Бендас, В. О'Лири, и российские ученые Ф.Н. Портнова и Э.С. Чугунова, А.Л. Журавлев, В.А. Хащенко и Н.Н. Хащенко, В.А. Шахова, И.Ф. Рековская, А. Г. Шестакова, И. Калабихина. В отечественной науке изучение стилей лидерства и их специфики проводилось в работах А.Л. Журавлева, В.А. Хащенко и Н.Н. Хащенко.

Существуют различные модели лидерства, которые, по данным Т.В. Бендас, с различной частотой встречаются у мужчин и женщин. Для первых более характерна конкурентная модель (доминантность, агрессивность, уверенность в себе, эгоцентризм, стремление к власти) в сочетании с маскулинной, для женщин – сочетание конкурентной модели с кооперативной (направленность на общение, альтруизм, экстраверсия) и преобладание фемининной (лидерская роль принимается только при вакууме лидерства, когда нет представителя, соответствующего маскулинной модели). Соотношение этих моделей лидерства у мужчин и женщин может изменяться в связи с этническими особенностями обследованных [2].

¹⁶ См.: Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Пг, 1918. С. 7-25.

К. Бартол и Д. Мартин показали, что женщина-лидер в мужском деловом мире и вообще находящаяся в мужской группе играет одну из четырех неформальных ролей: 1) «матери» – от нее ждут эмоциональной поддержки, а не деловой активности; 2) «соблазнительницы» для начальника, что вызывает негодование у коллег-мужчин; 3) «игрушки, талисмана» – милой, но не деловой женщины, приносящей удачу; 4) «железной леди», обладающей неженской жестокостью, вследствие чего они бывают больше всего изолированными от группы. Все эти роли мешают женщинам занять равное положение среди мужчин и снижают их возможности служебного роста. Мужчины делают больше попыток доминировать над представителями своего пола. Женщины же в присутствии противоположного пола менее активны, чем мужчины, претендуют на роль стихийного лидера.

По мнению Я. Джорстад, лидерство не входит в систему жизненных ценностей многих женщин. Отсюда мнение, что женщины-лидеры проигрывают лидерам-мужчинам в эффективности руководства, так как обладают меньшей властью, влиянием и ресурсами. Однако, как показано Маккоби и Джеклин, при более длительном общении женщины выравнялись с мужчинами по лидерству. Э. Игли и К. Джонсон выявили, что женщины больше стремились к получению руководящей должности, если они отвечали традиционной гендерной роли (в частности, директора школы) [2].

Мужчины, по сравнению с женщинами, более высоко ценят качества, обеспечивающие эффективность профессиональной деятельности и организации взаимодействия в коллективе; руководители-женщины выше оценивают морально-нравственные качества и качества, определяющие интерактивную функцию общения. Мужской стиль более эффективен либо в структурированных ситуациях и при простых задачах, либо в ситуациях с высокой степенью неопределенности, а женский стиль дает наибольшую эффективность в рутинных условиях.

А.Л. Журавлев предложил выделять директивный, коллегиальный и попустительский стили руководства. Фактор пола определяет различную выраженность основных компонентов и типов индивидуального стиля руководства. Были выявлены различия в способах взаимодействия руководителей разного пола с коллективами: у женщин преобладают комбинированный и промежуточный стили. Комбинированный стиль руководства, сочетающий в себе директивный, коллегиальный и попустительский компоненты, обеспечивает женщинам-руководителям большую, по сравнению с мужчинами, социально-психологическую эффективность [1].

К формированию директивности и попустительства в стиле руководства женщин приводит низкая выраженность педагогических и коммуникативных качеств личности; высокий уровень развития этих качеств определяет развитие коллегиального компонента стиля лидерства.

Успешность женщины в качестве администратора и ее продвижение в этой должности во многом зависит от наличия у нее наставника-

мужчины, в роли которого часто выступают их мужья. Однако когда профессиональная карьера женщины начинает мешать ей уделять необходимое время семье, мужья-наставники часто отказываются содействовать продвижению жены по служебной лестнице.

По данным В.А. Шаховой, удельный вес женщин среди руководителей различного уровня управления значительно уступает удельному весу мужчин. Среди руководителей органов государственного управления и их структурных подразделений женщины составляют 44 %, а на производстве в числе первых руководителей – 24 %, начальников цехов, участков, мастерских и отделов – 23 %. В то же время в общем количестве инженерно-технических работников женщин 49 % [2].

По данным И.Ф. Рековской, каждый второй мужчина, имеющий высшее или среднее специальное образование, является руководителем. Среди дипломированных специалистов женщин-руководителей только 7 %. Даже в школах при большинстве учителей-женщин среди директоров школ женщин только 39 %.

Женщины-лидеры воспринимаются менее компетентными, особенно если подчиненные являются сторонниками традиционных, а не эгалитарных взглядов на лидерство, т. е. полагают, что лидерская роль является маскулинной. Этот взгляд доминирует у мужчин. По данным А.Г. Шестакова, мужчины-руководители отдали предпочтение мужчинам как работникам в 25,3 %, и лишь в 12,9 % – женщинам. Не отстают от мужчин и женщины. Женщины тоже проявляют большую готовность сотрудничать и оказывать воздействие на женщин, а не на мужчин.

Но и многие женщины не считают себя способными выполнять функции руководителей высшего звена и соглашались с мнением, что высокие достижения и женственность несовместимы.

Однако дело не только во взгляде или мнении. Женщинам-менеджерам, например, дают меньше информации, или слишком короткие сроки для выполнения задания. Женщинам, как правило, не поручают заданий, которые дали бы им возможность приобрести необходимый опыт и проявить себя в качестве претендента на руководящую должность [3].

Во многих странах женщины за одинаковую работу с мужчинами получают меньшую заработную плату. Именно это обстоятельство в период экономических кризисов ставит японских женщин в более выгодное положение. В целях экономии средств руководители фирм чаще увольняют «дорогостоящих» руководителей подразделений – мужчин и ставят на их место более «дешевых» женщин, которые по своей компетентности и организаторским способностям, оказывается, ни в чем не уступают мужчинам.

Э. О'Лири изучала связь между полоролевыми стереотипами и оправданием задержки продвижения женщин по служебной лестнице в промышленности. По ее мнению, без каких либо объективных оснований женщинам приписываются следующие установки на работу: они работают только ради «булавочных» денег (т.е. небольшой заработной

платы); в работе их больше интересуют чисто коммуникативные и эмоциональные моменты; женщинам больше нравится работа, не требующая интеллектуальных усилий; они ценят самоактуализацию и продвижение по службе меньше, чем мужчины. Основой этих ложных представлений являются другие, не менее ложные представления об отсутствии у женщин компетенции, независимости, соревновательности, логики, притязаний [6].

Высказывается также точка зрения, что меньший статус женщины в обществе приводит к ее меньшему статусу в малой профессиональной группе. Чтобы быть лидером, руководителем, женщине приходится преодолевать больше препятствий по сравнению с мужчинами, даже если она обладает большими знаниями и способностями.

При отборе на руководящую должность к женщине предъявляют более высокие требования, чем к мужчине. Срабатывает правило, согласно которому женщина должна быть вдвое лучше мужчины. Женщина имеет больше шансов занять руководящую должность среднего звена, в то время как высшие руководящие должности безоговорочно отдают мужчинам. Так, в списке 200 высокооплачиваемых руководителей экономики и производства США не было ни одной женщины. В то же время в среднем менеджменте женщины занимали половину всех мест. При одинаковом с мужчиной уровне квалификации женщины чаще всего оказываются ниже по служебной лестнице. Для женщины путь к власти связан с преодолением многочисленных препятствий, тогда как для мужчин – с реализацией многочисленных возможностей. Конечно, с последним утверждением трудно полностью согласиться, мужчин слишком много, а начальственных постов слишком мало, поэтому им тоже приходится бороться за «место под солнцем», но для женщин эта борьба тяжелее, с меньшими шансами на успех. Многое зависит от того, в какой сфере общественной жизни и на каком уровне эта борьба происходит.

По данным И. Калабахинной, даже те женщины, которые повышают свою квалификацию, далеко не всегда имеют возможность повысить свой профессиональный статус. Только 57 % опрошенных женщин считали, что их квалификация соответствует выполняемой работе, а 25 % считают, что их квалификация вообще не соответствует выполняемой работе. У 65 % женщин после обучения на курсах повышения квалификации ничего не изменилось в производственной ситуации, 91 % не получили повышения в должности, 88 % – в разряде и 81 % – в заработной плате. Скорее, это говорит о том, что повышение квалификации проводится формально, для галочки, но эта беда касается в такой же мере и мужчин [2].

В связи с этим в США существует понятие «стеклянный потолок». Эта метафора отражает тот факт, что во многих организациях существует как бы невидимый потолок, выше которого женщины продвинуться не могут. Исследования показывают, что в США женщины имеют больше препятствий для служебного роста, чем мужчины. Это и меньший

доступ к информации, и меньшая возможность поучиться у опытных женщин-руководителей, поскольку их очень мало, и предпочтение подчиненными в качестве руководителя мужчины, и скептическое отношение мужчин-администраторов к женщинам-лидерам, и осуждение близких и друзей [4].

Представительниц ряда национальностей (афроамериканок, латиноамериканок, женщин азиатского и индейского происхождения) среди менеджеров вообще ничтожное количество, в связи с чем некоторые ученые говорят о том, что для них поставлен «бетонный потолок».

Причиной более частого наличия «стеклянного потолка» для женщин может быть то, что хорошая работа женщин редко приписывается их способностям, а характеристика работника как «способного» положительно коррелирует с его служебными перспективами [4].

При вынесении женщинами-исследователями частых заключений о распространенной вертикальной сегрегации все же преобладает эмоциональная сторона. В большинстве случаев тот факт, что женщины занимают меньше руководящих постов, обусловлен не происками или молчаливым заговором мужчин, а объективными обстоятельствами. Мужчины больше стремятся к самореализации в профессиональной деятельности, чем женщины. Более высокие должности, как правило, достаются более компетентным. А поскольку таких больше среди мужчин, то и начальственные должности достаются им чаще. Там же, где больше работает женщин (непроизводственные виды бытового обслуживания, общественное питание, розничная торговля, медицина, образование, культура), наблюдается и самая высокая доля женщин-руководителей. Например, в нашей стране в преподавательской и научной сфере никакой сегрегации по половому признаку не наблюдается. Кафедрами, лабораториями и даже институтами руководят и женщины, если они имеют к этому и организаторские способности, и соответствующий уровень профессионализма. В России среди докторов наук только 14 % женщин, это значит, что стать заведующим кафедрой и лабораторией мужчины имеют шансов в 6 раз больше, чем женщины.

В достижении высокого профессионализма женщинам мешает направленность на семью и детей. Р. Валdez и Б. Гутек обнаружили, что женщины-руководители намного чаще оказываются незамужними, чем те, кто не занимает руководящих должностей. При этом, чем более ответственна работа и чем большей подготовки она требует, тем больше среди женщин, занятых этой работой, бездетных и тем меньше среди них женщин с тремя и более детьми. В другом исследовании было показано, что женатых менеджеров-мужчин гораздо больше (86 %), чем замужних менеджеров-женщин (45 %); мужчин, имеющих детей, также больше (62 % против 20 %). Существует и предубеждение мужчин-руководителей против женщин, имеющих детей. Это предубеждение отражает накопленный многими поколениями опыт, говорящий, что женщины чаще, чем мужчины, вынуждены прерывать свою работу из-за беременности, ухода за больными детьми. Поэтому работодатели не-

безосновательно предполагают, что женщина, в отличие от мужчины, может уволиться в любое время. Отсюда на руководящую должность назначаются только те женщины, которые неоднократно подтвердили свою преданность делу. Тот же критерий существует и для назначения на руководящую должность мужчин [2].

Хороший начальник – это человек бесстрастный, умный, хладнокровный. Все эти прекрасные качества мало общего имеют с чисто фемининным поведением: эмоциональным, спонтанным, непредсказуемым. Когда женщина волевым усилием воспитывает в себе идеального менеджера, она душит женские начала. Но обычно процесс застревает на полпути: получается полуначальник – полуженщина.

Женщины-руководительницы эмоциональны, даже если пытаются это скрыть. В этом специфика женского стиля. От шефа мужского пола практически невозможно услышать фразу: «Мы поступим так, как мне подсказывает интуиция». Женщина всегда считается со своими чувствами. И – что удивительно – нередко принимает отличные решения.

Женщины чаще руководствуются критериями «нравится – не нравится», а не «полезно – не полезно». В коллективах, возглавляемых женщинами, всегда больше любимчиков – нелюбимчиков, сплетен, подсиживаний, немотивированных повышений и увольнений. Работу своих сотрудников женщины тоже оценивают не по объему выручки или рейтингу деловой активности, а как подскажут темперамент и сердце.

У женщин есть склонность относиться к своим подчиненным как к детям. Возможно, причиной этого является то, что мужчина-руководитель организации не столько больше протезирует мужчинам, сколько опасается протезировать женщинам (из-за возможных подозрений в сексуальном интересе, боязни потерять собственный престиж вследствие несоответствия его решения принятым в обществе взглядам на роль женщины). Мужчины-начальники считают также, что служащие будут испытывать неловкость, получая приказание от женщины, или что клиенты фирмы не будут ей доверять. Имеются данные, что мужчины-менеджеры, по сравнению с женщинами-менеджерами, пользуются большей симпатией коллектива и получают большую поддержку подчиненных.

Но и сами женщины во многих странах поддерживают точку зрения мужчин. Выявлено, что немецкие женщины не меньше, чем немецкие мужчины, склонны считать работу руководителя «мужским» делом. С ними солидарны и женщины Великобритании, правда, в меньшей степени; американки же считают, что оба пола в равной степени обладают чертами, необходимыми для успешного руководства делом.

Скептическое отношение общества к возможности женщин быть руководителем заставляет их прибегать к защитным стратегиям (названным «гендерным менеджментом»): а) тратить больше времени и усилий на работе; б) использовать специфически женские способы ведения деловых переговоров с мужчинами (кокетство, принижение своих способностей); в) применять «маску» – стремление скрыть свою эмоциональную и личную жизнь, чтобы не получить ярлык неэффективного

работника. Однако такое поведение может составлять угрозу их психическому здоровью [2].

По данным А.Е. Чириковой, большинство женщин склонны считать, что женщины-руководители имеют некоторые преимущества перед мужчинами-руководителями. Этому же мнения придерживаются и мужчины. Группа западноевропейских ученых собрала в более чем в десяти странах данные, из которых следует, что большинство мужчин признают, что, занимая место начальника, женщины реже «срываются», с ними легче решать любые вопросы, они не столько завязят от настроения и лучше заботятся о подчиненных [3].

Данные в отношении способностей женщин-руководителей, получаемые в исследованиях, весьма противоречивы. Одни авторы не выявили различий между лидерами мужчинами и женщинами ни по эффективности их деятельности, ни по вербальному поведению, ни по лидерскому стилю. В то же время найдено, что женщины-лидеры отличались от мужчин-лидеров, но в сторону, противоположную ожидаемым гендерным различиям. Так, женщины-лидеры превосходили мужчин по мотивации достижения и стремлению к лидерству. Женщины, выполняющие «мужские» профессиональные обязанности, руководство, имеют более маскулинный стиль мышления и мужские черты характера. Женщины-руководители отличаются от других женщин доминантностью, эмоциональной устойчивостью, стремлением к самопроявлению, социальной смелостью и проницательностью.

Женщины-руководители могут устанавливать высокие деловые отношения не только с женщинами, но и с мужчинами-подчиненными. Женщины-руководители наравне с мужчинами способны мотивировать подчиненных на сверхдостижения. Женщины-руководители так же ориентированы на задачу, как и мужчины-руководители. Женщины обычно отличаются настойчивостью, отзывчивостью, желанием доходить до пределов возможного, у женщин наблюдается большая социальная ориентация. В женских коллективах больше всего ценятся хорошие межличностные отношения.

Эффективность исполнения лидерской роли мужчинами и женщинами зависит от многих факторов. Мужчины были более эффективными: а) при решении задачи, б) при руководстве мужчинами, в) в военных организациях и в роли спортивных тренеров, г) на низшем уровне управления, требующем технических способностей; а женщины: а) при установлении межличностных отношений, б) в сфере образования, бизнеса, на социальной и государственной службе, в) на среднем уровне управления, где нужно устанавливать межличностные отношения.

У женщин-руководителей возникает конфликт между гендерной и лидерской ролью, поскольку последняя требует маскулинного поведения. Смягчению этого ролевого конфликта могут способствовать: 1) реальные достижения женщин; 2) выбор ими той области занятий и должности в тех организациях, где лидерская роль по стереотипу не слишком маскулинизирована, а, скорее, андрогинна; 3) демонстрация относительно

фемининного лидерского стиля – демократического и ориентированного на взаимоотношения.

И лидеры-мужчины, и лидеры-женщины были наиболее продуктивными, работая с ведомым своего пола, и наименее эффективными, работая с ведомыми противоположного пола [2].

Таким образом, при обсуждении потенциала и психологических задатков женского лидерства ученые сходятся во мнении, что представительницы женского пола имеют меньше шансов проявить себя в лидерской позиции по сравнению с мужчинами. Женщины склонны приписывать успех при решении сложных задач воле случая или везению, им свойственна недооценка своих возможностей. Объясняется такое положение различиями в познавательной сфере мужчин и женщин, более низким уровнем притязаний и мотивации женщин в их устремленности к успеху, они стараются объяснить свой неуспех недостатком способностей или сложностью задания.

Тем не менее данные говорят о большем личностном потенциале лидерства у женщин. Человек, видящий причину неудач в себе, имеет больше возможностей стать хорошим руководителем, чем тот, кто считает, что в его неудаче виноваты внешние обстоятельства.

Женщины, обладающие качествами лидера, обычно соглашаются рисковать и часто становятся победителями. Хотя женщины боятся преуспевать в деле или политике, потому что подозревают отрицательную оценку со стороны близких или далеких мужчин. Страх перед лидерством наблюдается не только у взрослых женщин, что может определяться особенностями жизненного опыта, но и у способных, одаренных девочек.

Причина кроется в неуверенности женщин в себе и низкой самооценке, дополненной отсутствием необходимого профессионального честолюбия, а также по мере своего профессионального роста, женщины реже встречают других женщин.

В современной России, несмотря на все трудности, женщины все чаще становятся лидерами и добиваются успеха. В сфере предпринимательства можно отметить большой процент женщин, возглавляющих фирмы, очень много женщин является лидерами в малом бизнесе, успешно женщины действуют и в семейном бизнесе, дополняя и корректируя действия мужчин. Хотя в настоящее время удельный вес женщин среди руководителей различного уровня управления гораздо меньше, чем удельный вес мужчин.

Библиографический список

1. *Журавлев А.Л., Хащенко В.А. Хащенко Н.Н.* Влияние фактора пола на стиль руководства производственным коллективом // Социально-психологические резервы повышения эффективности деятельности трудового коллектива. М.: ИПАН, 1989.

2. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: ПИТЕР, 2003. 567 с.

3. *Чирикова А.* Женщина во главе фирмы (проблемы становления женского предпринимательства в России) // Вопросы экономики. 2000. № 3.

4. *Чирикова А.Е.* Женщина – топ менеджер в России: в ожидании краха «стеклянного потолка». Электронный ресурс <http://www.gender-cent.ryazan.ru/school/chirikova.htm>.

5. *Чирикова А.Е.* Мужчина и женщина как топ-менеджеры российских компаний // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 74-75.

6. *Элизабет О'Лири* Лидерство: что нужно знать руководителю. 10-минутный тренинг для менеджера / Пер. с англ. М., 2004. 192 с.

УДК 42-3 (Англ.)

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК КАК КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ СОЗНАНИЯ В РАЗВИТИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

**Н.В. Скрынникова, Владивостокский филиал
Российской Таможенной академии, Владивосток**

Рассматриваются современные теории сознания и отношения языка и сознания. Обращается внимание на когнитивную функцию языка в процессе восприятия и интерпретации информации. Отмечается необходимость изучения естественного языка для развития искусственного интеллекта.

Понятие «сознание» не имеет однозначного определения как в современных социо-гуманитарных, так и в собственно научных исследованиях. И, хотя долгое время философская позиция определялась первичностью либо материи, либо сознания, сейчас существуют более категоричные мнения по данному вопросу. Например, С. Прист [6] не считает Маркса чистым материалистом, потому что, как полагает автор, для материалистов существует только материя, а для идеалистов – только сознание. Автор убежден, что материализм представляет собой теорию, в соответствии с которой все ментальные факты – это не что иное, как физические факты, но в работах Маркса, по его мнению, нет ничего свидетельствующего, что он был материалистом в этом смысле [6, 134].

Таким образом, к «чистым» идеалистам можно отнести Платона и Декарта. И хотя, сделав возможность сомнения основой различения между телом и сознанием, Декарт оказался открытым для возражений и критики, наследие картезианства оказало и оказывает огромное влияние на развитие теорий сознания. В настоящее время предпринимаются попытки преодоления одностороннего взгляда на понятие «сознание», появляются теории, объединяющие диаметрально противоположные точки зрения. С одной стороны, это теоретические труды современных философов, таких, как Д. Серл [7], Куайн [3], С. Пинкер [5], Д. Лакофф [4] и др., с другой – результаты нейрофизиологических ис-

следований мозга, представленные в работах отечественных исследователей Н.П. Бехтеревой, Т.В. Черниговской и др. Таким образом, от современного исследователя «требуется понимание человеческого существа как одновременно ментального и физического, как себя и как другого, индивидуального и социального, свободного и детерминированного, временного и вневременного, внутреннего и внешнего, предсказуемого и непредсказуемого» [6, 279]. Д. Серл полагает, что фразу Декарта «Я мыслю, следовательно, я существую» можно интерпретировать как «Я есть мыслящее существо, следовательно, я есть физическое существо» [7]. Как отмечает Д.И. Дубровский, Д. Серл «стремится сократить разрыв между философскими концепциями сознания и обычными знаниями о «ментальной жизни», ее описаниями в естественном языке и опирается на принципы биологической эволюции с целью обоснования естественного происхождения сознания в качестве эмерджентного свойства высокоразвитых живых систем» [2].

Исследования в области нейрофизиологии касаются механизмов человеческого мышления, организации сознания и самосознания. Проблема отношения сознания и мозга напрямую связана со способностью речепроизводства. Существуют две господствующие концепции организации мозговой деятельности. Странники первой, «динамической», считают, что отдельные участки мозга не несут самостоятельных функций, а значение имеет лишь весь мозг. Странники «локализационистской» концепции полагают, что каждый отдельный центр отвечает за свою функцию, а мозг – система таких центров [9].

Исследования говорят о разной роли полушарий мозга в организации языковой способности человека. Выявлены структуры коры и подкорковых образований, отвечающие за речепонимание и речепроизводство. Локальные поражения левого полушария у правой приводят к общему нарушению речи, а не отдельно взятой функции [10].

В асимметрии полушарий важен их диалогизм. Метод дихотического тестирования позволил разработать модель взаимодействия полушарий в процессе обработки речевых стимулов. Сделано предположение о наличии двух блоков в каждом полушарии: обработки сигналов и принятия решения. Возможно распознавание сигнала каждым из полушарий, но правое более ограничено в силу конечного количества имеющихся эталонов [10].

Однако даже современные нейрофизиологические исследования в области мозга способны лишь констатировать активность определенных участков мозга при протекании различных когнитивных процессов, но содержание этих процессов, код самой мысли не поддаются подобного рода анализу [1], что требует иного, междисциплинарного подхода к изучению данной проблемы, учитывающего взаимодействие внутренних и внешних факторов, оказывающих влияние на развитие сознания.

Важную роль в решении проблем изучения сознания и поиске новых методов играет язык. В данном контексте язык рассматривается как «сложное социально-биологическое коммуникативное образование,

предназначенное для ориентации человека в окружающей действительности через использование в качестве средства коммуникации языковых знаний, представляющих собой кристаллизацию коллективного опыта взаимодействия индивидов и поэтому обладающих определенной степенью самостоятельности и постоянства своего значения при всем многообразии когнитивных характеристик носителей языка» [8]. Язык так же, как и сознание, обладает как материальными, так и идеальными характеристиками.

Обладает ли сознанием искусственный интеллект и можно ли моделировать его работу с помощью языка? В чем отличие языка искусственного интеллекта от естественного языка? За языком искусственного интеллекта всегда стоит наблюдатель, программирующий, задающий цели. Все инструменты, созданные человеком в истории, расширяли его возможности и способности, но не заменяли самого человека. Искусственный интеллект в этом смысле позволяет быстрее переработать информацию и принять необходимое решение на основании имеющихся у него данных, чем мозг человека. С помощью искусственного интеллекта можно «сжать» время, ускоряя вычислительные процессы. Но язык искусственного интеллекта ограничен схематизмом и ему явно не хватает модальностей, присущих человеку, таких, как желание, намерение, убежденность и др., играющих важную роль в создании языкового контекста intersубъективного общения.

Тем не менее исследования в области отношений языка и сознания могли бы оказать существенное влияние на развитие искусственного интеллекта. Если для естественного интеллекта пока невозможно точно определить содержание мыслительных процессов, а можно лишь указать зоны локализации процессов речепорождения и речевосприятия, то для искусственного интеллекта, управляемого наблюдателем, не только сам процесс, но и его содержание заранее определены. А в зависимости от объема информации можно прогнозировать вариативность рефлексии искусственного интеллекта.

Таким образом, чем больше мы узнаем о естественном интеллекте человека, тем больше возможностей для усовершенствования искусственного интеллекта. Имеет ли этот процесс обратную связь? Очевидно, да, если принимать во внимание прикладные цели совершенствования искусственного интеллекта в науке и технике. Однако, творческий процесс, зависящий от личностных качеств человека, еще долгое время будет недоступен искусственному интеллекту, если вообще допустить такую возможность.

Библиографический список

1. *Бехтерева Н.П.* О мозге человека. СПб.: Нотабене. 244 с.
2. *Дубровский Д.И.* Новое открытие сознания // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 92-111.
3. *Куйн У.* Слово и объект. М.: Праксис, 2000. 385 с.

4. Лакофф Дж, М. Джонсон (2004). Едиториал УРСС. 256 с.
5. Пинкер С. (2004). Язык как инстинкт. М.: УРСС. 230 с.
6. Прист С. (1991). Теории сознания. М., 2000. 288 с.
7. Серл Д., (1992). Открывая сознание заново. Идея-Пресс, 2002. С. 35.
8. Трофимова Е.Б. (2006). *Studia Linguistica Cognitiva*, 1. С. 20-30.
9. Черниговская Т.В. Мозг и язык: полтора века исследований / Доступно из URL: <http://www.genling.nw.ru/person/Chernigovskaya.htm>, [Дата обращения: 15 декабря 2007 года].
10. Марютина Т.М., Ермолаева О.Ю. Введение в психофизиологию. М.: Флинта, 1998. 399 с.

УДК 378

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО И ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО УЧЕНОГО НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА ДАНИЛЕВСКОГО

Г.А. Трифонова, Дальрыбвтуз, Владивосток

Изложена творческая деятельность знаменитого ученого, культуролога и биолога Николая Яковлевича Данилевского.

Николай Яковлевич Данилевский – знаменитый русский социолог, биолог, идеолог славянофильства, автор знаменитой книги «Россия и Европа», имя, которого необоснованно было забыто более 100 лет. Свою научно-литературную деятельность Н.Я.Данилевский начал еще во время учебы в Петербургском университете. Им были написаны многочисленные статьи по вопросам рыболовства и статистики. Он разработал пять законов цивилизационного развития, которые не утратили своей актуальности и сегодня. Н.Я. Данилевский остался в памяти современников как автор сформулированной в труде «Россия и Европа» теории культурно-исторических типов и мало кто знает о том вкладе, который внес ученый в развитие рыбохозяйственной науки России.

Николай Яковлевич родился 28 ноября (по старому стилю) 1822 г. в селе Оберец Орловской губернии в дворянской семье, богатой литературными и научными традициями. Он окончил частный пансион в Москве и поступил в Царскосельский лицей, где проучился с 1832 по 1842 г. Затем в качестве вольного слушателя учился на физико-математическом факультете Петербургского университета.

В 1847 г. состоялась встреча Н.Я.Данилевского с известным русским философом Н.Н.Страховым, который оказал существенное влияние на формирование мировоззрения молодого человека.

Николая Яковлевича интересовали также взгляды знаменитого французского социалиста-утописта Франсуа Фурье (1772-1837 гг.), ко-

торый считал, что буржуазная мораль лжива; что нужно построить идеальное общество – «общество гармонии», которое будет основано на всеобщей трудовой повинности, правильном распределении, высокому уровню экономики, свободе любви и нравов, уважении к Богу; искал решения проблемы общественного быта по пути соединения выгод частного и общего хозяйства. Данилевский был сторонником революционных взглядов М. В. Буташевича-Петрашевского, посещал его кружок.

В 1847 г. он получил степень кандидата ботаники, а в 1849 г. Н.Я. Данилевский защитил магистерскую диссертацию по кафедре ботаники по описанию флоры Орловской губернии. Затем он уехал на научную практику в Тульскую губернию, где был арестован и отправлен в Санкт-Петербург. Его привлекли к следствию по делу Петрашевского и в течение трех месяцев он провел в заключении в Петропавловской крепости. Н.Я. Данилевского отправили в ссылку в Вологду, где работал в канцелярии вологодского губернатора, затем – в Самаре, но он продолжал заниматься наукой и в ссылке. Его работа «Климат Вологодской губернии» была отмечена премией Русского географического общества.

В 1851 г. Данилевский работал в составе экспедиции по изучению промысловых запасов Чудского и Псковского озер, 1853 г. был командирован на Волгу в составе экспедиции под руководством Карла Максимовича Бэра. Целью этой важной для экономики России экспедиции было исследование состояния рыбных запасов и определение перспектив рыболовства в низовьях Волги, Урала, Терека, Куры и Каспийском море.

В 1859 г. Н.Я. Данилевский работал начальником экспедиции на севере России, изучал рыбные и звериные промыслы Белого моря и Северно Ледовитого океана. По возвращению в Петербург Н.Я. Данилевский за свою научно-административную деятельность был награжден золотой медалью Русского географического общества. В 1862 г. Н.Я. Данилевский стал активным участником экспедиции, изучавшей бассейны Азовского и Черного морей. В 1870 г. он работал на Белом, Ильмень, Онежском и Ладожском озерах [2, с. 25].

Таким образом, Н.Я. Данилевский за свою двадцатилетнюю экспедиционную деятельность совершил 9 экспедиций, в результате которых изучил все внутренние водоемы России.

Результатом многолетней и плодотворной работы стал совместный 9-томный труд «Исследования о состоянии рыболовства в России», из которого 3, 5, 6, 8, 9 тома написаны лично Н.Я. Данилевским. К тексту приложены 4 альбома прекрасно выполненных рисунков. Некоторые достижения экспедиционных открытий имели мировое значение. Справедливости ради, нужно отметить, что труды сохраняют свою актуальность и сегодня.

Важнейшей заслугой Н.Я. Данилевского является разработка четко сформулированных принципов рационального рыбного хозяйства, обеспечивающего сохранение рыбных запасов:

1. Заботиться о местах метания икры, создание там тех благоприятных условий, которые делают их пригодными для нереста рыб.

2. Беспрепятственный пропуск к местам метания икры достаточное для поддержания природы количество рыб.

3. Давать большинству молодого подростка время достигать половой зрелости [2, с. 27].

Борясь за них, Н.Я. Данилевский в тоже время отчетливо осознавал, что осуществление их препятствует частная собственность и конкуренция между рыбопромышленниками, обусловленная стимулом наживы. «При ясном взгляде на дело самих промышленников, они не имеют ни возможности заставить других разделять этот взгляд, ни власти, чтобы привести его в исполнение» [4, с. 14].

В 1879-1880 гг. он был назначен директором Никитского ботанического сада в Крыму. Не меньших успехов он достиг на административной работе. Войдя в конце своей карьеры в состав министерства государственного имущества, Н.Я. Данилевский принял самое активное участие в выработке законов, которые регулировали состояние рыбных богатств страны вплоть до XX в.

Ученого даже больше естественно-научных вопросов интересовали философско-исторические и культурологические проблемы. В 60-е гг. XIX в. с началом эпохи буржуазных реформ в интересах Данилевского совершается все более отчетливый поворот в сторону социально-политических и историко-культурных проблем.

Осенью 1865 г. Данилевский начал писать труд, принесший впоследствии ему известность, – «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому». Книга Н.Я. Данилевского увидела свет в 1868 г., в ней автор попытался дать ответ на возникшие в русском обществе вопросы о дальнейших судьбах России, ее взаимоотношений с европейским миром, с оригинальной концепцией всемирной истории, перевертывавшей традиционные представления. В 80-е гг. труд «Россия и Европа» постепенно обрел популярность, здесь цивилизационный, или культурологический, подход утверждал идею о существовании множества культур и цивилизаций, их локальности и разнокачественности. Здесь отрицается жесткая однолинейная схема общественного прогресса.

Николай Яковлевич Данилевский выдвинул концепцию обособленно существующих культурно-исторических типов (цивилизаций), проявляющихся через четыре важнейшие формы деятельности, или «основы» (самопроявления) цивилизаций – религиозную, культурную, политическую, социально-экономическую. Подобно биологическим организмам, культурно-исторические типы находятся в процессе непрерывной борьбы с внешней средой и друг с другой и проходят стадии зарождения, возмужания, дряхления и гибели (вымирания, или деградации до уровня аморфного этнографического сырья для других культурно-исторических типов).

Смысл всемирной истории Данилевский видел в выявлении особенностей самопроявления культурно-исторических типов народов, которые развиваются по своим особым законам.

Данилевский определил некоторые законы развития культурно-исторических типов (цивилизаций):

1) народы, говорящие на одном или близких языках, составляют один культурно-исторический тип;

2) для возникновения и развития культурно-исторического типа необходима определенная политическая независимость;

3) успехи цивилизации зависят от различных элементов культурно-исторического типа;

4) процесс формирования цивилизации длителен, а период их расцвета краток;

5) цивилизации развиваются замкнуто и изолированно, однако это не значит, что они не влияют друг на друга.

Выделив тринадцать культурно-исторических типов, Данилевский наибольшее внимание уделил славянскому типу – молодому и качественно новому, призванному принести подлинный смысл в будущее человечества.

Н.Я. Данилевским в период экспедиционной деятельности был собран богатый естественно-научный материал, использованный им позже для написания объемистого труда «Дарвинизм. Критическое исследование» (1879-1885), который вышел из печати уже после смерти автора в 1885 г. В научных кругах книга была воспринята как необоснованное посягательство на авторитет Чарльза Дарвина. Н.Я. Данилевский действительно выступил против многих положений эволюционистской теории Дарвина, но в ней автор высказал оригинальные идеи, содержащие рациональное ядро, и аргументировано доказывал их.

В 1890 г. вышел в свет сборник «Политических и экономических статей», которые были написаны ученым в разные годы и свидетельствовали о консервативно-монархической настроенности автора.

Таким образом, на примере жизни и творческой деятельности Н.Я. Данилевского видно, что он являлся энциклопедически развитой личностью, проявил научную компетентность и в естественно-научной сфере, и в гуманитарно-общественной.

Н.Я. Данилевский вошел в мир истории, философии и публицистики не как мыслитель классического типа, претендующий на освоение и обобщение исследований предшественников, а как ученый, которому впервые открылась истина и который вправе защищать и отстаивать ее, невзирая на общепризнанные авторитеты.

Библиографический список

1. *Авдеева Л.Р.* Русские мыслители: А.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н.Страхов. М., 1992.

2. *Борисов П.Г.* Научно-промысловые исследования на морских и пресных водоемах. М., 1964.

3. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991.

4. *Данилевский Н.Я.* Исследование о состоянии рыболовства в России. Т. 9. М., 1960.

5. *Захарова А.А.* Россия в философско-исторической концепции Н.Я. Данилевского. Томск, 1986.

УДК 314

СУТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА ПРИМОРЬЯ

В.П. Туноголовец; Г.Ю. Бочарникова, Дальрыбвтуз, Владивосток

В Приморском крае, как и в целом по России, демографическая ситуация характеризуется снижением рождаемости, нарастающим старением населения; значительной смертностью, особенно среди мужского трудоспособного населения; превышением миграционного оттока над притоком, сокращением численности населения края.

Демографический кризис Приморского края протекает менее напряженно, чем в других субъектах Дальневосточного федерального округа, но значительно более резко, чем в среднем по России.

Последствия кризиса проявятся уже в самые ближайшие годы.

Огромную роль в освоении Приморского края сыграла Транссибирская магистраль. По этой дороге прокатилось несколько переселенческих волн, как в годы царской России, так и в советское время. В 1926 г. число жителей Приморского края составляло уже 639 тыс. чел. В 1971 г. численность приморцев достигла 1745 тыс. чел., а жителей Дальневосточного федерального округа 5,893 млн чел.

Население Приморья развивалось за счет двух источников – естественного прироста и переселений, т.е. миграционного движения. На начальных этапах освоения территории преобладал миграционный рост. Однако к концу 70-х гг. результативность миграции стала падать, и в 80-е гг. из 25 вновь прибывших переселенцев в Приморье закреплялся лишь один. С этого времени основным источником роста численности стал естественный прирост. Его доля в общем росте численности в 1989 г. составляла 77 %. Общее число жителей края к этому году достигло 2258 тыс. чел. За годы советского строительства по темпам прироста населения Приморье, как и другие края и области Дальнего Востока, где также была высока доля людей молодого возраста, опережало многие районы России и в целом превосходило средние республиканские показатели в 1,2-1,5 раза. Согласно статистическим данным, в 1992 г. Приморский край имел максимальную за всю историю существования численность населения – 2314,5 тыс. чел.

Однако в 90-е гг. демографическая обстановка в Приморье существенно изменилась. Политический кризис, овальное обрушение экономики, повсеместная обстановка предприятий привела к резкому ухудшению условий жизни, и с 1992 г. население стало уменьшаться. Сокращение населения происходило преимущественно в городах и поселках городского типа. Это и снижение рождаемости, и рост смертности, и неослабевающий поток уезжающих из Приморья. На 01 января 2009 г. численность населения края составляла 1988008 человек. Убыль населения составила 14,11 %, наименьший показатель после Хабаровского края (13,71 %) в ДФО (табл. 1). Население округа в целом сократилось почти на 20 % – максимальный по России показатель. Дальневосточный федеральный округ занимает 36,1 % территории России, на его долю в настоящее время приходится только 4,5% населения страны.

Таблица 1

Показатели убыли населения субъектов ДФО

	2009	1991	Разность 1991-2009	Убыль, %
Дальневосточный федеральный округ	6460094	8063568	-1603774	19,89
Республика Саха (Якутия)	949753	1118983	-169230	15,12
Камчатский край	343539	478541	-135002	28,21
Корякский авт. округ	21068	37709	-16641	44,13
Приморский край	1988008	2314531*	-326503	14,11
Хабаровский край	1401915	1624704	-222789	13,71
Амурская область	864458	1054267	-189809	18,00
Магаданская область	162969	390276	-227307	58,24
Сахалинская область	514520	715333	-200813	28,07
Еврейская АО	185412	220231*	-34819	15,81
Чукотский авт. округ	49520	162135**	-112612	в 2,274 раза

Примечание. * 1992 год. ** 1990 год.

В 2008 г. в целом по округу число умерших превысило число родившихся в 1,1 раза; коэффициент естественной убыли населения составил 1,1 ‰. Наряду с естественной убылью населения сложился миграционный отток населения, который составил 19,2 тыс. чел.

Численность экономически активного населения по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости в среднем за 2008 г. составила 3,6 млн чел., или 55,4 % общей численности населения округа. Не имели занятия, но активно его искали 282 тыс. чел., или 7,9 % общей численности экономически активного населения (в соответствии с методологией Международной Организации Труда они классифицируются как безработные). В государственных учреждениях службы занятости населения в качестве безработных на конец декабря 2008 г. было зарегистрировано 104 тыс. чел., или 2,9 % экономически активного населения.

Уровень благосостояния населения определяется, прежде всего, денежными доходами населения, которые в расчете на душу населения в целом по Дальневосточному федеральному округу составили 15647,7 руб. в месяц (в целом по России – 15105,6 руб. в месяц).

Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата в 2008 г. составила 21148 руб. и возросла по сравнению с 2007 г. на 25,5 %, реальная заработная плата – на 11,4 %.

Приморский край по численности населения в Дальневосточном федеральном округе всегда занимал первое место. В 1971 г. 29,66 % населения округа составляли приморцы, в 1991 г. – 29,0 %, а в 2009 г. – уже 30,8 %. Рост удельной численности края определен внутренней миграцией внутри ДФО.

Снижение рождаемости и быстрый рост смертности резко сократили естественный прирост населения. Если в 1990 г. он еще составлял 12740 чел., или 5,5 чел. на 1000 жителей, то в 1992 г. естественный прирост численности приморцев достиг лишь величины, равной 486 чел., с 1993 же года началась естественная убыль населения (рис. 1).

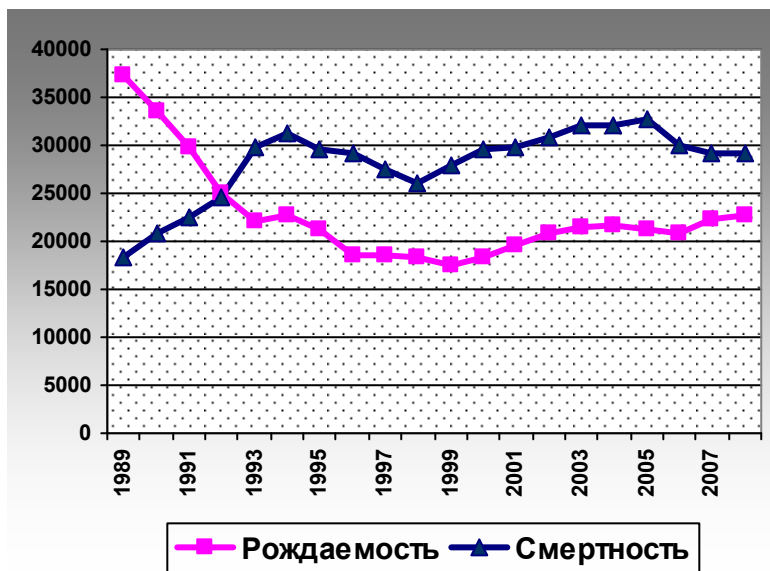

Рис. 1. Динамика естественного прироста населения в Приморье в 1989-2008 гг., жителей

Результат этих разнонаправленных процессов – наблюдаемая естественная убыль населения Приморья, составившая за 1992-2008 гг. 147048 чел., достигая в отдельные годы до 10000 чел. Миграционный

отток, который за эти годы составил 176922 чел., довел общую убыль населения Приморья до 325417 (табл. 2).

Суть демографического кризиса в Приморском крае, хотя и наименее острого во всем Дальневосточном федеральном округе, тем не менее еще более трагична, еще более выразительна, чем в целом по России.

Таблица 2

**Индикаторы демографического развития Приморского края,
1990-2008 гг.**

Индикаторы	Год						
	1990	1992	1995	2000	2004	2006	2008
Численность населения, млн чел. (конец года)	2,297	2,315	2,266	2,141	2,051	2,005	1,988
Общий прирост (убыль), ‰	5,6	-5,1	-8,4	-10,8	-7,6	-6,8	-3,3
Естественный прирост (убыль), ‰	5,5	0,2	-3,7	-5,2	-5,1	-4,5	-3,2
Миграционный прирост, ‰	0,1	-4,9	-7,1	-4,4	-2,7	-2,2	-0,1
Общий коэффициент рождаемости, ‰	14,6	10,8	9,4	8,6	10,5	10,4	11,4
Общий коэффициент смертности, ‰	9,0	10,6	13,2	13,8	15,7	15,0	14,4
Общий коэффициент смертности (мужчины), ‰	10,5	12,9	15,2	15,8	19,7	18,0	
Общий коэффициент смертности (женщины), ‰	7,7	8,6	10,9	11,4	12,1	12,3	
Количество детей-школьников, %			14,9	13,9	11,4	10,3	9,8
Общий коэффициент брачности, ‰	10,1	7,5	6,6	5,9	7,3	8,4	9,0
Общий коэффициент разводимости, ‰	5,0	5,6	4,7	4,4	5,5	5,6	5,4
Доля городского населения, %					78,3		75,4
Доля населения моложе трудоспособного возраста, %	25,8	24,8	23,0	19,0	16,4	15,7	15,4
Доля населения старше трудоспособного возраста, %	12,9	13,6	15,1	16,9	18,2	19,1	19,9

Источник: Росстат, 2008.

Еще более значительно и быстро снизилась рождаемость (общий коэффициент рождаемости составил в 1999 г. 8,1 ‰ против 16,5 ‰ в 1989 г.).

Естественная убыль населения Приморского края, являющаяся следствием высокой смертности и низкой рождаемости, а также превышением уезжающих над прибывающими, показана в табл. 2, 3 и на рис. 2.

В результате снижения рождаемости наблюдается нарастающее старение населения (доля населения старше трудоспособного возраста увеличилась с 12,9 % в 1989 г. до 19,7 % в 2007 г., и впервые в 2007 г. число населения старше трудоспособного превысило число населения моложе трудоспособного возраста – 392084 вместо 309802), резко возросла смертность, особенно среди мужского трудоспособного населения (общий коэффициент смертности составил в 2004 г. 15,7‰ против 9,0‰ в 1990 г., мужчины – 19,7‰ против 10,5‰, женщины – 12,1 против 7,7‰).

Численность постоянного населения края за 2008 г., по оценке, уменьшилась на 10,2 тыс. чел. и на 1 января 2009 г. составила 1988,0 тыс. чел.

По данным Госкомстата, за 2007 г. в Приморье родилось 22455 ребенка (на 6,5 % больше, чем за 2006), умерло – 29120 чел. (на 3,2 % меньше).

Таблица 3
Естественное движение населения в Приморском крае (тыс. чел.)

Год	Число жителей (на начало года)	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост (родившиеся – умершие)	Общий прирост (число жителей на конец года – начало года)	Миграция	Число родившихся на 1000 жителей	Число умерших на 1000 жителей
1989	2258222	37260	18292	14968			16,5	8,9
1990	2296684	33614	20874	12740	13007	267	14,6	9,0
1991	2309701	29783	22526	7257	4820	-2437	12,9	9,8
1992	2314531	25052	24584	486	-11752	-11266	10,8	10,6
1993	2302779	22130	29893	-7766	-18709	-10843	9,5	13,0
1994	2284070	22757	31168	-8411	-17767	-9356	10,0	13,6
1995	2266303	21235	29550	-8315	-24510	-16195	9,4	13,0
1996	2241793	18467	29248	-9781	-24684	-14903	8,2	13,0
1997	2217109	18486	27519	-9033	-25157	-16124	8,3	11,6
1998	2191952	18277	26001	-7724	-24678	-16954	8,3	11,8
1999	2167274	17525	28007	-10482	-26249	-15767	8,1	12,9
2000	2141025	18393	29513	-11120	-20558	-9438	8,5	13,6
2001	2120467	19656	29714	-10058	-34724	-24066	9,2	13,9
2002	2085743	20816	30858	-10042	-18041	-7999	9,8	14,6
2003	2067342	21531	32023	-10492	-16000	-5508	10,4	15,5
2004	2051342	21598	32112	-10514	-15568	-5056	10,5	15,7
2005	2035774	21174	32812	-11638	-16245	-4607	10,4	16,1
2006	2005171	20935	30052	-9117	-13612	-4495	10,4	15,0
2007	1995082	22455	29120	-6667	-10089	-3424	11,2	14,6
2008	1988008	22749	29123	-6374	-7074	-921	11,4	14,6

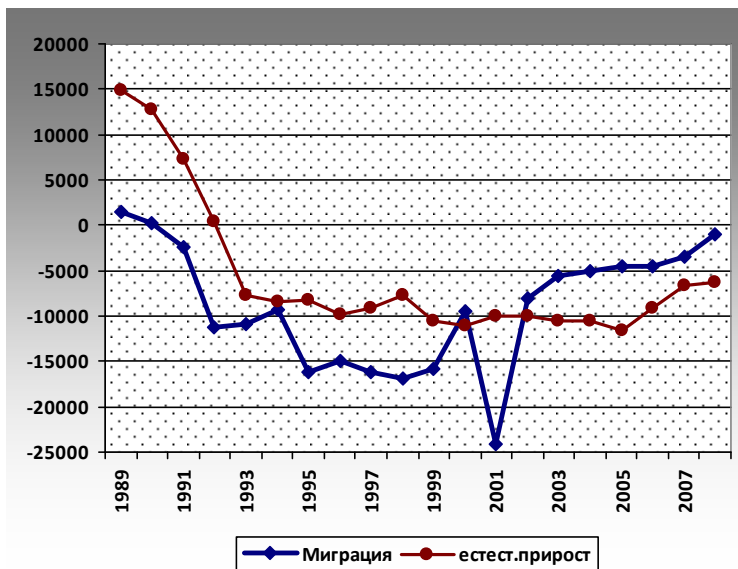

Рис. 2. Динамика естественного прироста населения в Приморье и миграции (отъезд-приезд) в 1989-2008 гг., чел.

Число умерших в 2007 г. превысило число родившихся на 6665 чел. (в 2006 г. – на 9117). Увеличился показатель младенческой смертности: из 1000 родившихся умерло 11,9 ребенка в возрасте до 1 года, против 10,7 в 2006 г.

В органах ЗАГС зарегистрировано 18073 брака (на 7,7 % больше, чем в 2006 г.) и 10804 развода (на 4,2 % меньше). На 1000 заключенных браков пришлось 598 разводов (2006 г. – 672).

В течение 2007 г. на постоянное место жительства в край прибыло 27520 чел., выбыло – 30944 чел. Миграционный отток населения уменьшился в сравнении с 2006 г. на 24 %. Миграционный отток населения в 2008 г. всего 921 чел. (прибыло 29617 чел., выбыло – 30538 чел.).

В 2000 г. (год с самой большой убылью населения по краю) наибольшие величины естественной убыли зарегистрированы в Партизанске (-12,4 на 1000 чел. населения), Артеме (-8,3), Спасске-Дальнем (-7,6), Уссурийске (-6,2), а также в Анучинском (-8,6), Кавалеровском (-8,2), Надеждинском (-8,0) и Черниговском (-6,8) районах.

Естественного прироста населения не наблюдалось ни в одном из территориальных образований края, хотя наименьшие уровни естественной убыли отмечены в молодом городе военных моряков Фокино (-0,6) и Ольгинском районе (-0,7) (Доклад..., 2001).

В сравнении с 1999 г., в 2000 г. заметно увеличилось число умерших от инфекционных болезней (на 11 %), от болезней органов дыха-

ния (на 10,8 %), от травм, отравлений и несчастных случаев (на 6 %). Две первых цифры в этом ряду, как никакие другие, несомненно, обусловлены загрязнением среды и связанным с ним снижением иммунитета у людей.

Во всем мире живых существ наиболее уязвимыми являются организмы на ранних стадиях развития. У человека это младенцы. Самая высокая младенческая смертность – 42,4 % всех случаев смерти детей в возрасте до 1 года (или 81,1 на 10 000 родившихся) от неясных причин. Но вторую по величине группу причин младенческой смертности составляют врожденные аномалии (22,6 %, или 43,3 на 10 000 родившихся), которые почти всегда экологически обусловлены и связаны со специфическим загрязнением среды. Наиболее высокая смертность детей по этой причине в 1999 г. наблюдалась в Лесозаводском и Пожарском районах, в Дальнегорске и Уссурийске. В 2000 г. младенческая смертность составляла 19,1 на 1000 родившихся, в 2001 г. – 16,1, в 2002 г. – 13,3, т.е. началось снижение младенческой смертности.

В 2000 г. Дальневосточный регион в целом отличался очень высокой младенческой смертностью: 20,1 на 1000 родившихся (в Чукотском и Корякском автономных округах – 33,1 и 36 % соответственно), при среднероссийском уровне – 16,5 (Воробьев и др., 2001). Уровень младенческой смертности в России в 2,5-4 раза выше, чем в развитых странах мира. Так, в середине 1990-х гг. в Японии число детей, умерших до одного года на 1000 родившихся, составляло 4,5, в Швеции – 6, в США – 1 (Business MN, 1995. Цит. по: Мирзеханова, 2003). Смертность детей в возрасте от одного до четырех лет в России выше, чем в развитых странах, в 4-5 раз. К концу XX в. пирамида возрастов в нашей стране имела катастрофически узкое основание – детей в возрасте до 6 лет насчитывалось всего лишь пять миллионов (Протасов, 2000).

В 1999 г. уровень рождаемости в крае был самым низким за последние 10 лет – всего 17525 вместо 37620 в 1989 г. Но уже в 2000 г. он возрос на 5 % и составил 8,5 на 1000 населения (смертность же при этом оставалась очень высокой – 13,6). Наибольший показатель рождаемости характерен для сельских районов – Ханкайский (11,9), Ольгинский (11,6) Дальнереченский (11,5), в городах и поселках городского типа он по-прежнему оставался низким (Кавалерово – 6,9, Владивосток – 7,3, Дальнереченск – 7,4, Находка и Партизанск – 7,8 на 1000 населения). Для сравнения отметим, что в 1988 г. в бывшем СССР рождаемость составляла 18,8 чел. на 1000 жителей, смертность – 10,1, т.е. естественный прирост достигал 8,7 чел. на 1000 населения (Национальный доклад..., 1989).

В 2002 г. в Приморье зарегистрировано родившихся на 6 % больше, чем в 2001 г. (20816 и 19656 соответственно). Наибольшее увеличение числа рождений отмечено в г. Дальнереченске, в Лазовском, Кировском, Надеждинском, Хорольском и Яковлевском районах (на 15-27 % от уровня прошлого года) (Доклад о состоянии..., 2003).

В Приморском крае в предкризисном десятилетии наибольшая рождаемость наблюдалась в 1983 г. – 18,7 чел. на 1000 населения (в 1982 г. она была лишь чуть-чуть меньше – 18,6 чел.). Естественный прирост в том году был равен 9,3 чел. на 1000 жителей. В 1988 г. рождаемость в Приморье уже заметно снизилась, уменьшившись до 16,5 чел. на 1000 населения, естественный прирост составил 8,0 чел. на 1000 жителей. По стране в целом, по сравнению с Приморским краем, наблюдалась более высокая рождаемость и больший естественный прирост населения, что обеспечивались за счет среднеазиатских республик. 1988 г. можно считать переломным в изменении естественного движения численности населения нашего края – после него и рождаемость, и естественный прирост стали резко падать.

В Приморье идут такие же демографические процессы, как и во всей стране. Однако здесь они во многом выражены мягче. Так, если в 2000 г. смертность в России почти в 2 раза превышала рождаемость, а в некоторых регионах страны даже в 2-3 раза, то в Приморском крае эта разница составляла 1,6 раза, что объясняется более молодым возрастным составом населения в регионе в целом.

Тем не менее, убыль населения в Приморье продолжается. В 2002 г. снижение численности населения определялось как естественной (64,3 %), так и миграционной (35,7 %) убылью. Общий коэффициент смертности в 2002 г. по сравнению с 2001 г. вырос с 13,9 до 14,6 на 1000 населения. Наибольшее превышение числа умерших над числом родившихся наблюдалось в Артеме (в 1,9 раза) и Партизанске (в 2,6 раза). Проведенная в 2002 г. перепись населения выявила и другие причины сокращения численности. Произошел выезд военнослужащих и членов их семей в связи с расформированием воинских частей, дислоцировавшихся в Приморье. Произошел также выезд граждан, работавших на рыбодобывающих и рыбообрабатывающих судах. Так, при проведении переписи 1989 г. по кадрам флота было переписано 33 тыс. чел., в 2002 г. переписано лишь немногим более 2 тыс. чел. (Доклад о состоянии..., 2003).

Подъем смертности в Приморье в 2002 г. зафиксирован по большинству основных классов причин смерти, в том числе от болезней органов дыхания и пищеварения (+14 %), инфекционных и паразитарных болезней (+6,5 %), болезней системы кровообращения (+4,7 %). Из отдельных причин неестественной смерти значительный рост отмечен от отравлений алкоголем (+16,6 %), дорожно-транспортных травм (+13,8 %), убийств (+ 4 %). Правда, смертность от самоубийств снизилась на 6,8 %.

Несмотря на отмечаемое по всем регионам страны увеличение рождаемости, тенденция роста смертности от всех причин сохранилась. По данным Госкомстата России, увеличение показателей смертности в 2001 г., по сравнению с 2000 г., произошло из-за увеличения смертности от болезней системы кровообращения, несчастных случаев, отравлений и травм. Заболеваемость населения Приморья болезнями нервной системы в 2002 г. по сравнению с 2001 г. возросла с 23,2 тыс. до

27,5 тыс., т.е. с 10,8 чел. до 13,0 чел. на 1000 населения. (Доклад о состоянии ..., 2003).

В 2006 году в крае число умерших превысило число родившихся в 1,4 раза (в 2005 – 1,5 раза). Наибольшее превышение имело место в городах Партизанске (в 1,9 раза), Спасске-Дальнем (в 1,8 раза) и в Кавалеровском районе (в 1,9 раза). Естественная убыль населения сохраняется на всех территориях края в течение последних 10 лет.

За 2006 г. в крае родилось на 239 чел. или на 1,1 % меньше, чем за 2005 г., при этом общий коэффициент рождаемости на тысячу человек населения (10,4 ‰) не изменился.

Другой характерной демографической особенностью страны является уменьшение доли экономически активного населения и рост доли тех, кому за 60. Таким образом, идет резкое старение населения страны. Если перед войной люди моложе трудоспособного возраста составляли 38,8 % населения страны, то в 2007 году – 16,0 %. В 1939 г. на одного неработающего приходилось шесть работающих, в 1996 г. – менее двух. Ожидается, что к 2010 г. число работающих и неработающих сравняется. В то же время, Дальневосточный экономический район, в силу более молодого возрастного состава населения, имеет самую высокую в России долю лиц моложе трудоспособного возраста (27,9 %), уступая по этому показателю только Восточно-Сибирскому экономическому району (28,8 %). Это единственный экономический район с самым низким удельным весом лиц старше трудоспособного возраста (10,6) и самым высоким процентом людей в трудоспособном возрасте (61,5 %) (Протасов, 2000; Воробьев и др., 2001).

В Приморском крае доля в 1990 г. лиц моложе трудоспособного возраста составляла 25,8 %, что выше, чем в целом по России в 1989 г. К 2009 г. эта доля уменьшилась до 15,8 %, что уже ниже, чем в целом по стране (по России – 15,9 %). Лица старше трудоспособного возраста в 1990 г. составляли 12,9 %, в 2008 г. – уже 19,9 %. Это меньше чем по стране (2007 г. – 20,6 %), но рост доли лиц старше трудоспособного возраста в Приморском крае **в три раза** превышает аналогичный показатель по России.

Количество детей-школьников с 1989 г. по настоящее время уменьшилось **вдвое**.

Число общеобразовательных учреждений в 2000/2001 учебном году в Приморском крае было 782. В 2007/2008 учебном году в крае работали 649 государственных (1 из них на капитальном ремонте) и 16 негосударственных дневных общеобразовательных учреждений, в которых обучалось 197,1 тыс. учащихся (в 2000/2001 учебном году – 308,3).

Аттестат о среднем (полном) образовании в 2007 г. получили 21,6 тыс. учащихся государственных общеобразовательных учреждений, в том числе выпускники вечерних (сменных) образовательных учреждений – 3 тыс., и 189 учеников негосударственных общеобразовательных учреждений. Количество родившихся жителей края в 1989 г. (в 2007 г. – восемнадцатилетние выпускники) было 37620.

В 2007 г. государственными высшими учебными заведениями края подготовлено 16,1 тыс. специалистов, средними специальными учебными заведениями – 8,5 тыс. Направления на работу получили 51 % выпускников дневных отделений вузов и 34 % выпускников средних специальных учебных заведений, обучавшихся за счет бюджетных средств.

На начало 2008/2009 учебного года в крае работали 634 государственных и 14 негосударственных дневных общеобразовательных учреждений, в которых обучалось 191 тыс. учащихся.

В 2007/2008 учебном году в крае количество студентов в высших учебных заведениях составило 97.7 тыс. чел., из них на дневном отделении – 58,5 тыс. чел. По сравнению с предыдущим 2006/2007 учебным годом студентов стало на 4.2 тыс. чел. меньше.

В 2007/2008 учебном году в вузы края пришло поколение 1990 г., а в 1990 г. количество родившихся жителей края стало на 3646 чел. меньше, чем в 1989 г.

Аттестат о среднем (полном) образовании в 2008 г. получили 18,3 тыс. учащихся государственных общеобразовательных учреждений, в том числе выпускники вечерних (сменных) образовательных учреждений – 2,6 тыс., и 121 ученик негосударственных общеобразовательных учреждений. По данным СМИ аттестат о среднем (полном) образовании в 2009 г. теоретически смогут получить около 17,0 тыс. учащихся.

В 2008/2009 учебном году в вузы края пришло поколение 1991 г., а в 1991 г. количество родившихся жителей края стало еще на 3841 чел. меньше, чем в предыдущем 1990 г.

В 1992 г. количество родившихся жителей края стало еще на 4731 чел. меньше, чем в 1991 г. В 1993 г. количество родившихся жителей края стало еще на 2922 чел. меньше, чем в 1992 г. То есть, начиная с 2008/2009 учебного года по 2010/2011 учебный год, в вузы края будет приходиться на 4-5 тыс. студентов меньше, чем в предыдущем году.

Наименьшее число родившихся в крае приходится на 1999 г. – 17525 чел., что в 2,1 раза меньше, чем 1989 г.

В последние три года число прибывающих в Приморский край росло и достигло в 2008 г. 29,5 тыс. чел., число выбывающих за пределы Приморского края ежегодно более 30 тыс. чел. В 2001 г. превышение выбывших над прибывшими составило 24066 чел., что совместно с превышением смертности над рождаемостью определило сокращение численности жителей края на 34724 чел., или на 16,4 %.

В январе-феврале 2008 г. демографическая ситуация сохранилась: число родившихся было меньше числа умерших (3834 чел. против 5510), браков заключено ненамного больше разводов (1659 против 1651), а число выбывших превысило число приехавших (5012 против 4632).

В январе-феврале 2009 г. демографическая ситуация была аналогичной: число родившихся было меньше числа умерших (3567 чел. против 4640), браков заключено больше разводов (1920 против 1582), а число выбывших превысило число приехавших (4028 против 2942).

Среди субъектов ДФО Приморский край занимает первое место по численности населения. Но в 2008 г. естественная убыль была наиболь-

шей – 3,2 на 1000 чел. населения. Рождаемость на 1000 чел. составляла 11,4, кроме Магаданской области, наименьшая в округе. Смертность на 1000 чел. составляла 14,6, кроме Амурской области, наибольшая в округе. В Приморский край въезжает большее число мигрантов, однако выезд также наибольший и превышает въезд (30538 вместо 29617 чел.).

В Приморском крае больше всего школьников и студентов.

На фоне продолжающегося углубляться демографического кризиса происходит ухудшение социально-экономического положения населения Приморского края.

Валовой региональный продукт на душу населения 131 578,8 руб., наименьший, кроме Амурской области, в Дальневосточном федеральном округе в 2007 г.

Денежные доходы и потребительские расходы в расчете на душу населения в январе 2009 г. 7961,8 и 8672,0 руб., наименьшие по ДФО, в единственном субъекте потребительские расходы превышают доходы. Среднемесячная начисленная заработная плата за январь 2009 г. 18058,3 руб., кроме Амурской области и ЕАО, наименьшая в округе.

Число зарегистрированных преступлений (по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации) 8952 единиц – самое большое из 27096 по ДФО (33,0 %).

Численность не занятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в государственных учреждениях службы занятости (по данным Федеральной службы по труду и занятости) на конец месяца 38,8 из 126,0 тыс. чел. (30,8 %).

Что же ждет нас впереди? Хотя «грядущие годы таятся во мгле», предвидеть демографическое будущее можно достаточно точно. В отечественной истории был очень точный прогноз академика С.Г. Струмилина на 20 лет вперед (1920-1940 гг.). С другой стороны, были и грубо ошибочные совместные прогнозы Центрального статистического управления и Госплана СССР, «научным» фундаментом которых было убеждение, что «чем ближе к коммунизму, тем будет лучше».

Согласно расчету перспективной численности населения, до 2026 г. тенденция к сокращению населения Приморского края сохранится и к началу 2026 г. составит 1759,9 тыс. чел., городского – 1340,2 (76,2 %), сельского – 419,7 (23,8 %). Темпы снижения численности населения будут практически постоянными в течение всего прогнозного периода и составят 0,5-0,8 % в среднем за год.

На сегодняшний день средняя плотность населения на Земном шаре (без Антарктиды) 50 чел./кв². При такой плотности в Приморском крае численность населения должна была бы быть 8,245 млн. чел., а на всей территории Дальневосточного федерального округа 310,25 млн чел. Комментарии излишни!

Библиографический список

1. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН – <http://demoscope.ru/>.

- Вып. 4 Россия: демографические итоги XX века.
 Вып. 7-8 Новый официальный прогноз населения России.
 Вып. 29-30 Смертность от внешних причин. Часть I
 Вып. 31-32 Смертность от внешних причин. Часть II
 Вып. 85-86 Растет ли российская рождаемость?
 Вып. 91-92 Поколение, которое теряет Россия.
 Вып. 119-120 Где хотят жить выпускники российских вузов? 2003.
 Вып. 139-140 Демографические вызовы нового века.
 Вып. 145-146 Возможно ли снижение смертности в России?
 Вып. 151-152, Вып. 153-154, Население России через 100 лет. 2004.
 Вып. 165-166 Вымирают ли народы Севера?
 Вып. 169-172 40 лет снижения продолжительности жизни россиян.
 2004-октябрь.
 Вып. 215-216 Российская половозрастная пирамида 2005-октябрь.
 Вып. 227-228 Россияне умирают слишком рано.
 Вып. 267-268 Особенности российской рождаемости. 2006-декабрь.
 Вып. 277-278 Дефицит рабочей силы: русский крест-2? Февраль.
 Вып. 311-312 Смертность в России: долгожданное снижение?
 2007-декабрь
 2. http://www.gks.ru/free_doc/2007/demo/smert.htm Динамика смертности населения России.
 3. Федеральная служба государственной статистики. Демографический ежегодник России – 2007г. http://www.gks.ru/bgd/regl/B07_16/Main.htm
 4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю – <http://www.primstat.ru/digital/region1/default.aspx>.
 5. Социально-экономическое положение дальневосточного федерального округа в 2008 году. М., 2008.
http://www.gks.ru/wps/pa_1_0_s5/documents/jsp/detail_default.jsp?category=1112178611292&elementid=1140086420641

УДК 82.085

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ СУБКУЛЬТУРЫ «ПЛАХА» г. ВЛАДИВОСТОКА

Е.Е. Чеснокова, Дальрыбвтуз, Владивосток

Рассмотрены особенности речевого поведения членов молодежной субкультуры «Плаха», источники молодежного сленга, процесс его возникновения, функции.

Речь молодежи – достоверный показатель социокультурной ситуации в обществе. Влияние молодежного сленга на общелитературный язык тем выше, чем ниже уровень социальной стабильности.

Актуальность исследования речевого поведения молодежной субкультуры заключается в том, что языковые нормы, формирующиеся в недрах неформального объединения, впоследствии переходят в ядро господствующей культуры, потому что язык субкультуры не замкнут. Постепенно сленг проникает в словарный запас молодых людей, которые не являются членами определенной молодежной субкультуры, но имеют контакт с ними через сокурсников, соседей, родственников. Далее деформация речевой культуры происходит в среде студенческой молодежи, потому что эта среда наиболее лексикоемкая. Потом молодежный сленг под влиянием демократизации общественной жизни проникает в СМИ и в некоторые виды современного искусства: кино, литературу, музыку.

Несмотря на активное исследование сленга, в современной лингвистике нет единства трактовки данного термина. В узком смысле сленг (от англ. «slang» – жаргон) – вербальный способ кодирования «своей» информации в молодежной среде [3, с. 93]. В широком, сленг – это совокупность единиц речи, которые выходят за пределы корпоративного употребления, обладают относительной устойчивостью, имеют тенденцию к расширению сферы употребления и переходу в массовое просторечие. Такая противоречивость обоснована тем, что, с одной стороны, молодежную субкультуру одолевают центростремительные тенденции: предрасположенность к корпоративности, с другой стороны – центробежные: склонность ко всему новому, эпатазирующему, необычному. Эта бинарность молодежной субкультуры хорошо прослеживается в ее визуально-материальных воплощениях. Например, большое значение придается креативному подходу к визуальной символике в одежде и в украшениях. С другой стороны, члены сообщества находятся в жестких рамках «моды» субкультуры, тех системных правил, за пределы которых выходить нельзя. Такая же двойственная ситуация прослеживается в речевом поведении молодежи: стремление к новизне сочетается с жестким подчинением корпоративным штампам.

В свете этой проблемы интересно провести анализ речевого поведения (проследить процесс возникновения, выявить источники и функции сленга) неформального объединения молодежной субкультуры «Плаха» г. Владивостока. Хронологические рамки функционирования молодежного неформального объединения «Плаха» 1995-2000 гг. Основной костяк объединения составляла молодежь от 14 до 30 лет из неполных семей и некоренных жителей г. Владивостока. Данное сообщество не было однородным и представляло конгломерат групп. Для именованного сообщества употреблялись такие лексемы, как «тусовка», «движение», «Плаха». В связи с проблемой этнонимов групп внутри сообщества названия сами даются условно. Приблизительное процентное соотношение следующее: хиппи 65 %, панки 15 %, сторонники трансцендентных практик (с внутригрупповым делением на последователей Карлоса Кастанеды и последователей нетрадиционных религий) 15 %, толкиенисты 5 %. [6] Участниками «Плахи» являлись студенты

Художественного и Музыкального училищ, Института искусств, ДВГУ и Медицинского института. Объединения в группы происходили по интересам, стержнем которых выступала альтернативная музыка, стоящая в оппозиции популярной. Местом сбора являлась центральная площадь города Владивостока, точнее, сцена для публичных выступлений и презентации политических и культурных программ, которая находилась у входа в здание краевой администрации.

Словотворчество в молодежном неформальном сообществе осуществлялось по следующим направлениям: заполнение лакун, переосмысление семантики литературных слов, метафорическое и морфологическое словообразование.

Заполнение лакун – присвоение имен тому, что не имеет, с точки зрения говорящих, названия или лишено адекватного обозначения в официальной культуре. Например, «сейшн» – это не просто концерт или мероприятие, это концерт альтернативной музыки, это мероприятие, где собираются только «свои»; «оттяг» – это не просто получение приятных эмоций, а получение этих эмоций в «своей» среде, чаще всего на рок-концертах.

Переосмысление семантики литературных слов заключается в том, что словам литературного языка присваивается новое значение. Например, слово «крутой» (словарь Ожегова дает следующие определения: отвесный, обрывистый; с резким, внезапным изменением направления; суровый, строгий; решительный и быстрый; доведенный варкой, замешиванием до определенной степени плотности, густоты [4, с. 225]) может означать в зависимости от интонации разнообразную качественную характеристику предмета или явления. Так, слово «крутой» заменяет ряд лексем русского языка: выдающийся («Джимми Хендрикс был крутым гитаристом»); умный («Он у нас в группе самый крутой»); наглый («Ты, что тут самый крутой?»); интересный («Волхв» Фаулза – крутая книга»).

Метафорическое словообразование заключается в использовании фигур речи для названия объекта одного класса при описании объекта другого класса. Оно включает в себя непосредственно метафоры и метонимии. Метафоры (от др. гр. переносное значение): «косуха» – кожаная куртка с косыми отворотами, «пятка» – часть сигареты с наркотиком растительного происхождения. Метонимии (от др. гр. переименование) – вид тропа, в основе которого лежит ассоциация по смежности: «волосатые» – хиппи.

Морфологическое словообразование проявляется в создании новых слов путем изменения формы уже существующих при помощи различных формальных средств: суффиксации, префиксации, заимствования и др. Сленг молодежной субкультуры «Плаха» обходился самыми стандартными суффиксами. Например, большинство прилагательных, были образованы с ударным суффиксом «-ов-»: «животный» – популярный, «лажовый» – плохой, некачественный. Исключение составляет редкий в системе русских формантов, использующийся при образова-

нии имен нарицательных, суффикс «-лов-о»: «зависалово» – приятное времяпрепровождение, «стремалово» – ощущение опасности. Характерно образование пассивных причастий с суффиксами «-нн- -енн»: «обломанный» – прерванный, нарушенный. Также словообразование происходило с использованием множественного числа: «вломы», «вилы» – состояние, когда не хочется что-либо делать. Примером могут служить строки стихотворения одного из членов субкультуры «Плаха»: «И если кто-то стучался, Она продолжала лежать. Это ведь с каждым случается, Ей были вилы вставать». Эти приемы морфологического словообразования позволяли удлинять слова, создавая эффект ослабленности, что характеризовало молодежную субкультуру «Плаха», как пассивную. Также существовал негласный запрет на использование слов, образованных при помощи суффикса «-як», который укорачивал слово: («крутяк», «виляк», «голяк»), что характерно для сленга оппозиционной субкультуры «гопников», состоящей из неработающей молодежи и студентов ПТУ.

В основе сленга владивостокской субкультуры лежала речевая культура системы (неформального молодежного движения центральной части России, возникшее в период застоя). Источником заимствований лексических единиц, которые породили язык московских и питерских хиппи являлись английский язык и лексические пласты соседствующих социальных групп: жаргон музыкантов, криминальный арг, жаргон наркоманов.

Заимствование англицизмов связано интересом к западной субкультуре хиппи и англоязычной рок-музыки. Наиболее мощная волна англо-американских экзотизмов проникла в речь молодежи в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Появились псевдоанглицизмы с незатейливой, подчеркнута небрежной и даже вульгарной морфологизацией на основе аффиксации, то есть появились новые слова с английскими корнями и русскими суффиксами и префиксами. Например, «бездник» (от англ. «birthday» – день рождения), «крезанутый» (от англ. «crazy» – сумасшедший).

Другим примером преобразования английских слов служит метафоризация. Например, если в языке советских хиппи 70-х гг. слово «прайс» имело прямое значение – «цена» (от англ. «price» – цена), в субкультуре «Плаха» оно претерпело метафорическое переосмысление и стало употребляться в значении «деньги». Например, «У тебя есть прайс?» («У тебя есть деньги?»).

Другим источником заимствования является криминальное арг. Номинации, заимствованные из этого языка, в молодежной субкультуре подвергались существенным изменениям, так как они обслуживали иную реальность. Например, рассматривая этимологию сленгового слова «ксивник» мы обнаружили, что происхождение этого слова восходит к ивриту («ktivа» – письмо, писание). Как и многие другие слова из иврита, это слово было заимствовано воровским жаргоном, так как в позапрошлом веке евреи составляли немалую часть воровской знати.

«Ксива», сменив ряд значений («письмо», «записка», «место жительства», «поддельный документ») попало в сленг в виде слова «ксивник» (украшенный вышивкой кошелек-сумочка, в которой хранились деньги и «фенечки» – украшения, несущие символическую нагрузку). Другое сленговое «стрем» восходит к московскому и владимирскому диалектизму «стремный» (прыткий, бойкий) и является однокоренным со словом «стремиться». В XIX в. слово «стрем» стало использоваться в криминальном мире как окрик: «стрема!», которым вор-карманник предупреждал своего партнера о приближающейся опасности, потом возник глагол «стремить» со значением «следить, наблюдать», а арестанта, который предупреждал играющих в карты о приближении начальства, стали называть «стрема». В языке молодежной субкультуры слово «стрем» и его производные «стремный», «стремалово», наряду со значением «опасная ситуация» стали употребляться в значении отрицательной характеристики чего-либо. Например, «стремная гитара» (плохая, некачественная гитара), «Он стремный чел» (Он плохой человек), «Мне что-то стремно» (Я плохо себя чувствую).

Рассматривая влияние жаргона наркоманов на речевое поведение молодежной субкультуры, мы выявили, что жаргон наркоманов обслуживает узкое семантическое поле, описывая наиболее важные для этого микросоциума предметы и ситуации: названия наркотиков, манипуляции с ними, а также ощущения, связанные с состоянием опьянения. Члены субкультуры вкладывали в эти слова более широкое значение, не привязанное к какому-либо смысловому диапазону. То есть происходил процесс перекодирования. Например, этимология слова «облом» (и его производные «влом», «ломы», «ломает», «обломиться») восходит к жаргонному слову «ломка» (абстинентный синдром). В языке молодежной субкультуры приобрел диаметрально-противоположные значения: лень, неудача, прием пищи. Например, «ломы», «влом» (лень), «Что-то ломает туда идти!» («Я не хочу туда идти»), «Какой облом!» («Какая неудача!»), «Надо чем-нибудь обломиться» («Надо что-нибудь поесть»). Другое слово из жаргона наркоманов «беспонтовый» означает «не содержащий наркотика». В сленге молодежной субкультуры принимает значение «плохой», «неинтересный»: «Беспонтовый фильм» («Неинтересный фильм»), «Глючить» на жаргоне наркоманов означает «видеть галлюцинации». На сленге это слово может означать не только «ошибочно оценивать визуальный объект», но и «вводить в состояние дискомфорта»: «Меня глючит, когда ты поешь» (Мне не нравится, когда ты поешь»). Слово «глючный» на сленге приобретает значение «необычный», «интересный»: «Такая фенька глючная» («Такое украшение необычное»).

Любой сленг по количеству лексических единиц несоизмеримо беднее общеупотребительного литературного языка. Возникает вопрос, по какому принципу происходит отбор понятий, получающих в сленге новые имена? Очевидно, сленг включает минимум два пласта: во-первых, слова, обозначающие понятия и реалии, специфичные для данной группы людей, для «своих»; во-вторых, слова, обозначающие

понятия и реалии, которые надо скрыть от «чужих». Естественно, этими двумя пластами лексики сленг не ограничивается. Как правило, с литературного языка на сленг «переводятся» либо наиболее употребимые, либо наиболее значимые слова. В этом смысле сленг можно рассматривать как слепок с образа жизни речевого коллектива, который его создал и им пользуется. Круг тем, охваченных сленгом, позволяет выделить основные виды деятельности членов субкультуры, время и место их проведения, наиболее значимые понятия. Тематика сленга субкультуры «Плаха» основывается на понятиях, обозначающих время и место проведения молодежи, на музыкальной, наркотической тематике, на теме употребления спиртных напитков, на словосочетаниях, связанных с внешним обликом.

Время и место проведения членов субкультуры носили название «тусовка». Это слово появилось в лексиконе советских хиппи в конце 70-х гг. и имело множество значений: место сбора членов субкультуры: «Этот флэт – хорошее место для тусовки» («Эта квартира – хорошее место для времяпровождения»); компания, закрытый круг общения: «Я туда редко хожу из-за толкиенистов, да и вообще мне не нравится их тусовка» («...мне не нравится их компания»); любое общественное мероприятие: «Вчера в «Водолее» была крутая тусовка» («Вчера в клубе «Водолей» был хороший вечер, прием, концерт»); любое скопление людей в группу: «Что там за тусовка у подъезда?» («Почему много людей собралось возле подъезда?». Глагольная форма «тусоваться» также имеет несколько значений: быть неформалом: «Он крутой чувак, он тусуется с 70-х» («Он авторитетный человек, он придерживается взглядов данной субкультуры с 70-х»); гулять – «Что-то вилы сегодня тусоваться» («Что-то лень сегодня идти гулять»); общаться – «Я с ним уже давно не тусовался» («Я с ним давно не виделся, не общался»); отдыхать – «Сдам сессию и буду на море тусоваться» («Сдам сессию и буду на море отдыхать»). Использование префиксов (приставок) меняют смысл слова тусовка: «растусоваться» – перестать общаться, дружить; разойтись, разминуться; «стусоваться» – познакомиться, подружиться, начать общаться, встретиться; «натуситься» – прийти, появиться.

В музыкальной тематике сленга субкультуры преобладали англицизмы, потому что предпочтение отдавалось зарубежной рок-музыке. Музыкальную лексику сленга составляли слова, которые на протяжении многих лет входили в состав сленга музыкантов: «лабать» – играть на музыкальных инструментах, чаще всего на гитаре; «драмсист» – музыкант, играющий на ударных инструментах; «зафузованная гитара» – гитара, включенная через электронное приспособление, дающее резкий визжащий звук; «репа» – репетиция; «вещь» – текст песни, музыка («Мы ездили на репу к Ящичку и сочинили одну вещь, которая войдет в историю рока»); «драйв» (от англ. «drive» – большая энергия, напористость) – энергетическая характеристика ритма, определяющая способность музыки оказывать возбуждающее действие на публику: «У этой группы драйв не тот».

Наркотическая тематика прослеживается в анекдотах типа: «Колеса сломались, теперь сижу на травке» («колеса» – наркотики химического происхождения в виде таблеток, «травка» – наркотик растительного происхождения). Сленговые слова такого рода не столько информировали о реальных событиях (зачастую наркотики не употреблялись вовсе), сколько призывали обозначить «своего», то есть человека, не принадлежащего официальной культуре.

Примечательно, что тематика употребления спиртных напитков не имела особо проработанного сленгового выражения. Видимо, потому, что существует огромный пласт сниженного просторечного стиля: «кирять», «бухать» – употребляют алкогольный напиток. К этим словам молодежи субкультуры добавила англицизмы: «вайн» – вино (от англ. «vine» – вино), «бир» – пиво (от англ. «beer» – пиво), «батл» – бутылка водки (от англ. «bottle» – бутылка), «дринк» – алкогольный напиток (от англ. «to drink» – пить), «дринчать» – пить спиртное.

Фиксируя значимые элементы внешнего облика членов субкультуры «Плаха», сленг выполнял две функции: первая – отделял субкультуру от доминирующей культуры, вторая – разделял членов субкультуры на отдельные группы. В первом случае, сленговые слова были общими для всех, такие как «прикид» – одежда, «шузы» – обувь. Во втором случае, сленговые слова служили опознавательными знаками «своего» в определенной группе. Например, молодые люди, придерживающиеся идеологии хиппи, называли себя «волосатыми» и «хайрастыми», потому что главной отличительной чертой были длинные волосы, независимо от гендерной принадлежности. Другими значимыми элементами визуального облика в этой группе были «ксивник» – нашийный кошелек, «фенечки» – украшения из бисера. Члены субкультуры, относящие себя к панкам, обувь называли «гадами», прическу в виде стоящих узкой полосой волос вдоль головы с выбритыми висками – «ирокезом». Для того чтобы сленговое слово осозналось как «свое», оно должно было пройти два уровня распознавания. Первый уровень: субкультура – доминирующая культура. Например, обязательное использование основного сленгового лексикона, общего для всех членов всех групп субкультуры и осознающимся «плаховцами» как «свое»: «Плаха», «тусовка», «сейшн». Второй уровень распознавания происходил внутри самого неформального сообщества: группа – группа. Например, «последователей хиппи» можно было узнать по таким выражениям: «rock-n-roll forever» (рок-н-ролл навсегда), «peace-n-love» (мир и любовь), «автостоп», «хайрастый» (волосатый). Группа «панков» отличалась обильным употреблением ненормативной лексики и выражениями типа: «no future» (нет будущего), «punks not dead» (панки живы). В группе «сторонников нетрадиционных религий» были распространены такие слова, как «матаджа», «шудры», «падальщик», «просветленный», «нечистый». Представителей группы толкиенистов можно было узнать по прозвищам, взятым из известной трилогии Д.Р.Толкиена «Властелин колец»: «Горлум», «Леголас», «Хоббит». Здесь проявляется функция

идентификации (узнавания «своих»), которая работает в ситуациях знакомства с теми, кого определили как «своего» по визуальной символике. С одной стороны, с помощью сленговой речи проверяется факт принадлежности к субкультуре человека, с которым хотят установить контакт, с другой стороны, член субкультуры сам показывает принадлежность к определенному неформальному сообществу [7, с.56].

Так как основная задача сленга – выработка «своего» языка, члены субкультуры преследовали цель скрыть смысл разговора от посторонних. Особенно это явно прослеживалось при контакте с другими молодежными субкультурами, стоящими в оппозиции. В этом случае сленг выполнял функцию защиты информации. Стремясь не контактировать с другими субкультурами, возникал негласный запрет на использование «вражеского» узуса. Например, слова: «братишка», «сестренка», «в натуре», «конкретно» и выражения типа «ты кто по жизни?» субкультуры «гопников» не употреблялись молодежью исследуемой субкультуры. Также прослеживалось стремление защитить сленг от использования другой социальной группой. То есть, когда сленговые выражения начинали использоваться молодежью официальной культуры (студентами, школьниками...), они постепенно выходили из употребления. Так, в конце 90-х в широкий обиход вошло слово «тусовка», которое стало обозначать любое мероприятие в молодежной среде. Следовательно, субкультура попыталась заменить этот термин на слово «тусняк», позже на «туса», «тусыч», «замес»; «тусоваться» на «тус'ить». Слово «чувак» в молодежной субкультуре «Плаха» было заменено на «чел». То есть замена происходила тогда, когда слово или выражение дискредитировало себя как разграничитель, но это не значит, что первоначальные слова «тусовка», «чувак» переставали использоваться вообще. Они использовались значительно реже и воспринимались как архаизмы. Закрытостью «своей» информации сленг символизирует принадлежность к сообществу, тем самым определяя «непринадлежность» к господствующей культуре. Таким образом, проявляется функция герметизации словесного общения.

Неформальное объединение «Плаха» имело трехчастную структуру: периферия, основная часть и ядро. Периферия – самый многочисленный уровень. Он включает в себя так называемых «пионеров» – подростков на начальном этапе вхождения в субкультуру и «нефоров» – членов субкультуры, которые долгое время находились в ней, но по каким-то причинам не восприняли нормы сообщества. Основная часть имела этноним – «пипл», это те, кто усвоил нормы и ценности субкультуры. Ядро – это идейный стержень субкультуры. Этнонима не было, но остальные члены сообщества называли их «олдовыми» (от англ. «old» – старый). Плотное взаимодействие ядра осуществлялось с «пионерами». Происходила трансляция знаний и передача традиций. Здесь прослеживается коммуникативная функция сленга.

По мере прохождения от периферии к ядру, члены субкультуры неосознанно проигрывали социальные роли, идентичные ролям в господ-

ствующей культуре. Для определения статуса в субкультуре существовали свои слова-маркеры. Членов субкультуры на периферии называли словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые фиксировали инфантильное состояние. Например, «бейбик», «хиппеныш», «пионерчик»... Для тех, кто не прошел все стадии социализации в субкультуре и тех, кто не вызывал уважения были свои определения «нефоры»; для таких же агентов женского пола – «герла», «чувиха», «панкуха». Чем ближе член субкультуры находился к ядру, тем больше было определений с прилагательными «настоящий». Например, «настоящий чел», «настоящий тусовщик», «настоящая бейба» (женственная красивая девушка). Для лидеров существовали «свои» слова-маркеры. Например, «продвинутый», «просветленный», «олдовый». Таким образом, выявлена еще одна функция сленга – функция определения статусных позиций.

Сленг, как и литературный язык, живой организм. Он постоянно трансформируется, обновляется, пополняется. Члены субкультуры, с целью самоутверждения и повышения престижа в группе, стремились точно, метко, остроумно, кратко определить какое-либо явление или дать название предмету. Так появлялись новые слова, ранее не употреблявшиеся. Чаще всего процесс словотворчества происходил в рамках сленговых словообразований данной группы, то есть новые слова являлись производными от общеупотребимых сленговых слов. Как мы уже говорили выше, использовались окончания «-лово» («стремалово»), «-но» («косячно»); «-во» («лажово»), образование пассивных причастий с суффиксами «-нн-», «-енн-» («обломанный»), множественное число («вломы», «вилы»). Здесь прослеживается креативная функция.

Вообще, словотворчество осуществлялось всеми членами сообщества, но только лидеры («олдовые») могли внедрить их в обиход. Подросток, только что примкнувший к субкультуре, сталкивался с проблемой адаптации. Использование сленга происходило не по назначению и некоторые даже составляли словари сленговых выражений. По мере выработки лингвистической компетентности, происходил отказ от чрезмерного использования сленга, но проявлялось стремление придумать новые сленговые слова и выражения. «Олдовые» употребляли сленг редко. Использование сленга наблюдалось в случаях контакта с незнакомым «неформалом», чтобы определить его принадлежность к субкультуре. Таким образом, динамика речевого поведения показывает на продвижение агента по иерархической лестнице (от чрезмерного использования сленговых выражений до внедрения новых слов). Это функция социализации.

В центре внимания агента, владеющего сленгом, оказывается не то, о чем говорится, а как. Главное – это реализация модуса экспрессивности. Например, «кайфово», «лажово», «мутно», «стремно». Следовательно, одна из функций сленга – экспрессивная.

Язык молодежи во всех его возрастных и социально-групповых вариантах, от подростковых жаргонов до массового сленга, имеет кроме модуса экспрессивного отчуждения еще одну характерную общую особенность, притягательную для молодого поколения. Это устойчивая

тенденция к юмору, насмешке, иронии. Существуют специальные языковые номинации для выражения этой функции сленга: «подколоть» – подшутить, «стебать» – надсмеиваться, иронизировать. Таким образом, эту функцию сленга можно определить как функцию иронии.

Сленг охватывает практически все области жизни, описывает практически все ситуации, кроме скучных, поскольку сленговое слово рождается как результат эмоционального отношения говорящего к предмету разговора. Сленг – это постоянное словотворчество, в основе которого лежит принцип языковой игры. Сленг, по большому счету, несерьезен. Это средство развлечения и расслабления. Нередко именно комический, игровой эффект является главным в сленговом тексте. Молодому человеку важно не только «что сказать», но и «как сказать», чтобы быть интересным рассказчиком. Разумеется, такая речь, имеющая множество подтекстов, часто непристойного свойства, отправляющая в «телесный низ» может использоваться только в неформальном общении равного с равным. Здесь прослеживается игровая функция.

Таким образом, сленг является отражением жизни молодежной субкультуры «Плаха» и одной из ступеней социализации. Все способы словотворчества в молодежной неформальной среде указывают на стремление к корпоративности, на избежание использования тех каналов коммуникации, которые плотно заняты господствующей культурой. Поэтому сообщество пыталось ограничить использование вербального канала с помощью выработки «своего» языка путем заполнения лакун, переосмысления семантики литературных слов, метафорического и морфологического словообразования. Заимствования (англицизмы, криминальное арго и жаргон наркоманов) наполнялись иным содержанием. Как символическое образование сленг имеет следующие функции: идентификация, герметизация, коммуникация, определения статусных позиций, социализация, иронии, а также креативная, экспрессивная и игровая.

Библиографический список

1. *Береговская Э.М.* Молодежный сленг: формирование и функционирование // *Вопр. языкознания.* 1996. № 3.
2. *Ермакова О.П.* Современный молодежный жаргон и его место среди других некодифицированных систем русского языка. М., 1994. С. 49-64.
3. *Мазурова А.И.* Словарь сленга, распространенного в среде неформальных молодежных объединений // *Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений.* М., 1988.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ», 1992. 995 с.
5. Социология молодежи в обществе // *Социс.* 1999. № 5.
6. *Чеснокова Е.Е.* Молодежные субкультуры г. Владивостока. Владивосток, 2005.
7. *Щеланская Т.Б.* Символика молодежной субкультуры. СПб., 1993.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В 1917-1919 гг.

А.В. Чумаченко, Дальрыбвтуз, Владивосток.

В 1917-1919 гг. земства Сибири и Дальнего Востока занимались активной культурной деятельностью в России, которая включала в себя книгоиздание, книжную торговлю, устройство сельских библиотек, организацию школьного образования в городах и селах.

Культурная активность земств Сибири и Дальнего Востока, в частности книгоиздание и книжная торговля, а также участие в устройстве сельских библиотек являются весьма слабо изученными российскими историками. Между тем, данные темы таят в себе большое количество сюжетов, позволяющих полнее понять значение земства в общественной жизни сибиряков и дальневосточников в эпоху революции и гражданской войны. Более объективно выступают существенные характеристики земского самоуправления как механизма саморазвития территорий, рычага и стимула культурного движения в провинции. Как установлено современными учеными, к широкой издательской деятельности земство в России начало готовиться еще в 1913 г. [7, с. 284]. Инициатива создания общероссийского земского товарищества по книгоизданию принадлежала Уфимской губернской земской управе, культурной работой в которой руководили такие крупные специалисты книжной культуры и народного просвещения, как В.А. Невский, П.И. Гуров, В.В. Архангельский, М.И. Обухов, П.Н. Григорьев, Я.В. Амиров, П.А. Унде-Попов [3, с. 370]. В начале XX в. вся Россия покрывается сетью земских книжных складов. В годы Первой мировой войны из недр земства появляется такая форма народного просвещения, как избы-читальни, которые применили в России вовсе не большевики. Первые избы-читальни, организованные земством, появились в 1915 г. в Уфимской губернии [3, с. 152]. Накануне революции здесь оказались лидеры и идеологи движения за общедоступные земские народные библиотеки Д.А. Балаика и Н.Я. Фридьева. Весной 1919 г. в Уфе развернулась подготовка земских библиотекарей для Поволжья, Урала и Сибири, когда город был отбит белогвардейцами у большевиков. В самой Сибири земские избы-читальни появились лишь под занавес колчаковской эпопеи. Известно, например, о создании таких учреждений земством Акмолинской (Омской) губернии в сентябре-октябре 1919 г. [4, с. 240]. Отношение официальных властей всех политических окрасок к культурной работе земства, как и к земству вообще, менялось вместе со сменой этих властей. Необходимо обратиться к вопросам взаимоотношений большевистских советов депутатов и земских учреждений в первые месяцы после Октябрьского переворота 1917 г. В современной литературе эта проблема освещается с

позиций типичной для советской историографии необъективности. Утверждается, например, что большевики изначально всеми силами боролись с «мелкобуржуазным» и «контрреволюционным» земством. Земцы же, со своей стороны, выступали яростными врагами советов, готовили восстания. Вполне возможно, что так было во многих, даже в большинстве губерний центральной России, и, в первую очередь, в столицах, где наблюдалась резкая политизация всей деятельности общественных организаций и учреждений самоуправления, и где большевистские партийные комитеты и советы занимали исключительно негативную позицию по отношению ко всем прежним структурам организации общества. В Сибири с наибольшей полнотой нетерпимость советов к земству проявилась в 1917-1918 гг. в Иркутске, столице общесибирской советской власти. Способствовала этому и непримиримая позиция земских лидеров Иркутска из числа убежденных эсеров. После белогвардейского переворота губернский комиссар Временного Сибирского правительства П.Д. Яковлев, возглавлявший до этого губернскую земскую управу, писал в отчетах, что Иркутская губземуправа «и раньше, находясь в подполье, принимала деятельное участие в иркутских восстаниях и борьбе с советской властью» [5, с. 246]. Опыт Сибири и Дальнего Востока обнаруживает другую сторону взаимоотношений двух субъектов местной власти в 1918 г., вплоть до инструкций из большевистского Центра о разгоне земских органов, земства и советы во многих губерниях и областях конструктивно сотрудничали на ниве культуры и просвещения. Даже после циркуляра из Москвы 24 января 1918 г. об упразднении земств продолжалось такое сотрудничество. Можно привести факты, касающиеся Забайкальской и Амурской областей, Алтая, других территорий, где молодые земские организации, созданные всего год назад, завоевали авторитет у местного населения. Самыми сильными на востоке страны в организационном, финансовом и кадровом отношении из земских структур являлись Томское губернское и Приморское областное земства. Основа их влияния на поприще культуры, как и основа их относительно мирного сосуществования с советами депутатов состояла в одном: советы на время сохранили земству значительную часть его материальной базы. В руках земства в Томске и Владивостоке, с молчаливого согласия советов, находились крупнейшие региональные типографии, бывшие типографии Томского губернского и Приморского областного правлений. Укрепившись у власти в начале 1918 г., многие провинциальные советы за Уралом не стали немедленно разрушать или заменять своими новациями сложившуюся систему культурного воздействия на деревню через земство. Рассматривая эту проблему с сегодняшних беспартийных позиций, необходимо констатировать, что вожди сибирских и дальневосточных советов «первого призыва» вели себя абсолютно разумно. Они сделали выбор в пользу созидания, поступившись идеологическими принципами разрушения «чуждых» позиций в культуре. Земства имели крупные достижения в области школьной и внешкольной просветительской работы,

заменить их организацию и их кадры в этой сфере одним движением было невозможно и во всех отношениях вредно для дела. В провинции, бедной просвещенческими кадрами, дилемма была проста: либо хаос, либо совместная работа с представителями небольшевистских учреждений культуры. Это объективная причина временного примирения советов с земством. Многие провинциальные большевики в то время еще не усвоили идущие из Центра грозные директивы о бескомпромиссности, классовой непримиримости к идейным врагам. Воспитавшись в революционном движении порядочными людьми, будучи интеллигентами, они и вели себя как интеллигенты. Запретить какое-либо культурное начинание для них означало покушаться на свободу, основной символ веры революционера. Речь идет, конечно, не обо всей большевистской когорте за Уралом, но о многих ее представителях. Призывы к конструктивной работе с советской властью звучали тогда и со стороны земства. Мотивировка их была та же: не время сейчас развертывать междоусобную борьбу, народ ждет от нас мирного культурного труда. В иркутской эсеровской газете «Друг народа» эсер и земский деятель Иван Петелин писал: «Не о замене земства советами должна идти речь, а об их взаимной поддержке и дружном сотрудничестве. Как у советов, так и у земства есть свои непосредственные задачи, осуществлять которые они и призваны. Смешивать эти задачи воедино и сваливать их на плечи советов исключительно лишь во имя советского единодержавия, это означало бы наносить вред революции» [6, с. 360]. В соседней статье учитель эсер Ф. Филиппов подчеркивал силу земства и бездарность советов в вопросах культурного строительства: «Новая власть проявила полнейшее бессилие творчества во всех областях жизни, бессильна и в делах народного образования. Может быть, это и к лучшему, что коммунист Луначарский народным образованием до сих пор не занимался: новой школы, правда, нет, но школа все же существует» [7, с. 182]. Земцы, как видно, были уверены в крепости своих позиций и в том, что большевики без них не обойдутся в культуре. В приведенной выше цитате сквозит ирония, но в документах земства того времени немало и совершенно серьезных аналитических обобщений о необходимости конструктивного сотрудничества с советами. Первое Приморское областное земское собрание, состоявшееся в начале 1918 г., еще до разгона большевиками Учредительного собрания, приняло следующую резолюцию: «Первое чрезвычайное Приморское областное земское собрание, обсудив вопрос о текущем моменте и стремясь к устранению существующей дезорганизации, признает: 1) что разгоревшаяся в стране на почве отрицательного отношения к Совету народных комиссаров гражданская война ведет страну и революцию к разрушению и гибели; 2) что благоприятное разрешение вопроса о власти на местах приведет к умиротворению, порядку и продуктивной работе в интересах трудового народа; 3) что только дружная совместная работа земских и городских самоуправлений и советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов является средством для создания авторитетной власти» [8, с. 230]. При-

морское земство, таким образом, ратовало за мир и созидание вместе с большевиками, в первую очередь в вопросах культурного развития народа. Культурная миссия земства выступала на востоке России не на словах, а на деле. Выражалась она не только в налаживании школьной работы, чем повсеместно занимались отделы народного образования губернских (областных) и уездных земских управ, но и в широкой внешкольной (культурно-просветительной), и не в последнюю очередь в издательской и книготорговой деятельности. «Земскую газету», бесплатно раздававшуюся в деревне, журнал «Школа и жизнь Сибири», медицинскую и просвещенческую литературу издавало при большевиках Томское губернское земство, также газету «Народное слово», литературу для своих инструкторов, «Земский сборник» выпускала земская организация Приморья [5, с. 248]. Уже тогда идеологами культурных инициатив в «восточной ветви» земства Г.И. Поршновым, В.П. Денисовым, Б.М. Ганом высказывались соображения о культурной работе земских учреждений как фундаменте будущего демократического общества России. Суть рассуждений была такова: большевизм, с одной стороны, и «темные силы» монархии и реставраторства, с другой, опираются на невежество народа. Их результатом явились гражданская смута и война. Культурная программа земства и кооперации ставит альтернативой разрушению созидание, воспитание сознательных и просвещенных граждан, которые сплотятся вокруг демократических ценностей. Масса этих граждан сможет противостоять варварству разрушительных движений и тем самым спасет новую Россию. Путь собирания культурных сил под эгидой земских организаций, таким образом, представлялся земцам дорогой в демократическое будущее, способом сохранения целостности общества, а тем самым и России как государства. Чем плотнее надвигалась на азиатскую часть страны хозяйственная и культурная разруха, тем чаще и сильнее звучали в 1918-1919 гг. эти мотивы в устах эсеровских лидеров земства. Аналогичные мысли, применительно к своим культурным начинаниям, высказывали тогда же руководители сибирской и дальневосточной кооперации. Лозунг «К гражданскому миру через культуру», в сущности, скрывал в себе стремление руководивших земствами эсеров, социал-демократов, завоевать общество с помощью своей идеологии, облеченной в форму функций, учреждений и предметов культуры, в частности печати, книг, чтения, библиотек. При всех политических расчетах земство и кооперация действительно ощущали себя в Сибири и на Дальнем Востоке культурной силой, единственной, способной дать народу настоящую и полезную книгу, а не печатные агитки, которыми представители «красной» и «белой» власти наводняли деревню. Схематически процесс выглядел так, что земство, одновременно с кооператорами, без особых волевых усилий перехватывало у государства функции издания и распространения массовых видов литературы, учебников, классических художественных произведений, сельскохозяйственных книг. Основанием для этого служила полная бездеятельность политизированных властей сибирско-

дальневосточного региона в деле снабжения школ учебниками, а крестьян, востребованной в деревне литературой. За два года после октябрьского переворота ни большевистской ЦИК советов Сибири, ни Временное Сибирское правительство, ни Министерство народного просвещения Российского правительства А.В. Колчака не выпустили здесь ни одного школьного учебника или произведения художественной классики. Связь же с центром России, где находились основные издательства, была потеряна с началом гражданской войны. Можно привести пример замечательного упорства земских просветителей в решении насущной задачи провинциального просвещения, обеспечения начальных и средних школ (училищ) элементарным комплектом учебников. Поначалу тон здесь задавало Приморское областное земство. Весной 1918 г. ему принадлежала инициатива развертывания во Владивостоке, на базе собственной типографии, широкого издания школьной литературы и снабжения ею через земские структуры всех учебных заведений края. Приморское земство оказалось в это время практически единственной крупной земской организацией на востоке страны, за исключением только Амурского областного земства, которое могло позволить себе такие широкие издательские проекты. Томское губернское земство по инструкции из Москвы было распущено решением губернского исполкома от 26 марта 1918 г. В Приморье же земство на практике просуществовало вплоть до прихода большевиков, лишь в конце апреля 1918 г., с большой задержкой Дальсовнарком создал здесь комиссию по ликвидации областного земства, которая и дождалась вступления в июне во Владивосток войск генерала Р. Гайды. А за три месяца до этих событий, в марте 1918 г. областное земство отпустило из своего бюджета первые суммы на издание учебников для «народной школы». Еще ранее земством было получено от Дальневосточного краевого комитета советов некоторое количество бумаги для издательской деятельности. Значительный объем бумаги (1120 пудов) земство закупило и добыло самостоятельно. Интеграция с органами советской власти выразилась в том, что многие волостные советы Приморья, наряду с волостными земскими управами, прислали в областное земство деньги в уплату за будущие учебники [6, с. 320]. Издательская акция приморских земцев тогда не была доведена до конца, в том числе и из-за смены здесь власти летом 1918 г. Пришедшая в ноябре администрация А.В. Колчака сразу указала земским организациям их подчиненное место в государственной машине: у земских управ были отняты типографии бывших губернских (областных) правлений. Их владельцами становились колчаковские губернские комиссары. В Томске это событие вызвало крупный конфликт. Губернское земство всеми силами стремилось отменить решение комиссара от 27 ноября 1918 г. о передаче типографии губернскому комиссариату. Решение комиссара Б.М. Михайловского пытался приостановить заведующий земским отделом МВД правительства [2, с. 136]. Однако «твердая» власть четко взяла курс на оттеснение

и умаление роли эсеровского земства. По решению МВД губернские и областные комиссары, ставшие затем управляющими губерниями (областями) предложили своим земствам обязать все уездные и волостные земские управы выписывать за счет земства правительственные газеты [4, с. 280]. В мае 1919 г. во всех губерниях и областях Сибири и Дальнего Востока были созданы «комиссии по распространению противобольшевистской литературы» под руководством управляющих губерниями (областями). Такие же комиссии организовывались в уездах. В состав комиссий, по решению правительства, в качестве постоянных членов включались председатели губернских (областных) и уездных земских управ [7, с. 234]. Не последней задачей в таких условиях становилась пропаганда идей земского самоуправления, и весной 1919 г. в адрес колчаковских управляющих посыпались заявления земских управ об учреждении ими своих органов печати. Собственные журналы и газеты стали издавать тогда не только все губернские (областные) земские управы, но и многие уездные. Только в Томской губернии с февраля по апрель 1919 г. стали выходить губернский журнал «Земский работник», журнал Татарской уездной земской управы «Народное дело», журнал Каинской управы «Земское дело», новониколаевский журнал «Земская жизнь», журнал Томской уездной земской управы «Друг деревни», «Известия Всесибирского союза земств и городов (Сибземгора)», «Сельскохозяйственный журнал» (приложение к губернской земской «Народной газете»). Однако некоторые из этих изданий ограничили свой выход одним-двумя номерами. В октябре 1918 г. в Иркутске известный деятель книжной культуры Сибири эсер Г.И. Поршнев создал земско-кооперативное издательство «Сеятель». До осени 1919 г. с печатного станка «Сеятеля» сошло до двух десятков названий школьных учебников и научно-популярной литературы. Однако существование «эсеровского» издательства вызывало сильное раздражение колчаковцев. Издательство подвергалось постоянным притеснениям властей и в конце концов вынуждено было свернуть свою деятельность. В середине 1919 г., собравшись с силами, земские просветители принимают новую программу широкомасштабного издания учебников и школьной литературы. Они вновь мотивируют свои действия полным пренебрежением «белого» правительства к делу народного просвещения, колоссальным книжным голодом на востоке страны, усиливающимся развалом всей культурной сферы. Всесибирский союз земств и городов (Сибземгор) и Дальневосточный краевой союз земств и городов (Далькрайземгор), войдя в соглашение, стали готовить к переизданию самые требуемые в школе дореволюционные учебники. Однако печатать их пришлось не в Сибири и не на Дальнем Востоке, где в типографиях не нашлось места для заказов земства, а за границей в Шанхае. Туда были переведены средства, собранные отделами народного образования земств, учительскими союзами, школьными обществами всего региона в ходе предварительной подписки на учебники. В Китай выехали инструкторо-

ры издательского отдела Сибземгора. Под занавес колчаковской эпопеи, в ноябре 1919 – январе 1920 гг. шанхайские типографии отпечатали грамматику и книги для чтения В.С. Флерова и Л.Н. Толстого, Сибземгор вывез эти книги во Владивосток. Далькрайземгор, воспользовавшись падением белогвардейской власти во Владивостоке 30 января 1920 г., отпечатал здесь целую серию учебников: наглядные задачки, учебники по физике Баранова, учебники по математике Бема, Миккельсара и Егорова, учебники по истории Вейхельта и Ананьева, учебники по географии Курдова. Одна из этих книг, третий выпуск «Наглядного задачника» для 1-4 годов обучения, была составлена учителями Томской губернской земской управы под руководством известного земского педагога Л. Шумилова. Всего было выпущено тогда не менее 25 названий земских учебников [6, с. 350]. Учебники, выпущенные стараниями земства, на два года обеспечили школы созданной в 1920 г. Дальневосточной республики. В разгар НЭПа (1922-1923 гг.) они были ввезены на территорию Сибири и допущены Сибирским отделом народного образования к использованию в сибирских советских школах. Таким образом, земства сыграли важную роль в развитии народного просвещения в Сибири и на Дальнем Востоке России в 1917-1919 гг.

Библиографический список

1. *Абрамов В.Ф.* Российское земство: экономика, финансы и культура. М.: Ника, 1996. 168 с.
2. *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. М.: Наука, 1990. 254 с.
3. *Гильмиянова Р.А.* История библиотек Башкортостана: XVIII в. – 1917 г. (По материалам Оренбургской и Уфимской губерний): Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003. 470 с.
4. *Жукова Л. А.* Проблемы взаимодействия властных структур и земского самоуправления в пореформенной России 1864-1918. М.: Прогресс, 1995. 268 с.
5. *Лалтеева Л.Е.* Земские учреждения в России. М.: Институт государства и права, 1993. 236 с.
6. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока / А.М. Финдрук, С.Д. Синицын / Под ред. Н.В. Мазура. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2002. 386 с.
7. *Рубанова Т.Д.* К истории нереализованного проекта: земское товарищество по книгоизданию // Книга и мировая цивилизация: Матер. XI Международ. науч. конф. по проблемам книговедения (Москва, 20-21 апреля 2004 г.). М.: Наука, 2004. 370 с.
8. *Пирумова Н. М.* Земская демократическая интеллигенция. М.: Наука, 1986. 264 с.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ РАБОТЫ В МОРЕ И ФАКТОРЫ ЕЕ УСПЕШНОСТИ

В.Б. Шарлай, Дальрыбвтуз, Владивосток

Социальная адаптация личности – актуальная проблема современности. Способность к приспособлению в стремительно меняющемся мире. Это в настоящее время залог социальной успешности. Социальная адаптация является неотъемлемым условием успешности и стабильности производственной среды. Статья посвящена проблеме социальной адаптации и факторам, влияющим на ее успешность.

Проблемы социальной адаптации все чаще изучаются комплексно, одновременно с разных позиций. В научной литературе особое внимание уделяется социологическому и психологическому аспекту адаптации. Причиной тому является современная социальная, экономическая и политическая реальность, которая оказывает существенное влияние на социальную, а также психологическую составляющую личности, что в комплексе определяет успешность или неуспешность адаптации личности.

Термин «социальная адаптация» для характеристики социальных процессов был введен американскими социологами В.Томасом и Ф.Л. Знанецки в начале XX столетия, в настоящее время он используется в нескольких значениях: приспособление, освоение, взаимодействие, вхождение, вживание. В трудах отечественных исследователей периода 80-х годов XX в. встречается более широкое понимание социальной адаптации: это процесс изменений социальных, социально-психологических, морально-психологических, экономических и демографических отношений между людьми, приспособление к социальной среде [7, с. 232].

В рамках психологического подхода адаптация рассматривается как система, стремящаяся к сохранению своей стабильности. Организм, а также психика человека активно адаптируется к окружающей среде, стремясь сохранить гомеостаз, т.е. стремясь к определенной стабильности. В рамках данного подхода рассматриваются различные уровни адаптации: психический, социально-психологический, психо-физиологический. Психическая адаптация рассматривается как процесс установления оптимального соответствия личности и окружающей среды в ходе деятельности человека. Ряд исследователей отмечают многомерность образа психического состояния, формирование его во взаимодействии когнитивных процессов и чувственных переживаний [5, с. 113]. Так, в результате экспериментальных исследований, установлено, что в условиях позитивного восприятия уровня психического состояния повышается чувствительность, позитивный уровень восприятия способст-

ует высокой продуктивности, позитивные психофизиологические состояния способствуют легкости и четкости представлений [5, с. 115].

Внимание к проблемам социальной адаптации в современной научной литературе за последние десять лет несколько изменилось. В настоящее время рассматривается социальная адаптация к определенным видам деятельности, адаптация определенных социальных групп населения (например, молодежи, женщин, а также безработных, студентов, лиц определенных профессий, населения определенных регионов и т.п.). Рассматривается адаптация к изменившимся и динамично продолжающим видоизменяться социальным условиям жизнедеятельности, изучаются критерии успешности адаптации различных социальных слоев и групп населения, в том числе профессиональных, в новых социально-экономических условиях. В научной психологической литературе авторы продолжают традицию рассмотрения понятия адаптации, сущности и типов адаптации.

Социально-экономические изменения, происходящие в России, кардинально изменили и актуализировали проблему социальной адаптации больших групп населения. Актуальность приобретает социально-психологическая адаптация в производственной деятельности, стабильность как один из факторов успешной адаптации в производственной деятельности. Социально-психологическая адаптация человека к производственной деятельности – это адаптация к ближайшему социальному окружению в коллективе, традициям и неписанным нормам коллектива, стилю работы руководителей, особенностям межличностных отношений, сложившихся в коллективе. Она означает включение работника в коллектив как равноправного, принимаемого всеми его членами.

Профессиональная адаптация – полное и успешное овладение профессией, т.е. привыкание, приспособление к содержанию и характеру труда, его условиям и организации. Она выражается в определенном уровне овладения профессиональными знаниями и навыками, умении, соответствии характера личности характеру профессии [3, с. 79]. Важно знать, что работник, как правило, обладает необходимыми профессиональными способностями, нанимаясь на работу. Но для полной успешной профессиональной адаптации, необходима стабильность работы на предприятии, как условие качественного ее выполнения, а также общая социальная стабильность в обществе, государстве.

В рамках изучения социальной адаптации рассматриваются понятия *производственная среда, производственная адаптация*. Составляющие компоненты производственной среды как объекта социальной адаптации весьма многообразны. Среди них можно выделить условия труда и его организацию, оплату труда и формы материального стимулирования, содержание труда, жесткость производственных норм, психологический климат в коллективе и другие факторы. В научной литературе при рассмотрении адаптации работника на предприятии выделяют в основном два ее элемента: профессиональную и социально-психологическую адаптацию.

Факторами непроизводственной сферы предприятия, относящимися к сфере социально-психологической адаптации, считаются адаптация к бытовым условиям, внепроизводственному межличностному общению с коллективом, организация досуга на предприятии [1].

Производственную адаптацию как сложное явление и более широкое понятие, чем профессиональная адаптация, можно рассматривать с различных позиций, выделяя психофизиологическую, профессиональную, социально-психологическую. Каждая из них имеет свой объект, свои целевые задачи, показатели эффективности.

При решении кадровых проблем на предприятии, значение имеют все разновидности производственной адаптации. Неудовлетворенность ее результатами и неуспешность ее прохождения на предприятии приводит к необоснованно высокой текучести, к повышенной заболеваемости и другим негативным моментам социального и экономического характера [3, с. 95].

Адаптация в сфере мореплавания актуальна в большей степени, чем каком-либо другом производстве. Для работников плавсостава как больших, так и малых судов актуальна профессиональная, психофизиологическая и социально-психологическая адаптация, а также бытовая адаптация. Для работников плавсостава актуален статический аспект адаптации, то есть устойчивость к условиям среды как быта на корабле, так и работы. Так же важным критерием здесь является надежность как мера адаптированности, уровень устойчивости человека как биосистемы.

Характеристика социальной адаптации работников морского флота рассматривается как процесс приспособления работников к комплексу (морских) условий труда и быта различных типов судов флота; процесс социальной адаптации, возникающий в результате формирования рыночных отношений, как в обществе, так и океаническом производстве [4, с. 18], как особая система деятельности человека.

Работа в условиях моря относится к профессиональной деятельности с повышенным фактором риска. Судно является сложным специфическим производственным объектом, характеризующимся единством зон труда и отдыха, круглосуточным воздействием на организм моряка динамичного комплекса природных, производственных и бытовых факторов. С технических позиций тип судна во многом определяет автономность и безопасность плавания, тяжесть и напряженность труда, качество обитаемости экипажа и производственной деятельности, которая зависит от современной оснащенности судна, его возраста и организации современного производственно-технологического процесса.

Экспедиционно-вахтовый способ организации труда плавсостава, многократное перемещение судов на большое расстояние с пересечением нескольких часовых поясов предъявляют повышенные требования к организму человека, обусловленные сдвигами сезонных и суточных ритмов на фоне незавершенной адаптации человека к измененным условиям среды.

Сенсорная изоляция, кумулятивное воздействие качки и вибрации, постоянного шума от работающего двигателя, климато-зональные контрасты, круглосуточный режим работы, повышенная интенсивность и экстенсивная напряженность трудовой деятельности, а также ряд других экстремальных факторов оказывает влияние на всех работающих, независимо от их профессиональной принадлежности [6].

Экономические реформы вызвали и обострили целый ряд негативных процессов в сфере труда, в том числе значительное ухудшение условий и культуры труда, снижение качества трудового потенциала, депрофессионализацию рабочей силы, миграцию наиболее квалифицированных специалистов. Ослабление мотивации к эффективному и качественному труду и усиление ориентации на «быстрый» и желательный большой заработок у большинства работающих стали основной тенденцией в общественном сознании, что затрудняет процесс приспособления к условиям повседневной жизни, ограничивая действия адаптационных механизмов [2, с. 37-48]. Все эти факторы в полной мере касаются и мореплавания как деятельности.

Неудовлетворенность трудом, как правило, становится фактором роста недовольства своим социальным положением и ухудшения социального самочувствия человека. Люди, недовольные своей работой и важнейшими ее сторонами, зачастую в такой же мере недовольны материальным положением и тем местом, которое они занимают в социальной иерархии, и наоборот, удовлетворенность работой очень часто совпадает с удовлетворенностью своим социальным и экономическим положением, которое сказывается на качестве социальной адаптации.

Таким образом, высокая эффективность деятельности человека в процессе производства зависит от многих факторов не только самого производства, но и эффективности освоения новых обстоятельств – процесса адаптации. В случае же с мореплаванием – это не только производственный процесс, но и проблема адаптации к специфичным бытовым условиям. Уровень адаптации человека зависит от успешности вхождения в его новую роль.

С целью изучить уровень адаптации плавсостава судна, было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 50 человек специалистов морского флота. В результате проведенного исследования респонденты разделились на три группы. Первая группа – специалисты с высоким уровнем адаптации, вторая группа – средним уровнем адаптации, третья группа с заметно низким уровнем адаптации.

Исследования уровня социальной, психологической и производственной адаптации специалистов морского флота выявили следующие результаты: респонденты с высокой и средней степенью адаптации имеют большой стаж работы на судах флота, более 5 лет и составляют 93 % экипажа. Респонденты с низким уровнем адаптации составляют 7 % состава экипажа и их стаж работы менее 5 лет.

Значимую роль в адаптации работников плавсостава в экстремальных морских условиях труда и быта имеет профессиональный рост

и продвижение по службе. По результатам исследования выявлено, что за период работы на судах флота большинство работников с низким уровнем адаптации ни разу не продвигались на вышестоящую должность, однако работники с высоким уровнем адаптации периодически продвигаются по службе. Называемые причины неуспешности продвижения по служебной лестнице, по данным опроса, являются отсутствие деловых и профессиональных качеств, здоровья, различные нарушения трудовой и производственной дисциплины, то есть тех качеств, которые зависят от личных, профессиональных, деловых, моральных качеств специалистов – социальных и профессиональных.

На процесс успешной адаптации большое влияние оказывает удовлетворенность работой в целом через их субъективно-объективное отношение с социальной средой. В ходе исследования получены данные, из которых следует, что группа респондентов с высоким уровнем адаптации довольны своим местом работы, испытывают удовлетворенность своей производственной деятельностью. Тогда как в группе с низким уровнем адаптации значительное количество респондентов не довольны своим местом работы.

Проведенное социологическое исследование выявило основные мотивы увольнения работников плавсостава. Мотивы увольнения – это выражение субъективной оценки респондентов наиболее значимых объективных условий социальной среды, связанных с определенными потребностями и ценностными ориентациями. Они также показывают и степень несоответствия существующих условий работы в море потребностям, интересам, установке работников плавсостава, которая является побудительной причиной для расторжения трудовых договоров и увольнений по собственному желанию. Данные исследования свидетельствуют о том, что первое место среди всех мотивов увольнения в группе с высоким уровнем адаптации занимает неудовлетворенность заработной платой, сроками ее получения, однако и значительная часть этой группы вообще не увольнялась. Тогда как в группе с низким уровнем адаптации все респонденты увольнялись, и их мотивом были: неудовлетворенность заработной платой, сроками ее получения, а также неудовлетворенность организацией и условиями труда.

Среди главных факторов, значительно влияющих на экономическую адаптацию личности на судах флота, является удовлетворенность заработной платой. Зарплата как основной рычаг материальной заинтересованности влияет на профессиональную ориентацию командного и рядового плавсостава, в том числе молодых специалистов и женщин. Уровень зарплаты – одно из основных условий, привлекающих к работе на судах флота и влияющих на стабильность и закрепляемость кадров плавсостава.

На вопрос «Соответствует ли заработная плата, которую Вы получаете, вашему образованию, квалификации и условиям труда?» – 85 % всех опрошенных респондентов ответило, что: «Оплата ниже, чем должна быть по уровню образования, квалификации и работы в экс-

тремальных (морских) условиях труда и быта. Число ответивших таким образом, выше в 2,3 раза, чем желающих уволиться из-за недостаточной оплаты труда. Существенных различий между личностями с высоким уровнем адаптации и низким уровнем адаптации не наблюдалось. Кроме удовлетворенности заработной платой, на привязанность респондентов к своей работе или нежелание увольняться влияют другие факторы: интерес к морской специальности, хороший коллектив, перспективы профессионального роста.

Специфика социально-психологической адаптации личности на судах флота определяется характером деятельности, субъективно-объективным отношением с социальной средой и условиями жизни трудового коллектива. Работа на судах флота представляет специфическую форму трудовой деятельности, характеризующуюся повышенным риском, так как ее выполнение требует высокого напряжения физических и психологических сил работников плавсостава всех категорий и возрастов.

Социально-психологическая адаптация личности в трудовых коллективах судов флота характеризуется эмоциональным и психическим состоянием работающих. Данные проведенного исследования показывают, что у значительной части группы респондентов с высоким уровнем адаптации при работе в море вообще нет трудностей как бытовых, производственных, так и моральных, в отличие от респондентов с низким уровнем адаптации. Респонденты первой группы с высоким уровнем адаптации возрастной категории от 41 до 60 лет, с высшим профессиональным образованием, удовлетворены своим местом работы, бытовыми условиями, для них при работе в море практически отсутствуют социально-психологические трудности. Их выбор места работы не зависит от категорий социальной стабильности и защищенности, на первое место в этой группе выходит возможность посмотреть мир, межличностное взаимодействие в коллективе, заработная плата. Трудности, адаптации они связывают с «информационным голодом», а также проблемой для них является устаревшее оборудование на судах.

Респонденты, отнесенные ко второй группе со средним уровнем адаптации возрастной категории от 20 до 25 лет и от 41 до 60 лет, с высшим, средне-специальным образованием, из них 70 % удовлетворены своим местом работы, социально-бытовыми условиями. Зависимость выбора места работы эта группа связывает с коллективом, возможностью посмотреть мир, социальной стабильностью. В данной группе отмечаются психофизиологические трудности адаптации, чего нет в первой группе, а также социальные – разлука с близкими людьми и проблемы психологического климата и межличностного взаимодействия в коллективе.

Для респондентов с низким уровнем адаптации важна не только заработная плата, но и социальная стабильность, социальная защищенность. Несмотря на то, что в третьей группе диагностируется низкий уровень адаптации, работа на судах морского флота их привлекает

именно наличием социальной стабильности и защищенности и удовлетворительного материального благополучия на данный момент, нежели работа на берегу. Только 10 % ответов респондентов данной группы не желают продолжать работу на судах флота. Респонденты третьей группы с низким уровнем адаптации характеризуются возрастной категорией от 36 до 50 лет, со средне-специальным и высшим образованием, 80 % из них не удовлетворены своим местом работы, бытовыми условиями. Для данной группы, прежде всего, важен выбор места работы, которая зависит от социальной стабильности и защищенности, заработной платы. В третьей группе отмечаются психофизиологические трудности в их работе, а также социальные. Респонденты отмечают трудности адаптации в коллективе: психологический климат, нервную усталость, разлуку с близкими людьми.

Уровень социально-психологической адаптации человека определяет временные рамки производственной адаптации и успешность вхождения в профессиональную деятельность. Критерием адаптивности могут служить отношение к производственному процессу, к предприятию, отношение к социальному окружению, способность к успешному вхождению в коллектив, удовлетворенность работой и материальным вознаграждением за труд и особые условия работы, отношением с коллегами.

Анализ результатов проведенного исследования позволил сделать следующие выводы: на уровень социальной адаптации работников плавсостава оказывают влияние такие факторы, как возраст, образование, удовлетворенность профессией, уровень заработной платы, осознанный выбор морской специальности, психологическая и социальная удовлетворенность своим местом работы.

Библиографический список

1. Демидова Т.В., Псядло Э.М., Антошина Е.В., Плетос И.В. Факторы условий труда и их влияние на заболеваемость моряков // Вестник морской медицины. 2001. № 1. С. 5-17.
2. Козырева П.М. Некоторые тенденции адаптационных процессов в сфере труда // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 37-48.
3. Маслов Е.В. Управление персоналом предприятия / Под ред. П.В. Шеметова. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: НГАЭиУ, 1999. 312 с.
4. Минина Р.Д. Специфические особенности адаптации личности на судах флота рыбной промышленности к условиям рынка: Монография. Владивосток: Дальрыбвтуз, 1999. 196 с.
5. Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. «Феникс+», Дубна. 279 с.
6. Страхов А.П. Адаптация моряков в длительных океанических плаваниях. Л.: Медицина, 1976.
7. Философские проблемы теории адаптации / Под ред. Г.И. Царегородцева. М., 1975. 277 с.

ИСТОРИЯ И СМЫСЛ СИМВОЛИКИ МОРСКИХ СИГНАЛОВ

Л.М. Ямченко, МГУ им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток

Рассматривается происхождение и история развития морских сигналов, представляющих познавательный интерес для будущих морских специалистов.

На протяжении всей истории человек использовал свою способность распознавать и узнавать абстрактные изображения – знаки и символы – для предостережения, руководства, указания направления и передачи информации. С развитием мореплавания появилась необходимость передачи сообщений на значительные расстояния. Самые ранние письменные сведения об использовании сигналов на море встречаются у греческого историка Геродота: в битве при Саламине в 480 г. до н.э. афинский полководец Фемистокл использовал свой красный плащ как сигнал 300 кораблям греческого флота атаковать персидскую армаду.

Первый морской код был применен византийским императором Львом VI в IX веке н.э. Он ввел в своем флоте правило поднимать штандарты или знамена во время боя, которые сигнализировали другим судам – вступает ли это судно в бой или уходит, участвует в окружении или нет. Эти сигналы подавались подъемом или опусканием флага.

В британском флоте первый узаконенный список сигналов встречается в «Инструкциях для лучшего управления флотом в бою» от 1653 г. В нем было оговорено использование флагов, включая «Union Flag» 1606 г. (предшественник флага Union Jack), для того, чтобы передавать сообщения всему флоту, причем назначение любого флага менялось в зависимости от того, на какой мачте его подняли. На протяжении ста лет к этим флагам прибавились и другие; их сигналы иногда сопровождалась выстрелами из орудий, подъемом или опусканием определенных парусов. В конце концов, обилие всевозможных флагов затрудняло действие судов в конкретных ситуациях, и в 1786 г. появляется гибкая система сигналов, которая представляла собой 10 флагов, пронумерованных от 0 до 10. Так, например, во время Наполеоновских войн (1803-1815) британские корабли иногда эскортировали торговые суда. Общение «купцов» с судами сопровождения представляло немалые трудности, так как в торговом флоте никаких сигналов не существовало. Для того чтобы облегчить эту связь в 1817 г. капитаном британского флота Фредериком Марриатом составлены кодовые сигналы для торговой службы. Система состояла из 15 флажков и выпелов, которыми можно было передавать слова, предложения, названия портов, маяков, вид груза. Код оказался удачным и просуществовал до середины

XIX в. В 1857 г. вышла в свет Международная система кодовых сигналов для торгового флота, состоявшая из 18 флагов. Путем перестановок можно было передавать 78 642 сигнала, поднимая от одного до четырех флагов за один раз. Позднее она была дополнена и переименована в Международную систему сигналов. Полный алфавит включал в себя 26 сигналов.

Современный международный свод сигналов был введен в действие 1 апреля 1969 г. Эта система используется по всему миру на торговых судах всех стран, а также при обмене информацией между торговыми судами и кораблями военно-морских сил. Кодовое слово составляется из групп сигналов флагами – от одного до четырех. Например, сигналы из одной буквы выражают фразы, которые являются наиболее употребляемыми. Значение флагов может варьироваться в соответствии с обстоятельствами, в которых был поднят флаг. Флаг, называемый моряками «Blue Peter» (Пара) поднимается, когда судно собирается в море, все должны доложить о своем прибытии на борт. Поднятие его в море на рыболовном судне означает «мои сети натолкнулись на препятствие».

Самым быстрым средством передачи сигналов является код Морзе, набор специальных телеграфных сигналов, передаваемых в виде сочетаний точек и тире. Система названа в честь ее изобретателя Самюэля Финли Бриз Морзе (1791-1872). Элементарные сигналы кода Морзе и промежутки между ними должны быть определенной длины: тире равно трем точкам, промежуток между двумя словами равен пяти точкам. Ведение переговоров между судами в море или между судном и берегом осуществляется с помощью сигнальных фонарей, прожекторов или клотикового фонаря. Сигнал, передаваемый средствами световой сигнализации, включает вызов, опознание, текст, окончание.

Первым официальным сигналом бедствия, который передавался кодом Морзе, был CQD (Come Quick Danger). В 1908 г. CQD уступил свое место сигналу SOS. Этот сигнал не означает, как это часто принято, «Save our Souls» (Спасите наши души), или «Save our Ships», или, даже, как иногда интерпретируют, «Stop other Signals». Сигнал SOS был оговорен Международной радиотелефонной конвенцией как знак бедствия, потому что его можно передать тремя точками, тремя тире и тремя точками – что является наиболее простой и отчетливой комбинацией для передачи и приема. Впервые этот сигнал бедствия был передан в эфир 14 апреля 1912 г. судном «Титаник», столкнувшимся с айсбергом.

Первого февраля 1999 г. SOS уступил свое место другому сигналу Всемирной морской системы спасения в бедствии GMDSS, охватывающему все суда, включая яхты, водоизмещением 300 т и более, находящимися в морском плавании. Это международная комплексная система радиосвязи, предназначенная для повышения уровня безопасности мореплавания благодаря применению новейших систем радиосвязи морской подвижной спутниковой службы, центров международной спутниковой связи, береговой и судовой станции спутниковой связи; полярно-орбитальной спутниковой системы на базе спутников КО СПАС – CAPSAT.

Исторические сведения о символике морских сигналов, знание семантики и ее развитие представляют познавательный интерес. Главное же заключается в том, что эти знания помогают освоить современную символику сигналов на море, что составляет важную и необходимую часть знаний специалиста морской профессии.

В настоящее время Международная конвенция по подготовке и дипломированию моряков предъявляет к судоводителям требования: умение передавать и принимать сообщения с помощью световых сигналов по азбуке Морзе и пользоваться Международным сводом сигналов. Быстрота приема сигнала и ответа на него – показатель профессиональных качеств штурмана. Международный свод сигналов – морской разговорник, который помогает судоводителю преодолеть языковые трудности общения с коллегами в море.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь [Текст]: В 2 т. / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. 863 с.
2. *Foley, John*. The Guinness Encyclopedia of Signs & Symbols / John Foley. Guinness Publishing Ltd., 1993. 236 p.
3. Морской энциклопедический словарь [Текст]: В 3 т. / Под ред. В.В. Дмитриева. Л.: Судостроение, 1991. Т. 1. 504 с.

УДК 316.334.5

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОПУЛЯЦИОННОГО ЗДОРОВЬЯ КАК ИНДИКАТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

М.В. Ярыгина, Дальрыбвтуз, Владивосток

Здоровье населения является одним из важных показателей оценки социально-экономической и экологической ситуации любого территориального образования. Распространение заболеваний среди населения зависит от множества факторов среды обитания (социальных, генетических, климатических, медицинских), которая представляет собой целостную систему взаимосвязанных компонентов: естественных, техногенных и социальных сфер, создаваемых человеком. Одной из главных составляющих формирующегося эколого-социального сознания является комплексный системный подход с использованием возможностей информационного анализа.

В последние годы активно разрабатывается эколого-социальная проблематика, особое место в которой занимают исследования экологического сознания как одной из составляющих формирования здоровья.

«Одна из главных задач ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) – убедить национальные и международные руководящие органы, а также широкую общественность в наличии тесной взаимосвязи между здоровьем и экологией». Генеральный Директор ВОЗ Г.Х. Брундтланд [Курьер ЮНЕСКО, 1990].

В 1804 г. великий французский ученый Жан-Батист Ламарк сказал о том, «... что назначение человека ... заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав Земной шар непригодным для обитания». И только спустя 2 века эта мысль получила официальное научно обоснованное оформление в виде согласованного в международном масштабе документа «Повестка XXI в.», принятого и подписанного 182 странами на «Конференции ООН по окружающей среде и развитию» в 1992 г. в Рио-де-Жанейро и констатирующего, что с продолжающимся загрязнением окружающей среды (ОС) ухудшается и состояние здоровья как нынешнего, так и будущих поколений людей. **В наиболее общем виде это положение получило развитие в следующих тезисах концепции устойчивого развития**, сформулированных на вышеупомянутой конференции: 1) необходимость признания того, что *в центре внимания развития должны быть люди*, которые имеют право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой; 2) *охрана ОС должна стать неотъемлемой компонентой процесса развития и не должна рассматриваться отдельно от последнего*; 3) необходимо в равной мере обеспечивать и процесс развития, и *сохранение ОС как для нынешнего, так и для будущих поколений*; 4) понимание того, что *охрана здоровья неразрывно связана с достижением целей устойчивого развития*; 5) *загрязнение ОС в городских районах обуславливает чрезмерную заболеваемость и смертность*; 6) важнейшей задачей здравоохранения в наше время *является оценка рисков для здоровья, связанных с загрязнением и вредным воздействием ОС*; 7) рассмотрению подлежат демографические тенденции при анализе проблем изменения ОС и *степени угрозы населению, проживающему в экологически уязвимых районах* [Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992)].

Состояние здоровья населения является одним из важных показателей оценки экономической и экологической ситуации территории. Распространение заболеваний среди населения зависит от множества факторов среды обитания (социальных, генетических, климатических, медицинских), которая представляет собой целостную систему взаимосвязанных компонентов – естественных (воздух, вода, почва, флора, фауна, климат, рельеф), а также техногенных и социальных сфер, создаваемых человеком [М.В.Ярыгина, П.Ф. Кику, Л.Н. Деркачев, и др., 2003].

Кризисное развитие общества, интенсификация темпа жизни, чрезмерные эмоциональные, интеллектуально-информационные и физические перегрузки способствуют развитию своеобразного феномена защитно-приспособительного характера, ограждающего психоземональную

сферу человека от избытка раздражителей. Одновременно сказывается неготовность пропагандировать и воспринимать информацию о превентивных методах оздоровления среди населения. По результатам исследований Федерального НИИ медицинских проблем формирования здоровья 53,3 % населения отметили собственную некомпетентность в этих вопросах, при этом 63–87 % опрошенных хотели бы получать достаточную информацию о здоровом образе жизни [К.Р. Амлаев, 2005].

Человек стал равнодушным к условиям собственного выживания в окружающем мире. Осознавая, что его благополучие напрямую зависит от его социального состояния, он на долгое время отодвинул от себя решение дилеммы «Я и окружающий мир», выстроил «вавилонскую башню» – необузданный технический прогресс, ориентированный в основном на технический комфорт без учета психофизиологических особенностей [А.Л. Еремин, 2005]. Теперь человек должен приспосабливаться к современным машинам, техническому ритму и жить в постоянном психозмоциональном напряжении, усугубляющемся социальными конфликтами, экологическими и техногенными катастрофами [К.В. Судakov, 1997]. Если представить современный технический прогресс в виде весов и на одну чашу поместить его достижения, то на второй чаше находятся рост экологической напряженности и связанные с ним общая и профессиональная заболеваемость, ухудшение демографической структуры населения, рост врожденной патологии, как ответной реакции на насильственное изменение окружающей среды [Н.Ф. Измеров, 2000; Л.А. Гридин, 2001].

Дмитрий Менделеев в своей работе «К познанию России» в 1905 г. предположил, что к 2000-му г. население России достигнет 594 млн. Сложившиеся демографические тенденции современного периода и долгосрочные прогнозы свидетельствуют о депопуляции и кризисном состоянии здоровья населения, угрожающие распадом нации. К началу 90-х гг. сформулирован закон 3-х поколений, согласно которому генетический сдвиг нации можно спрессовать в 3 поколения, в течение жизни которых нация полностью деградирует. В это же время сформулировано понятие маргинальности, т.е. пограничного психологического состояния, обусловленного приобретенными и наследственными факторами. Если в 1992 г. к маргиналам относили 50 % подростков, то к настоящему периоду – 90 % [М.Н. Рахманова, 1992].

Результатом системного кризиса социально-экологической политики явилось беспрецедентное в мирное время уменьшение численности народонаселения: за последние годы выросла смертность во всех возрастных группах, и в 1995-1997 гг. число умерших превышало число родившихся в 1,7 раза, а позднее – в 1,3 раза (к 2005 г.). Современная ситуация с рождаемостью сложилась под влиянием динамики ее развития в прошлом [С.В. Алексеев, О.И. Янущенко, 2002]. Почти 3 десятилетия в условиях длительной стагнации прирост населения обеспечивался за счет еще многочисленных поколений женщин детородного возраста (15-49 лет) [Б.Т. Величковский, 2005]. К настоящему времени

эта возможность иссякла. Смертность 20-30-летних выросла на 61 %. При изучении антропогенных факторов риска в рамках эпидемиологических исследований все чаще используют группы детей, так как они наиболее чувствительны к воздействию факторов окружающей среды [О.Е. Коновалов, О.В. Мойсеук, В.Г. Артемов, 2000]. Снижение рождаемости усилилось взаимодействием двух основных факторов. Первый отразил адекватную реакцию населения на снижение уровня и качества жизни, второй обозначил формирование и развитие у молодежи новых типов репродуктивного поведения, связанных не с ухудшением, а с изменением стиля и образа жизни [О.П. Щепин, Е.А. Тишук, 2001; Б.Т. Величковский, 2003]. Процессы формирования здоровья населения объективно отражают происходящие в стране события социально-гигиенического характера. Существенное влияние на эти процессы оказывают трудности экономических преобразований [Б.Т. Величковский, 2002]. На фоне массового снижения жизненного уровня произошла резкая социально-экономическая поляризация населения: доходы 10 % в среднем в 14 раз превышают доходы 40 % наименее обеспеченных людей (по данным «Российской газеты»). Все большее внимание привлекает рост пограничных нервно-психических состояний, проявлений длительного стресса, общего уровня тревожности населения, активно используется «синдром хронической усталости» как одна из болезней цивилизации.

Сегодня особое внимание уделяется данным демографической статистики [Демографический ежегодник России, 2001-2008 гг.]. Нарастающая социальная напряженность в обществе становится факторным признаком, существенно влияющим на демографическую структуру населения и определяющим уровень здоровья, как всего населения, так и его отдельных групп [Е.Н. Беляев, С.Г. Домнин, Н.Ю. Целиковская, 2004]. Во-первых, состав различен по полу и возрасту населения. Во-вторых, нарушено соотношение полов. В-третьих, структура населения регрессивна. В-четвертых, наглядно проявляется отсутствие части поколения, не родившегося во время Отечественной войны, что проявляется в последующих флюктуациях структуры населения (мало 20-34-летних) [С.А. Бойцов, М.А. Карпенко, А.Н. Кучмин и др. В.Б. Колядо, И.Б. Колядо, С.И. Трибунский, 2001]. Результатом суммации перечисленных фактов является рост заболеваемости и другие социальные проблемы.

Высокая распространенность вредных привычек, неадекватное отношение населения к характеру питания, двигательной активности, культуре межличностных отношений, нормам санитарно-гигиенического поведения, пополняют группу факторов риска, способствующих развитию хронической патологии, приводящей к ранней инвалидизации и смертности [П.Ф. Кику, М.В. Ярыгина, Т.В. Горборукова и др., 2005]. Исследования последних лет подтверждают, что население осознает свою роль в сохранении и укреплении здоровья, трезво оценивает негативное влияние вредных привычек на состояние здоровья, понимает значимость сохранения здоровья в современных неблагоприятных социаль-

но-экономических условиях [М.В. Ярыгина, Н.В. Козьявина, 2003]. Однако понимание не приводит к побуждению изменить жизненные позиции, сложившийся стереотип небезопасного для здоровья поведения.

Концепция факторов риска помогла найти ответ на вопрос, от чего зависит здоровье [Ю.П. Лисицин, 1998]. Как установлено, большая их часть, особенно способствующая возникновению хронических заболеваний, относится к субъективным, зависящим от поведения человека. Все вредные привычки, вторичные факторы риска, неблагоприятные условия жизни зависят от него самого. Именно с поведением человека связаны те «патогенные ситуации», которые по замечанию Г. Селье [Г. Селье, 1960] и определяют ныне современную хроническую патологию. Комплексные социально-гигиенические и клинко-социальные исследования помогли сформулировать модель обусловленности здоровья или образа жизни, как социологической категории, характеризующей социально-экономические и психологические общественные явления [Ю.П. Лисицын, 1998]. Последнее положение совпадает с прогнозом академика И. В. Давыдовского, высказанным им более 40 лет назад о том, что «успехи лишь одной медицины к решающим сдвигам в долготелии не приведут». Возрастающие потери от преждевременной смертности в России все больше определяются длительно существующим экологическим неблагополучием и социально-экономическими факторами, а не состоянием медицинской обслуживания [А. Yablokov, A. Demin, 1994].

За долговременную адаптацию организма к чрезвычайному или длительному влиянию неблагоприятных факторов ОС, которые в реальной ситуации действуют в комплексе, усиливают и модифицируют вредное влияние друг друга, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО расплачивается относительно типовыми общепатологическими нарушениями в организме, что, в конечном итоге, сопровождается рядом прогностически важных социально-гигиенических, медико-биологических и демографических проявлений: снижение социальной активности; формирование предрасположенности к различным заболеваниям; учащение и хронизация острых процессов; прогерия; снижение средней продолжительности жизни; ухудшение здоровья последующих поколений [Ю.П. Гичев, 2004].

Образ жизни, как структура различных характеров активности людей, является субъективным фактором общества. Среди индивидуальных и средовых характеристик после образа жизни по силе выявлено воздействие природных и социальных, техногенных факторов окружающей среды, а именно – экологической ситуации, доля влияния на здоровье которой по Ю.П. Лисицыну составляет 20-25 %. В конце 90-х гг. появилась возможность оценки качества жизни как способности индивида функционировать в обществе соответственно своему социальному положению и получать удовлетворение от жизни при различных заболеваниях.

Социальные и экономические преобразования в стране повлекли за собой появление многих актуальных проблем в развитии общест-

венного здоровья, для решения которых требуются новые подходы в исследованиях, совершенствование методик социально-гигиенической паспортизации, мониторинге и прогнозировании развития здоровья населения и оценке его возможных потерь [И.П. Голубев, 2001].

Медико-информационная компонента в оценке состояния общественного здоровья является одной из основных. Развитие и пополнение базы медико-экологических данных, последующий их анализ позволяют выявить основные закономерности формирования здоровья населения, что чрезвычайно важно для своевременного принятия мер социальной и медицинской профилактики.

Выбор метода, времени, территории и нозологических форм исследования определяется доступностью и качеством информационных баз данных, приоритетами, мотивировкой цели [Г.Г. Онищенко, 2002]. Выбор территории исследования зависит от объема и характера техногенной нагрузки на ОС, плотности населения, климатогеографических факторов. Мотивировка исследования определяется ростом уровня заболеваемости населения, длительностью экспозиции неблагоприятного фактора ОС, а значит необходимостью определения риска и прогнозирования. Часто опасная экологическая ситуация вызывает недоверие населения, что и побуждает проводить эпидемиологические исследования. Качество необходимой информации является ключевым. Несмотря на значительный пласт исследуемых показателей СГМ, ведомственная разобщенность не позволяет их использовать. Базы данных по состоянию здоровья дают ограниченную возможность их использования для изучения связей «ОС – здоровье», вследствие того, что часто их составление отвечает лишь административным целям, направленным на распределение ресурсов здравоохранения. Расстановка подобных приоритетов особенно важна для региона с развитой инфраструктурой рыбодобывающей отрасли, определяющей и национальные стратегические интересы.

Современный этап развития общества характеризуется недостаточным решением вопросов организационно-методической перестройки информационной доступности, медленными темпами реализации на местах оптимальной методологии анализа связей «среда-здоровье», недостаточной разработкой научно-методических подходов к оценке долевых воздействий среды обитания, обоснования критериальных показателей функционального состояния человека, формировании адаптационных механизмов их изменений под влиянием средовых воздействий, расчету количества населения, находящегося под воздействием факторов среды, а порой и отсутствием технических возможностей.

Библиографический список

1. *Алексеев С.В., Янущенко О.И.* Экология человека – системный взгляд на процесс формирования здоровья // Вестн. Рос. АМН. 2002. № 9. С. 3-6.

2. *Амлаев К.Р., Муравьева В.Н.* Оценка уровня знаний в области медицинской профилактики // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. 2005. № 4. С. 30-32.

3. *Беляев Е.Н., Домнин С.Г., Цельковская Н.Ю.* Опыт ведения СГМ в России // Гигиена и санитария. 2004. № 5. С. 6-9.

4. *Величковский Б.Т.* Реформы здоровье населения страны (Пути преодоления негативных последствий). М.: Мысль, 2002. 156 с.

5. *Величковский Б.Т.* Экология человека. В чем главная проблема России? // Вестн. Рос. АМН. 2002. № 9. С. 6-9.

6. *Величковский Б.Т.* Главнейшая задача экологии человека в России / Б.Т. Величковский // Гигиена и санитария. 2003. № 3. С. 6-9.

7. *Величковский Б.Т.* Социальный стресс, трудовая мотивация и здоровье // Мед. вестн. 2005. № 2 (309). С. 7.

8. *Кику П.Ф., Ярыгина М.В., Горборукова Т.В.* Влияние биотропных факторов среды обитания на распространение заболеваний выделительных систем в различных биоклиматических зонах Приморского края // Современные технологии диагностики, восстановительного лечения и профилактики неинфекционных заболеваний. Окружающая среда. Здоровье населения: Сб. информ.-методич. док. Владивосток, 2005. С. 153-181.

9. *Гридин Л.А.* Общественное здоровье как показатель благополучия и стабильности общества // Рос. мед. журн. 2001. № 3. С. 9-12.

10. *Гичев Ю.П.* Биологические аспекты экологической обусловленности преждевременного популяционного старения (популяционной прогерии) и сокращения продолжительности жизни населения России // Экология человека. 2004. № 6. С. 30-34.

11. *Голубев И.Р.* О мониторинге «Здоровье – окружающая среда» // Гигиена и санитария. 2001. № 4. С. 66-68.

12. Демографический ежегодник России. Официальное издание, 2001 – 2008 г.г.

13. *Еремин А.Л.* Ноогенез и теория интеллекта // Краснодар: Сов-Куб, 2005. 356 с. <http://a-eremin.ru/rus/>

14. *Измеров Н.Ф.* Роль профилактической медицины в сохранении здоровья населения // Медицина труда и пром. экология. 2000. № 1. С. 1-6.

15. *Коновалов О.Е., Мойсеюк О.В., Артемов В.Г.* Факторы риска и частота заболеваемости у детей, проживающих на территории техногенного загрязнения / О.Е. Коновалов // Здравоохран. Рос. Федерации. 2000. № 3. С. 23-24.

16. *Лисицын Ю.П.* Концепция факторов риска и образа жизни // Здравоохран. Рос. Федерации. 1998. № 3. С. 49-52.

17. *Онищенко Г.Г.* Некоторые аспекты охраны здоровья и окружающей среды в разработке проекта экологической доктрины России // Здравоохран. Рос. Федерации. 2002. № 2. С. 3-8.

18. *Рахманова М.Н.* Семья и здоровье детей // Современная семья: проблемы, решения, перспективы развития: матер. междунар. семинара. М., 1992. С. 40-50.
19. *Селье Г.* Очерки об адаптационном синдроме / Пер. с англ. М., 1960. 240 с.
20. *Судаков К.В.* Психоэмоциональный стресс: профилактика и реабилитация // Терапевт. архив. 1997. Т. 69. № 1. С. 70-74.
21. *Щепин О.П., Тишук Е.А.* Современное состояние и тенденции заболеваемости населения Российской Федерации // Здравоохран. Рос. Федерации. 2001. № 6. С. 3-8.
22. *Ярыгина М.В., Козявина Н.В.* Социально-психологические аспекты заболеваний органов дыхания в семье // Проблемы сохранения здоровья семьи: сб. науч. тр. Владивосток, 2000. С. 27-38.
23. *Ярыгина М.В., Куку П.Ф., Деркачева Л.Н.* Распространение патологии выделительных систем на территории Приморского края // Бюл. физиологии и патологии дыхания. 2003. Вып. 14. С. 72-76.
24. *Yablokov A., Demin A.* Aspects of demography, health and environment in Russian. Paper presented at General Assembly of GLOBE International. Moscow. 1994. 31 Aug. 2 Sep. 142 p.